АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 7

ТАШКЕНТ — 1966

ФАН

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

ТАРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

ЎЗБЕКИСТОННИНГ МОДДИЙ МАДАНИЯТИ ТАРИХИ

7-КИТОБ

ЎЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЁТИ

ТОШКЕНТ · 1966

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ · 1966

902.6
И90

Сборник посвящен новым открытиям в области истории Средней Азии от палеолита до средних веков. В книге освещаются вопросы первобытной истории Узбекистана. Большой интерес представляет исследование древних орошаемых земель, которые войдут в баланс земельных угодий Узбекистана.

Книга рассчитана на историков, археологов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов и учителей истории средних школ, а также на широкий круг читателей, интересующихся вопросами истории материальной культуры Узбекистана.

Ответственный редактор

доктор исторических наук

В. А. ШИШКИН

В. А. ШИШКИН

СОРОК ЛЕТ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

(1924—1964)

Наследие дореволюционной археологии в Узбекистане незначительно, особенно в отношении древнейших периодов. Лишь трудами Н. И. Веселовского, В. В. Бартольда, В. Л. Вяткина и группы энтузиастов, входивших в Туркестанский кружок любителей археологии, был собран некоторый материал, показавший большую насыщенность Туркестана ценнейшими памятниками далекого прошлого. Археологические рекогносцировки, а иногда более или менее значительные раскопки (на Афрасиабе, в Пайкенде и других местах) доставили вещественный материал, вошедший в коллекции Эрмитажа, Ташкентского и Самаркандского музеев. Однако накопленный материал, за исключением некоторой части нумизматического, был плохо изучен как в отношении хронологии, так и по его историко-культурному значению. Поэтому он не мог служить основанием для сколько-нибудь серьезной постановки исторических проблем.

«Белым пятном» в среднеазиатской дореволюционной археологии оставались периоды первобытного общества и древности — времени первого тысячелетия до и первых веков нашей эры. Показателем уровня изученности археологических памятников является примитивная периодизация материала, бытовавшая среди археологов того времени. Все древнее относилось к «домусульманскому» периоду, обычно без дальнейшей детализации; за ним следовали «домонгольский», «монгольский» и «тимуридский» периоды.

В отношении первого периода, «домусульманского», господствовала точка зрения о его застойности и неподвижности. Такую концепцию выдвинул, в частности, крупнейший историк Средней Азии В. В. Бартольд в 1927 г., предположив, что об-

щественный строй с IVв. до н. э. был тем же, который в VII в. н. э. застали арабы»[1].

В этом высказывании кроются, во-первых, идеалистические представления о ходе исторического процесса, свойственные буржуазным ученым, даже передовым по своим взглядам, к которым с полным основанием можно причислить и В. В. Бартольда (его труды и в наше время не потеряли своего значения как сводка изученного им материала из письменных источников). Во-вторых, здесь сказалось слабое знакомство с археологическими памятниками. По предположению этого ученого, самые ранние из них «относятся только к тому Туркестану, который застали в VII в. арабские завоеватели»[2].

Археологическая наука Средней Азии до Октябрьской социалистической революции сделала первые, недостаточно уверенные шаги. При этом следует учесть неблагоприятную обстановку для серьезного изучения прошлого Туркестанского края. Царские чиновники, будучи заинтересованными больше во «внедрении русской государственности» (конечно, монархической и православной), чем в исследовании древней культуры среднеазиатских «туземцев», не оказывали должной поддержки ученым. Поэтому не следует быть слишком строгими в оценке деятельности археологов дореволюционного Туркестана. Они сделали то, что было возможно. В результате их работ советская археология начиналась не на пустом месте.

После Октябрьской социалистической революции, с освобождением народов Средней Азии от колониализма, в процессе консолидации узбекской и других социалистических наций естественно обострился интерес к прошлому, к былой высокой культуре среднеазиатских племен и народов. Однако в первые годы Советской власти в Туркестане археологические работы не получили достаточного развития. В основном они были сосредоточены в Самарканде и, в значительной мере, связаны с исследованием лишь архитектурных памятников в XIV—XV вв.

Причины такого положения в археологии понятны. Занятая борьбой против различных контрреволюционных выступлений, преодолением разрухи и созданием предпосылок для дальнейшего социалистического строительства, молодая Туркестанская советская республика не могла обеспечить развертывание широких научных исследований. Ощущался и недо-

---

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 3 (см. также «Сочинения», т. II, стр. 173).

[2] Он же. Ближайшие задачи изучения Туркестана, журн. «Наука и просвещение», 1922, № 2, стр. 10.

статок в специалистах, которые бы не только владели методами полевых работ, но были вооружены материалистическим пониманием исторического развития человеческого общества. А без этого вообще невозможны действительно научная постановка и решение задач исторической науки.

Оживление в археологической работе, как и в других областях научной деятельности, наступило после образования Узбекской ССР. Это было время окончательного укрепления советской государственности, развернутого социалистического строительства во всех братских республиках.

Уже в первое десятилетие Советской власти в Узбекистане были выполнены серьезные археологические исследования, организованные как местными, так и центральными научными учреждениями. Среди них — раскопки В. Л. Вяткина на городище Афрасиаб (1925 и 1929—1930 гг.), трехлетняя Термезская экспедиция Музея восточных культур (1926—1928 гг.), раскопки М. Е. Массона на городище Аиртам, близ Термеза (1932 г.), его рекогносцировка в Ангренском районе и работы на самаркандском Регистане, раскопки А. А. Потапова курганных погребений в долине Ангрена (1929—1930 гг.), работы Б. А. Латынина в Ферганской долине (1930, 1932—1933 гг.) и др.

Проведенные исследования доставили большой новый материал, позволили впервые установить возраст некоторых категорий археологических памятников, определить местонахождение большого числа древних городов и селений. Благодаря этим работам открыты такие уникальные памятники культуры, как, например, знаменитый аиртамский скульптурный фриз кушанского времени, остатки дворца термезских правителей XII в. и др.

Немаловажное значение имели исследования древних разработок полезных ископаемых в верховьях Ангрена (М. Е. Массон, Б. Н. Наследов). Работами Б. А. Латынина в Ферганской долине положено начало изучению истории орошаемого земледелия. Многое сделано в изучении выдающихся памятников среднеазиатской средневековой архитектуры как со стороны их конструкции, так и в области архитектурного декора (Б. Н. Засыпкин, М. Ф. Мауэр, Б. П. Денике, И. К. Мрочковский и др.). В течение ряда лет (с 1917 по 1931 г.) производилась систематическая регистрация монетных находок (М. Е. Массон).

Приведенный краткий перечень работ показывает, что советская археология в первое же свое десятилетие достигла значительных успехов.

Характерными для этого периода были поиски новых методов исследования, постановка не возникавших раньше исто-

рико-археологических проблем, более углубленное и тщательное изучение вещественного материала, позволявшее наметить вехи историко-археологической периодизации материальной культуры Узбекистана. Вместе с тем, некоторые работы (в частности, раскопки В. Л. Вяткина на Афрасиабе) не вполне преодолели методику и установки дореволюционной археологии. Сильно отставала и публикация результатов исследований.

Значительный перелом в развертывании археологических работ в Узбекистане наступил около середины 30-х годов, когда в результате социалистической реконструкции народного хозяйства была заложена материальная база для научной деятельности, а успехи культурной революции, развитие высшего образования и научных учреждений создали для этого необходимые предпосылки. Появились достаточно подготовленные молодые кадры историков и археологов. И, что особенно важно, новые отряды исследователей, в своей научной деятельности твердо вставали на платформу исторического материализма и с этих позиций вскрывали основные факторы и законы исторического развития народов Средней Азии — участников создания мирового культурного наследия.

В середине и во второй половине 30-х годов были организованы очень важные по своим результатам археологические экспедиции, как например, Зарафшанская (Узкомстарис и Эрмитаж, 1934, 1939 гг., работавшая под руководством А. Ю. Якубовского), Термезская (Узкомстарис с участием сотрудников Эрмитажа и местных узбекистанских музеев, 1936—1938 гг., под руководством М. Е. Массона), раскопки городищ Каунчитепа (Г. В. Григорьев, 1934—1937 гг.) и Актепа (А. И. Тереножкин, 1940—1941 гг.) в Ташкентской области, Талли-Барзу, под Самаркандом (1936—1939 гг.), исследование городища Варахша и его окрестностей (В. А. Шишкин, 1937—1939 гг.) и др.

Особенно ценный материал собран Хорезмской экспедицией (С. П. Толстов, с 1937 г.). Ценными для изучения прошлой материальной культуры оказались также наблюдения на строительстве ирригационных сооружений — Большом Ферганском канале (М. Е. Массон, Я. Г. Гулямов, В. Д. Жуков, Т. Г. Оболдуева), Ташкентском канале (М. Э. Воронец, А. И. Тереножкин), Каттакурганском водохранилище (В. А. Шишкин, И. А. Сухарев).

В годы Великой Отечественной войны деятельность археологических экспедиций почти прекратилась. Однако и в это тяжелое для страны время все же велись серьезные работы в зоне строительства Фархадской ГЭС (1943 г., руководитель

В. Ф. Гайдукевич). Было начато исследование ансамбля медресе и хонако Мухамед-Султана в Самарканде (руководитель М. Е. Массон). В следующем году провели рекогносцировку в Бухарском оазисе (В. А. Шишкин и В. А. Нильсен).

Небывалый размах получили археологические исследования в Средней Азии, в том числе в Узбекистане, после окончания войны. Были организованы крупные экспедиции, охватившие всю территорию Средней Азии. С 1945 г. возобновила свою деятельность Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР под руководством С. П. Толстова. Тогда же приступила к работе и Узбекистанская экспедиция Института истории и археологии АН УзССР (руководители Я. Г. Гулямов и В. А. Шишкин). Работая по настоящее время, сочетая рекогносцировки и разведки с длительными стационарными исследованиями, эти экспедиции изучили обширные районы, зачастую совершенно не затронутые раньше археологическими изысканиями. Ими открыто множество ценнейших памятников культуры разных времен, начиная с раннего палеолита до средневековья. Комплексное изучение этих памятников позволило уточнить и развить их историко-археологическую классификацию и периодизацию.

Весьма значительны результаты Памиро-Алайской и Памиро-Ферганской экспедиции под руководством А. Н. Бернштама (1946—1948 и 1950—1952 гг.), содействовавших выяснению историко-археологического прошлого Ферганской долины. Заслуживают внимания многолетние исследования нижнепалеолитической пещерной стоянки Аман-Кутан под Самаркандом, выполненные доцентом СамГУ Д. Н. Левом, раскопки курганных могильников, произведенные сотрудниками Ферганского музея Б. З. Гамбург и Н. Н. Горбуновой, а также открытие и исследование уникального памятника кушанского времени в Халчаяне работниками Института искусствознания АН УзССР под руководством Г. А. Пугаченковой.

В послевоенный период продолжались также работы археологов на новостройках: в зоне Чимкурганского водохранилища на Кашкадарье (С. С. Кабанов, В. Д. Жуков), на Южносурханском (Л. И. Альбаум) и Туябугузском водохранилищах (Т. Агзамходжаев). В настоящее время ведутся работы на строительстве Чарвакской ГЭС и в зоне Аму-Каршинского канала. Эти работы, как правило, выходят за рамки намечаемых тематическими планами археологических исследований и, благодаря охвату ими больших территорий и разнообразию встречаемых при этом памятников, дают богатый материал по исторической топографии, стратиграфии культурных наслоений, а иногда сопровождаются важными открытиями.

Не имея возможности в небольшой статье подробно оста-

новиться на характеристике работ, выполненных археологами за последние сорок лет, или хотя бы дать их полный перечень, считаю необходимым кратко осветить некоторые основные проблемы, постановка и разрешение которых оказались возможными в результате трудов советских археологов.

*

* *

До 30-х годов на среднеазиатской территории почти были неизвестны памятники первобытного общества. Показательно, что крупный русский археолог А. А. Спицын, тщательно следивший за археологическими открытиями, в 1930 г. еще ничего не знал о каменном веке в Средней Азии. В своем обзоре археологических памятников в среднеазиатских республиках[3] он смог назвать лишь несколько отдельных находок, относящихся к периодам неолита и бронзы. Исследования советских археологов опровергают представления о бедности этого района памятниками древнейших культур. Открытая в Бойсунских горах пещерная стоянка времени среднего палеолита Тешик-таш оказалась первой не только на территории Средней Азии. но и соседних с СССР стран. Кроме многочисленных следов деятельности первобытных людей, особенно ценна находка погребенного здесь мальчика ископаемого человека неандертальского типа. За этим замечательным открытием, сделанным А. П. Окладниковым (1938 г.), последовали и многие другие, в результате которых установлено, что люди далекого прошлого (около 100 тысячелетий тому назад) заселяли большие пространства, простиравшиеся от долины Сурхандарьи до северных границ Узбекистана и дальше, в Южный Казахстан. Об этом свидетельствуют пещерная стоянка Аманкутан под Самаркандом, огромное количество мустьерских орудий на канале Бозсу и в других местах под Ташкентом, ходжакентский и Обирахматский гроты в верховьях Чирчика, а также древнейшие горные разработки кремня в Ферганской долине.

Обилие памятников времени Мустье и в особенности находка скелета мальчика в Тешикташе (открытия такого рода чрезвычайно редки и каждое из них немедленно учитывается мировой наукой) важны тем, что представляют собой серьезнейший аргумент для утверждения материалистической теории происхождения человечества, развития его через мустьерско-неандертальскую стадию. Эти открытия выбивают почву из-под ног реакционных буржуазных ученых (Г. Осборн, О. Клейншмидт и др.), которые тщатся доказать, что тип со-

[3] Рукопись находится в архиве Управления по охране памятников культуры.

временного человека извечен и неизменен. Для подтверждения этого тезиса им необходимо было найти «прародину» современного человека, где он существовал бы одновременно с неандертальцем. На одну из возможных областей его возникновения указывалась Средняя Азия, остававшаяся долгое время в этом отношении «белым пятном». Теперь оказалось, что и эта страна была населена теми же неандертальцами, которых реакционные ученые объявляли вымершей «низшей» и «боковой ветвью» человечества, а не ступенью в развитии, как установлено передовой археологической и антропологической наукой.

Еще более вескими становятся доказательства происхождения современного человека от неандертальца после находки в Самаркандской верхнепалеолитической стоянке. Найденная здесь нижняя челюсть принадлежала уже человеку кроманьонского типа — следующей стадии развития Homo sapiens, однако генетически связанной, как и многие другие находки более высокой культуры, с культурой тешикташского, аманкутанского и других неандертальцев.

Так археологи Узбекистана участвуют в разрешении одного из самых острых вопросов науки о происхождении человека. в борьбе за тезис единства человеческого рода, против расистских и богословских измышлений об истоках образования человеческих рас.

Археологическими исследованиями в Узбекистане значительно продвинуто и изучение позднейших этапов каменного века. Проведены серьезные исследования неолита на территории Хорезма. Хорезмской экспедицией в 1939 г. открыты памятники так называемой кельтеминарской культуры (IV и начало II тысячелетия до н. э.). После войны экспедицией, руководимой Я. Г. Гулямовым, обнаружены многочисленные поселения этой культуры в районе низовых протоков Зарафшана. В настоящее время открыто много памятников с кремневым и костным материалами, своеобразной керамикой и остатками жилищ. Они, по-видимому, занимают в нескольких разновременных вариантах большую область от среднего и южного Урала до Зарафшана и нижнего Узбоя, определяя, таким образом, обширную зону распространения племен охотников и рыболовов, быть может, родственных или как-то связанных между собою.

Возможно, как считает С. П. Толстов, дальнейшие открытия значительно расширят распространение кельтеминарской культуры и позволят определить место ее возникновения.

Время энеолита, переходной поры от камня к металлу, известно пока лишь несколькими памятниками культуры, названной С. П. Толстовым камышлинской, обнаруживающей

аналогичные явления с древними культурами Передней Азии и Кавказа. Таким образом, если неолитическая кельтеминарская культура свидетельствует преимущественно о северных связях с Приуральем и, по-видимому, с какой-то частью Западной Сибири, энеолитическая камышлинская культура указывает на связи с древним земледельческим югом. Установление этого факта представляет значительный интерес, тем более, что камышлинская культура сосуществовала во времени с поздними этапами кельтеминарской.

Такую же картину одновременного существования различных культур, тяготеющих то к земледельческому югу, то к степному северу, показывают и памятники времени бронзы.

В изучении памятников бронзы, которые, как и памятники периода каменных орудий, оставались совершенно неизвестными (не считая отдельных находок), важное значение имеет сравнительно недавно открытая Я. Г. Гулямовым культура Заманбаба, названная так по имени солончакового озера в низовьях Зарафшана.

Широкое распространение, как мы знаем теперь, имела тазабагъябская культура — вариант известной андроновской культуры Западной Сибири, Казахстана и Минусинской котловины, контактирующейся с памятниками лесной и лесостепной полосы Европейской части СССР. Тазабагъябская культура выявлена впервые в 30-х годах Хорезмской археологической экспедицией. Позднее в конце 50-х годов, многочисленные памятники андроновско-тазабагъябской культуры, датируемые концом II — началом I тысячелетия до н. э., изучались в районе сухих русел Махандарьи, в низовьях Зарафшана. Памятники андроновской культуры известны ныне и в Ферганской долине, где они представлены Вуадильским и Карамкульским могильниками и остатками поселений в Кайраккуме. Недавно (1964 г.) обнаружена находка того же культурного типа и в окрестностях Самарканда, в Ургутском районе.

Наряду с этим обстоятельно исследована типично земледельческая чустская культура, существовавшая одновременно с андроновско-тазабагъябской. Кроме стационарно исследованных крупных, укрепленных стенами поселений на окраине г. Чуста и на холме Дальверзин, эта культура известна в Ферганской долине и во множестве других пунктов. По характеру инвентаря она сближается с районами распространения земледельческих культур Южной Туркмении и Ирана. К тому же типу южных земледельческих культур относится и открытое два года назад поселение на бугре Кучуктепа (Л. И. Альбаум) в Сурхандарьинской области.

Так выявляются связи древнего (конца первобытности) населения Средней Азии, с одной стороны, с севером, с дру-

гой — с югом. В результате перекрещивания этих связей (несомненно, и культурных и этнических) формировались те этнические образования и большие союзы племен, о которых сообщают дошедшие до нас источники: персидские царские надписи, «История» Геродота, китайские летописи и др.

Локализация этих племен и союзов, в виду отрывочности, а зачастую неясности письменных источников и недостаточности археологических данных, которые далеко не покрывают всей территории Средней Азии, остается сложной проблемой, стоящей перед археологической наукой. Трудами некоторых исследователей (С. П. Толстов, А. Н. Бернштам, В. М. Массон и др.) сделаны лишь первые, приближенные попытки определить районы расселения и пути различных переселений и передвижений племен. Поэтому необходимы значительные дальнейшие исследования, распространение их на районы, остающиеся «белыми пятнами».

Одним из серьезных достижений советской археологии в Средней Азии является открытие и определение памятников «архаического» периода, относящихся к середине I тысячелетия до н. э. и связывающих культуру поздней бронзы с последующими этапами культуры классового рабовладельческого общества. Памятников этого периода, периода перехода от первобытных отношений к начальным стадиям образования классов и государства, пока еще выявлено и изучено мало. Их явно недостаточно для характеристики локальных различий в культуре разных районов и разных этнических образований. Причина этого кроется, по крайней мере в Согде и Тохаристане, по-видимому, в том, что соответствующие культурные слои залегают на старых городищах под огромной толщей позднейших наслоений, и мы совсем еще недавно не умели выявить их среди других культурных остатков. Наиболее полный материал того времени получен Хорезмской экспедицией на территории Хорезма и Каракалпакии, где сохранились памятники, не закрытые поздними наслоениями, такие, как городища Кюзели-гыр, Дингильдже, Калалы-гыр. Раскопки их позволили выяснить характер построек и дали большой вещественный материал. В других областях Узбекистана они открыты пока только на городище древнего Самарканда (Афрасиаб), где выявлены плохо сохранившиеся остатки сооружений, а также образцы характерной для того времени керамической посуды и некоторые другие предметы. Они обнаружены в верхних слоях уже упомянутого Кучуктепа и в могильнике около селения Хазара Бухарской области.

Одной из задач дальнейшего археологического изучения Узбекистана является более интенсивное исследование остатков «архаического» времени. Накопление материала даст воз-

можность подойти с большей уверенностью к разрешению вопросов древней этногеографии, выяснить истоки культуры народов Средней Азии, расцветшей позднее, в периоды Греко-Бактрийского, Кангюйского и Кушанского государственных образований.

Время существования этих государств (конец IV в. до н. э. и III—IV вв. н. э.) изучено теперь на большом количестве памятников, открытых на всей территории Узбекистана. Заслугой советских археологов следует считать то, что вместо расплывчатого определения древней культуры страны как «домусульманской» или «доарабской» их археологические открытия позволили по-новому подойти к основным вопросам социально-экономической периодизации древней истории Средней Азии. Они отвергли выдвигавшуюся историками Запада и даже некоторыми советскими исследователями идею чуть ли ни извечного феодализма на Востоке, особого развития народов Азии, отличного и, уж, конечно, фатально отстающего от Запада.

Весь облик культуры первых столетий до нашей эры, сложившейся на территории Узбекистана и других советских республик Средней Азии, наглядно показал, что местная культура была далека от примитивности. Именно в этот период возникли грандиозные оросительные системы Хорезма, Бухары, Самарканда и других мест, появились большие города с храмами, дворцами и мощными укреплениями.

Грандиозность возводившихся тогда сооружений, особенно ирригационных, требовавших огромного труда больших масс людей при непременном условии координации их усилий вполне налаженным государственным аппаратом, привела археологов и историков к мысли о существовании больших контингентов подневольных масс рабочих, вероятнее всего — рабов. Так, исследованиями установлено существование в древности на территории Средней Азии рабовладельческой формации, аналогичной соответствующим периодам развития восточных деспотий и рабовладельческих государств европейского Запада — Греции и Рима,— что еще раз подтверждает марксистский тезис о единстве законов исторического развития всех народов, во всех странах.

Памятников материальной культуры рабовладельческого периода изучено уже немало. Сюда относятся крупные раскопки в Хорезме, начиная с раннего памятника этого периода Кой-крылган-кала и кончая относящимся к концу периода замечательным Топрак-кала с его дворцом-замком. Большие работы произведены в 1932—1938 гг. экспедициями под руководством М. Е. Массона в развалинах Старого Термеза и Аирта-

ма. В 30-х годах много нового дали исследования Г. В. Григорьева в Каунчитепа и на Талли-Барзу. В послевоенное время Узбекистанской археологической экспедицией Института истории и археологии под руководством Я. Г. Гулямова и В. А. Шишкина производились исследования многочисленных памятников рабовладельческого периода или включающих в себя слои этого времени в Сурхандарьинской области (Л. И. Альбаум), в долине Кашкадарьи (С. К. Кабанов), на городище Афрасиаб (А. И. Тереножкин) и экспедицией, работающей с 1959 г. под руководством В. А. Шишкина, в нижних слоях городища Варахша. Значительные работы по памятникам рабовладельческого общества проведены в Ферганской долине (А. Н. Бернштам, Б. А. Латынин, Ю. А. Заднепровский и др.). Особенно большое значение имело исследование древних ирригационных систем и сооружений в Хорезме, обширных площадей, орошаемых в древности и запущенных в последующие столетия, к западу от Бухарского оазиса, в окрестностях Самарканда, в Ферганской долине и других местах (С. П. Толстов, Я. Г. Гулямов, Б. А. Латынин, В. А. Шишкин и др.). Все это позволило с достаточной полнотой выявить многие стороны облика материальной культуры в ее эволюции, с некоторыми локальными особенностями отдельных районов: Хорезма, Согда, Тохаристана и Ферганско-Шашской области.

Приоткрылась завеса и над идеологической жизнью рабовладельческого общества. Она характеризуется памятниками древнего искусства — архитектуры, живописи, скульптуры. Такие открытия, как изваянный из известняка аиртамский фриз, глиняные скульптуры из Халчаяна (исследовались Г. А. Пугаченковой), живопись и скульптуры Топрак-калы, показали, что народы Средней Азии создали в глубокой древности высокую культуру неповторимого своеобразия.

Внимательное изучение этой культуры указывает на ее местные корни, вопреки утверждениям ряда ученых не только Запада, но и России, о периферийном, заимствованном ее характере. В то же время археологические данные говорят и об оживленных сношениях с другими странами, о взаимодействии с культурным творчеством соседних народов: Ираном, Индией, Дальним Востоком, Кавказом, об активном участии жителей Средней Азии в мировом культурном творчестве.

Эти положения подтверждаются исследованиями крупнейших памятников раннего средневековья, когда на смену изжившего себя рабовладения складывались феодальные отношения. К таким памятникам относятся дворец Варахши — одна из резиденций бухар-худатов, с его замечательными стенными росписями и алебастровой скульптурой, живопись феодального замка Балалык-тепа (исследован Л. И. Альбаумом).

скульптура буддийского храма из городища древней Кувы. бывшей некогда важнейшим городским центром Ферганы (В. А. Булатова).

Неоспоримо значение исследования многочисленных и разнообразных погребальных сооружений, принадлежавших в значительной степени кочевой части населения, культура которого не может быть изучена на поселениях постоянного типа. Места захоронений изучались в Ташкентской области, Ферганской долине, Хорезме, Каракалпакии и в долине Зарафшана. К настоящему времени вскрыто очень большое число курганных погребений и могильников, охватывающих время от периода бронзы до XI—XII вв. н. э. Однако полученный раскопками археологический и антропологический материал требует значительного пополнения и обобщения, что очень важно с точки зрения этногенеза народов Средней Азии, путей расселения кочевых и оседлых племен, характеристики их культурного уровня и идеологии.

Для более позднего времени, после арабского завоевания Средней Азии, накоплен разнообразный материал, характеризующий высокий уровень культуры той эпохи. Здесь — многочисленные коллекции неподражаемой бытовой и парадной керамики из Афрасиаба и других городищ Узбекистана, изделия из стекла и металла, остатки жилищ и других архитектурных сооружений, часто украшенных высокохудожественным декором как снаружи, так и внутри (резьба по алебастровой и глиняной штукатурке, стенные росписи, фигурно выложенные из кирпича полы и т. п.).

Особое место занимает исследование техники различных ремесел, строительного дела, горнодобывающего промысла, металлургии и пр. В этом направлении также сделаны значительные успехи. Проведенные работы важны для выявления и уточнения данных о состоянии производительных сил и уровня развития производства. Многочисленные нумизматические находки как отдельных монет, так и целых кладов, обнаруженных в процессе раскопок и разного рода земляных работ, позволяют судить о денежном обращении в тот или иной периоды, о межобластных, а иногда и международных связях (работы М. Е. Массона, Е. А. Давидович, О. И. Смирновой и др.)

В результате археологических исследований в новом свете предстала перед нами история архитектурных памятников прошлого, которыми по праву гордится Узбекистан. Археологами и архитекторами выявлено немало новых, не известных раньше, первоклассных созданий народных мастеров, таких, как мечеть в Деггароне, мавзолей в Тиме и многих других. Благодаря уточненным методам архитектурного, технологического и стилистического анализа нашли свое настоящее ме-

сто в истории архитектуры (и добавим — в истории культуры) народов Средней Азии также и давно известные памятники. Немалую роль в этом сыграло начавшееся еще в 20-х годах широкое применение археологических исследований, связанных с памятниками архитектуры, в результате которых «подняты из земли» такие памятники, как мечеть Чор-сутун, дворец термезских правителей в Термезе, мечеть Магоки Аттари в Бухаре и многие другие сооружения бытового, производственного и культового назначения. Особого упоминания в этой связи заслуживают начатые еще В. Л. Вяткиным в 1908 г., продолженные Самаркандской археологической экспедицией под руководством М. Е. Массона (работы производил И. А. Сухарев) и законченные экспедицией Института истории и археологии АН УзССР под руководством автора в 1948 г. раскопки замечательного памятника средневековой науки — обсерватории Улугбека в Самарканде.

Оглядываясь назад, мы можем с удовлетворением констатировать несомненно большие успехи советской археологии, воссоздавшей заново древнейшие этапы истории, влившей живой конкретный материал в историю древностей и средневековья. Однако и сегодня остается еще много неразрешенных, иногда только намеченных, важных проблем и задач, работа над которыми — дело будущего.

Исходя из указаний Коммунистической партии Советского Союза о роли научной работы в строительстве коммунизма, необходимо и дальше развивать археологию как важнейшую отрасль исторической науки.

Основной целью исследований археологов, как деятелей исторической науки, является изучение основных линий исторического процесса, законов развития общества и его культуры в реальных специфических условиях страны. Перед нами стоит благородная задача неустанной и упорной борьбы со всеми видами, открытых или замаскированных, извращений истории, установившимися предрассудками и предвзятыми заключениями и мнениями. Опорой в этом будет служить дальнейшее накопление историко-археологического материала и исследование его с применением наиболее точных методов современной археологической науки на основе марксистско-ленинского исторического материализма. Необходимо углубление и совершенствование этих методов, более широкое привлечение достижений смежных наук, а также уточненных методов естественных наук и математического анализа.

Другой круг задач, стоящих перед советскими археологами Узбекистана, как и в других областях научных знаний, связан с всемерным распространением результатов исследований среди широких масс населения. Наряду с познанием космоса, при-

роды и истории Земли, данные археологической науки являются мощным фактором расширения кругозора, развития материалистического мировоззрения. В археологии — история человека, ответ на вопрос: откуда, какими путями и куда идет человечество, через какие этапы проходило развитие культуры и сознания людей. Отсюда вытекает активная роль археологии в борьбе с бытовыми и религиозными пережитками, с косностью, предрассудками и суевериями.

Широкое распространение научных знаний, в том числе археологических, — залог дальнейшего прогресса человечества.

Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ

ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ОДНОЙ ИЗ ЛОКАЛЬНЫХ ВЕТВЕЙ ЭВОЛЮЦИИ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ

Применение элементарных методов статистики при систематизации и анализе каменной индустрии пещерной стоянки Обирахмат позволило выявить процесс эволюции одной из ее ведущих форм.

Работы по изучению пещерной стоянки Обирахмат ведутся в течение трех лет[1], начиная с 1963 г. В 1964 г. многое было сделано для установления стратиграфии слоев: работы были сосредоточены на продольной разведочной траншее, углубленной до 3 *м*. В ней было выделено по цвету и структуре тринадцать различных слоев, но скальное дно еще не было достигнуто.

Общая картина профиля отложения представляет собой чередование серых, сравнительно тонких гумусных и более мощных карбонатных красноватых суглинков. Слои имеют слабый наклон к выходу из пещеры. Сверху они покрыты мощным пластом гумусных отложений с прослойками золы, фрагментами средневековой керамики.

Слои эпохи первобытности идут в следующем порядке:

I — гумусированный, необычайно богатый находками слой, мощность около 10 *см*. От него сохранилась небольшая часть в глубине пещеры.

II — карбонатный глинистый слой охристо-красного цвета, средняя мощность — 30 *см*. Находки немногочисленны и равномерно рассеяны по всей толще;

III — гумусный слой с немногочисленными находками, очень тонкий — 5—10 *см*, местами прерывается;

IV — слой охристо-красного цвета, находки сравнительно немногочисленны, мощность 35—40 *см*;

V — слой светло-серого оттенка, местами сцементирован в результате воздействия внутренних вод. Находки многочисленны; мощность 10 *см;*

---

[1] Памятник изучается Бостандыкским археологическим отрядом Института истории и археологии АН УзССР под руководством член-корр. АН УзССР Я. Г. Гулямова.

VI — мягкий глинистый слой коричневого оттенка, переходный от V к VII слою; местами эти слои сливаются по цвету и структуре, и границы между ними неуловимы. Богат находками; мощность — 15 *см*;

VII — четко выделяющийся гумусированный слой, сильно насыщен культурными остатками; мощность — около 30 *см*;

VIII — карбонатный слой желто-охристого цвета. В глубине пещеры (вблизи карстовой промоины) вся толща его превратилась в травертин. Насыщенность находками сравнительно слабая, большая часть их сосредоточена на контакте с VII слоем; мощность —50 *см*.

IX — мягкий гумусированный слой, находки немногочисленны, мощность около 20 *см*;

X — буроватый слой, насыщенный обломками камней (переходный от IX к XI слою, мощность — 30 *см*;

XI — красноватый карбонатный слой; много находок; мощность 40 *см;*

XII — слабо гумусированный глинистый слой с редкими находками; мощность — 100 *см*;

XIII — глинистый слой красновато-бурого цвета, находки редки; мощность вскрытой части — 50 *см*.

Слои IX—XIII вскрыты в нижнем участке траншеи (3 $м^2$).

Комплекс индустрии вскрытых слоев своеобразен и характеризуется сочетанием пластинчатой леваллуазской техники с весьма развитым и тяготеющим к верхнему палеолиту набором орудий. Типология, при сравнительной бедности основного ряда типов, характеризуется большим количеством вариантов внутри их. Помимо пластин с ретушью, переходящих иногда в остроконечники, представлены выразительные серии резцов, долотовидных орудий, орудий типа струга; скребки своеобразны и малочисленны, скребла исключительно редки.

Обработанные ретушью по краю пластины служили основными заготовками для орудий.

Такие пластины являются господствующим типом орудий на стоянке. В процессе камеральной обработки материалов 1964 г. было эмпирически выявлено постепенное общее увеличение конвергентности краев пластин с перерастанием их иногда в удлиненные остроконечники. Такая тенденция характерна для пластин всех слоев.

Для точного количественного описания данного явления был введен показатель, характеризующий степень треугольности и имеющий значение для сколов с параллельными и конвергентными гранями.

Показатель треугольности выводится следующим образом:

1) измеряется длина пластин — l *мм*;

2) находится середина длины и измеряется ширина обеих половинок в средних частях — m^1 и m^2;

3) разница m^1 и m^2 делится на значение l: $\frac{m^1 - m^2}{l}$

В результате получаем безразмерное число, являющееся показателем степени треугольности скола. Обычно оно равно

Таблица 1

Слои	N*	l, *мм*	m^1	m^2	Δ
IV	44	6,45	2,90	2,10	1,25
V	35	7,50	3,00	2,20	10,5
VI	55	5,20	2,55	1,90	10,5
VII	113	7,31	3,74	2,23	6
VIII	74	7,20	2,50	2,35	4
VIII—X**	20	6,00	2,50	2,30	3
IX	12	9,60	3,10	3,10	0
XI	18	15,00	3,40	3,40	0

* N—количество измеренных пластин;

** Участок отложений в квадратах И-8, К-8, Л-8 на уровне VIII—IX слоев стратиграфически расплывчатый.

десятым и сотым долям единицы. Для удобства оперирования умножаем его на 100 и получаем показатель, выраженный в единицах. Статистические совокупности объема, достаточного для анализа, были получены из IV, V, VI, VII, VIII, IX и XI слоев. Все целые и не подверженные вторичной обработке (во избежание малейших отклонений) пластины были измерены и выведены средние арифметические показатели l, m^1, m^2 и (△ степень треугольности) (табл. 1).

На рис. 1 (по данным табл. 1) вычерчены обобщенные среднеарифметические величины пластин, типичные для каждого слоя, и приведена кривая развития треугольности, которая постепенно увеличивается от 0 до 12,5.

Эта же тенденция присуща и развитию характера ретуширования пластин; она была обнаружена при классификации и выделении различных категорий ретуши (рис. 2).

Делится ретушь на две основные категории:

1. Мелкая крутая ретушь, часто неровная (получалась, видимо, при оббивке каменным отбойником);

2. Ретушь отжимная чешуйчатая, ранжирована на три разновидности:

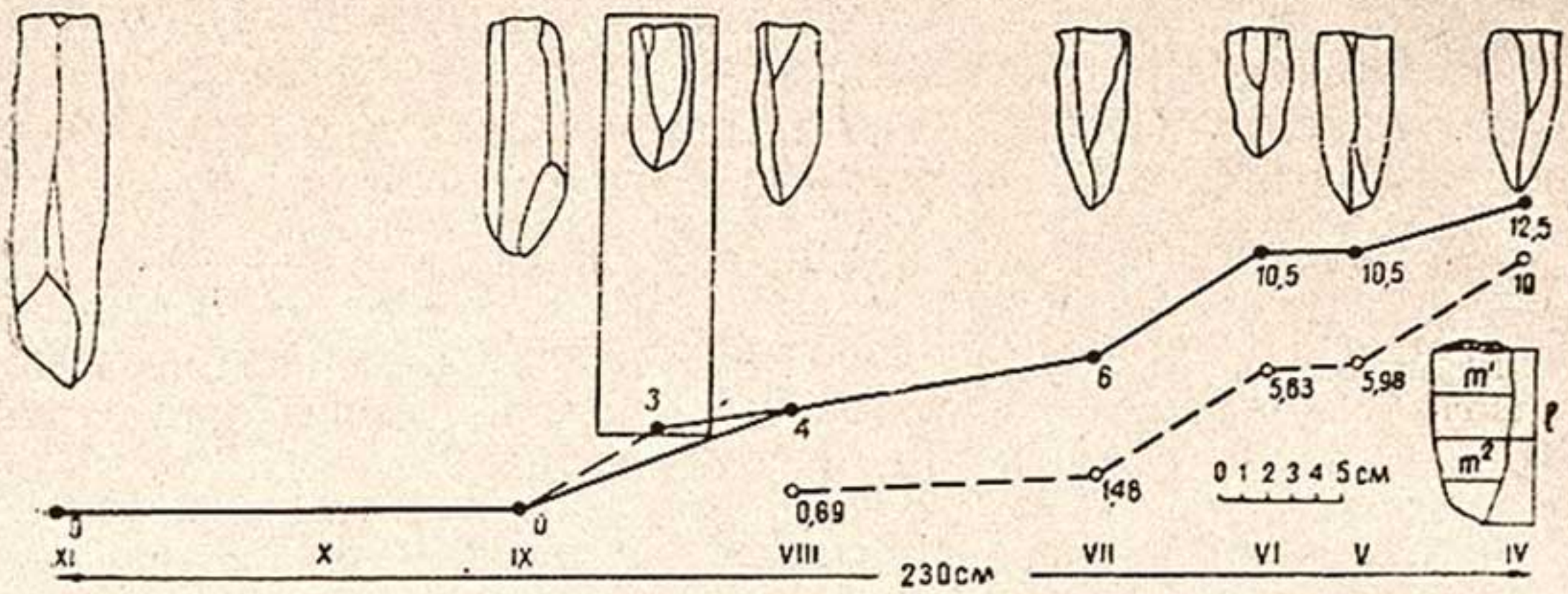


Рис. 1. Среднеарифметические пропорции пластин слоев (IX—IV). Сплошной линией обозначено развитие треугольности пластин, пунктирной — замещение ровной чешуйчатой ретуши зубчатой мелкой.

а) очень легкая плоская заостряющая ретушь (достигается отжиманием о сравнительно мягкие и широкие поверхности);

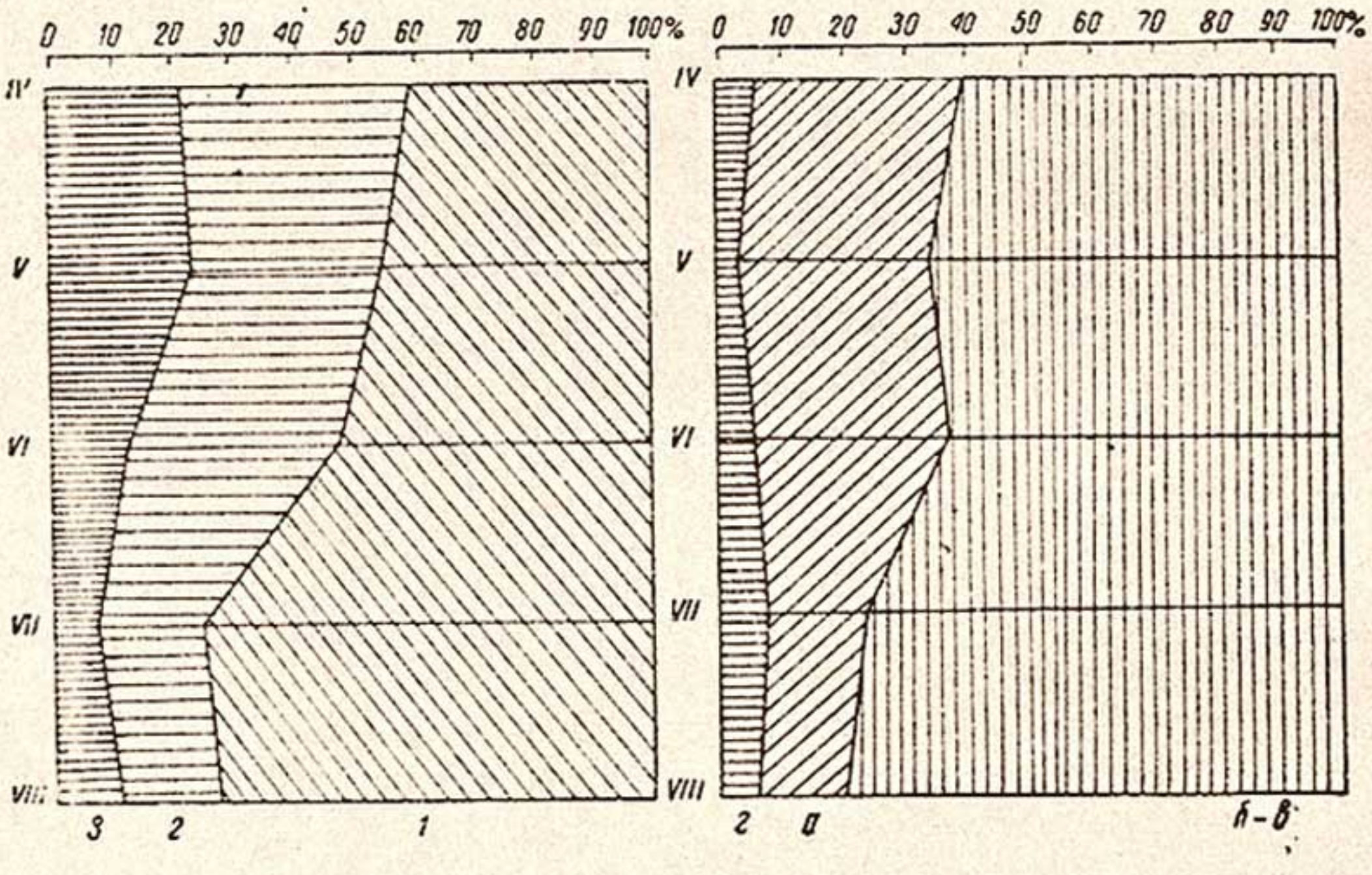


Рис. 2. График развития различных видов контуров края (1, 2, 3) и категорий ретуши (а, б, в, г) по слоям.

б) чешуйчатая крутая и глубокая ретушь, иногда ступенчатая, до некоторой степени сужает пластину в той части, которая обработана (это достигается сильным и неоднократным отжиманием или контрударом);

в) ретушь предельно крутая и глубокая, срезающая часть заготовки. Она должна выравнивать некоторые выступы контура заготовки; на продолжении края переходит в ретушь «*б*» или «*в*».

Частота той или иной категории ретуши определяла контур обработанного края. По этому признаку ретушь делится на три вида (рис. 3, *5*):

Рис. 3. *1 — 2*—пластины, обработанные ровной чешуйчатой ретушью; *3—4*—пластины, обработанные мелкой зубчатой ретушью; *5* — схематичные изображения ровного, зубчатого и выемчатого контуров.

1) ровная, ретушь «*б*» дает ровный край, при других видах ретуши он получается при слишком большой частоте, когда фасетки очень близки одна к другой и края их пересекаются, сливаясь в ровную линию;

2) зубчатая, частота ретуши совпадает с размерами и ее глубиной, края фасеток смежны, но не срезают одна другую;

3) выемчатая, частота ретуши низкая и не отвечает ее

размерам, фасетки образуют отдельные выемки вдоль края орудия.

При подсчете за единицу принят каждый обработанный край пластины; если оба края обработаны, они засчитываются как две единицы. Следует отметить, что систематизация ретуши в известной степени схематична, так как ни одна фасетка не повторяет другую и точность описания можно увеличивать до бесконечности. Так, точной границы между видами ретуши *«б»* и *«в»*, *«в»* и *«г»* нет, они плавно переходят один в другой. Но соотношение хотя бы приблизительно выделенных подразделений дает представление об интенсивности обработки

Таблица 2

А	Б	В	Г	Д	Е	Ж											
						1				2				3			
						а	*б*	*в*	*г*	*а*	*б*	*в*	*г*	*а*	*б*	*в*	*г*
IV	32	13	7	45	12	2	9	4	3	13	3	1			6	4	
V	35	16	4	51	1	7	10	5	1	9	6	1			9	3	
VI	93	31	17	129	4	6	41	14	7	31	9	4		4	11	2	
VII	173	65	29	238	9	15	88	62	16	22	13	5	2		5	9	2
VIII	34	14	6	48	4	3	24	5	3	2	2	4		2	3		

Примечание. А—слой.
Б—общее количество ретушированных пластин в каждом слое;
В—пластины с ретушью по двум краям;
Г—конвергентная ретушь двух краев (остроконечники);
Д—общее количество ретушированных краев;
Е—случаи нанесения ретуши с брюшка;
Ж—случаи сочетания резличных контуров и различных категорий ретуши.

края. Часто на одном крае сочетаются различные виды ретуши и контуров. В таких случаях обработка относится к тому виду, который доминирует на протяжении края. Чтобы отнести обработанный край к ретуши типа *«г»*, достаточно ее наличия на пластине.

Серия ретушированных пластин достаточного объема получена из слоев IV—VIII. Описание их представлено в табл. 2, где по горизонтали дана последовательность слоев, а по вертикали — сводные данные о характере ретуши.

Подавляющее большинство статистических показателей соотношения различных категорий и видов и их сочетаний постоянны и колеблются на одном уровне при переходе от слоя к слою. Но мелкая крутая ретушь *«а»* обнаруживает тенденцию постепенного количественного увеличения, количество

же чешуйчатой ретуши постепенно сокращается (рис. 2). Ретушь «*а*», мелкая и крутая, преимущественно сочетается с зубчатым краем 2, ретушь «*б*» и «*в*», чешуйчатая (они взяты в совокупности, так как соотношение их от слоя к слою постоянно), преимущественно образуют ровные края *1*.

Постепенное изменение соотношения двух главных разновидностей обработанных лезвий пластин представлены следующими данными (% от общего количества):

Слой	*1 бв*	*2 а*
IV	29,0	29,0
V	29,4	17,0
VI	42,7	4,0
VII	63,0	9,2
VIII	60,4	4,2

Количество рабочих краев, оформленных ровной чешуйчатой ретушью, составляющее в нижних слоях 60% от общего количества, вдвое сокращается в IV слое (29%), а края, обработанные мелкой зубчатой и крутой ретушью, составляющие ничтожно малую долю в VIII слое, увеличиваются в несколько раз и также достигают 29% от общего количества. Таким образом, развитие техники вторичной обработки пластин заключалось в постепенном замещении чешуйчатой ретуши зубчатой[2].

Для наглядного представления выявленного процесса в обобщенном виде разделим процентное количество зубчатой мелкой ретуши каждого слоя на процентное количество ровной чешуйчатой ретуши, получим отношения, выраженные в десятичных дробях. В целях упрощения переводим их в единицы, умножив на 10. По слоям при этом замещение чешуйчатой ретуши зубчатой выражены одним показателем: VIII—0,69; VII—1,46; VI—5,63; V—5,98; IV—10. При сопоставлении линии динамики этого показателя с линией развития треугольности характер их совпал (рис. 1).

Полученные кривые, учитывая их статистический характер, можно принять за параллельные. Зубчатая ретушь не зависит от треугольного контура заготовки, тем не менее скорость развития этих различных областей техники совпадает. Общая линия развития на всем протяжении имеет вид линии, приближающейся к равномерно возрастающей прямой, лишь при переходе от VI слоя к V развития почти не наблюдается. Это объясняется очень близким характером слоев и сравни-

---

[2] С прослеженной тенденцией согласуется и характер распределения по слоям случаев находок костяных ретушеров; очень частые в нижних слоях, они почти исчезают в VI, VII и IV слоях.

тельной тонкостью их. Местами они совершенно сливаются по цвету и структуре, в результате граница между ними в некоторых участках проводилась предположительно — на уровне линии различия их в соседних квадратах. Последовательность находок в VI и V слоях и на их контакте непрерывна. К тому же пологость отрезка между VI и V слоями снимается до некоторой степени резким увеличением ретуши, создающей выемчатый край (рис. 2).

Исторический механизм развития этого типа орудий на прослеженном отрезке времени заключался в вариабельном характере тех естественных исходных данных, которыми оперировал человек.

Носители индустрии Обирахмата в каждый момент своего существования имели свой признанный и само собой разумеющийся стандарт пластины, который, видимо, воспринимался неразделимо с приемами изготовления его. При употреблении данных пластин в производстве обнаруживалось, что отклонения в определенную сторону оказались более экономичными и удобными, благодаря случайному усилению их существенных черт. Убеждаясь в этом неоднократно, человек при очередном производстве пластин стремился воспроизвести именно те формы, которые оказались более эффективными. Но и этот процесс происходил в свою очередь с различными отклонениями, в том числе и с такими, которые усиливали существенное свойство орудий.

Если это усиление соответствовало потребности человека, он стремился к повторению новой, более развитой формы, при этом старые каноны смещаются на место нежелательных отклонений.

Таким же образом происходил процесс замещения одной категории ретуши другой. Каждый член группы, вступая в самостоятельную жизнь, получал от старшего поколения существующее в данный момент количественное соотношение двух видов ретуши. По мере производства и употребления их он вскрывал преимущества одной из них, что необходимо влекло за собой изменение количественного соотношения между ними. Предпочтение одной из двух разных категорий накапливалось в течение многих поколений и, видимо, было связано с некоторыми изменениями ареала употребления данной формы, происходившими по мере изменения самой формы.

Процесс эволюции пластин заключается таким образом в медленном развертывании их существенных свойств. Это не было изобретением ясно осознанной формы с расчетом всех ее достоинств, так как человек не предвидел всех последствий изменения того или иного свойства орудия. Он просто стремился повторить то, что особенно оправдывало себя на опыте. Раз-

витие формы проходило в значительной степени неосознанно и осуществлялось методом проб и отбора в процессе труда, Подобный характер развития первобытной техники обусловлен тем, что каменная индустрия в хозяйстве охотников имела в значительной степени вспомогательный характер. Человек обращался к производству орудий периодически, оно требовало намного меньше сил и времени по сравнению с непосредственной добычей средств существования. Такое положение обусловливало слабую концентрацию сил и внимания на каменной индустрии, очень медленное выявление и развитие ее существенных сторон.

Параллельность процессов роста треугольности и развития ретуши дает возможность предполагать, что скорость этих процессов была обусловлена единой причиной, действовавшей постоянно с одинаковой силой. Причиной этой является, видимо, единый объем индустрии у людей, обживающих пещеру. Общий объем производства обусловливал степень выявления и утверждения наиболее экономичных форм и скорость роста их. Чем больше производилось и употреблялось пластин, тем быстрее происходил отбор удобных форм и наоборот.

Равномерное возрастание двух линий свидетельствует, на наш взгляд, о постоянном объеме технического производства в Обирахмате на протяжении исследованных слоев, что указывает, вероятно, на более или менее постоянное количество группы людей, обживавших пещеру. Мощность VIII—IV слоев составляет в среднем 115 *см,* рост средней арифметической показателя треугольности и соотношения типов ретуши, исследованных для этой толщи, равен 8,91 единиц. Разделив это число на 115 *см,* получим количество накопления отложений, приходящих на одну единицу развития пластин,— оно равно 12,9 *см.* Это предельно грубый и обобщенный расчет скорости эволюции пластин. На уровне VII--IV слоев наблюдается некоторое увеличение крутизны общей линии роста показателей, видимо указывающее на ускорение процесса развития в верхних слоях стоянки (рис. 1).

Изложенная картина процесса развития выявленного на небольшом участке культурного слоя, несомненно, будет корректирована при расширении работ, но полное изменение общей тенденции всех отклонений, накапливающихся в одну сторону, вероятно, исключено.

М. Р. КАСЫМОВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПАЛЕОЛИТУ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ В 1964 г.

Систематическое исследование памятников каменного века в Ферганской долине началось в 1953 г.

Впервые палеолитические находки на территории Ферганской долины сделаны П. Т. Коноплей, затем А. П. Окладниковым[1]. В 1954—1956 гг. в связи со строительством Кайраккумского водохранилища на территории юго-западной части Ферганской долины А. П. Окладников и В. А. Ранов обнаружили и тщательно изучили многочисленные древнепалеолитические местонахождения[2]. С 1956 г. по настоящее время П. Т. Конопля открыл ряд палеолитических местонахождений: Аирбаз-1—7, Карамкуль[3], Капчигайскую палеолитическую мастерскую и др. Мастерская исследована палеолитическим отрядом ИИА АН УзССР в 1958—1959 гг. под руководством А. П. Окладникова, при участии автора статьи[4].

С 25 мая по 15 июня 1964 г. Ферганский археологический отряд ИИА АН УзССР под руководством Я. Г. Гулямова производил археологические работы в Ферганской долине[5]. Отряд открыл разновременные археологические памятники, в том числе палеолитические, находящиеся в окрестностях

---

[1] П. Т. Конопля. Следы людей каменного века на территории Южной Киргизии, «Известия АН КиргССР», вып. I, 1959, стр. 45—47; А. П. Окладников и Н. И. Леонов. Первые находки каменного века в Фергане. КСИА, вып. 86. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 36—72.

[2] Б. А. Литвинский, А. П. Окладников и В. А. Ранов. Древности Кайраккумов, Труды Института истории АН ТаджССР, Душанбе. 1962.

[3] П. Т. Конопля. Указ. соч., стр. 41—45.

[4] А. П. Окладников, М. Р. Касымов, П. Т. Конопля. Капчигайская палеолитическая мастерская, сб. ИМКУ, вып. 5, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964, стр. 5—11.

[5] В работе отряда приняли участие Я. Г. Гулямов (начальник отряда), М. Р. Касымов, У. Исламов, аспирант Р. Сулейманов, Н. Т. Конопля и др.

г. Ферганы, в глубине гор северного склона Алайского хребта и в долине р. Сох. В Каракалпакской степи обнаружены два неолитических местонахождения, давшие 13 экз. кремневых изделий; осмотрены также античные городища Гаркиз и Мунчактепа в районе древнего г. Пап.

Отряд также обследовал ранее известную пещеру «Сель-унгур», расположенную в 30—40 *м* над уровнем Сая на западной окраине села Хайдаркан (рис. 1). Она обращена к востоку широким округлым сводом, достигающим в высоту примерно 25 *м*, в ширину у входа—20 *м*, а в глубину —45—55 *м*. Пещера сырая, потолок закопчен, по мере углубления пол повышается

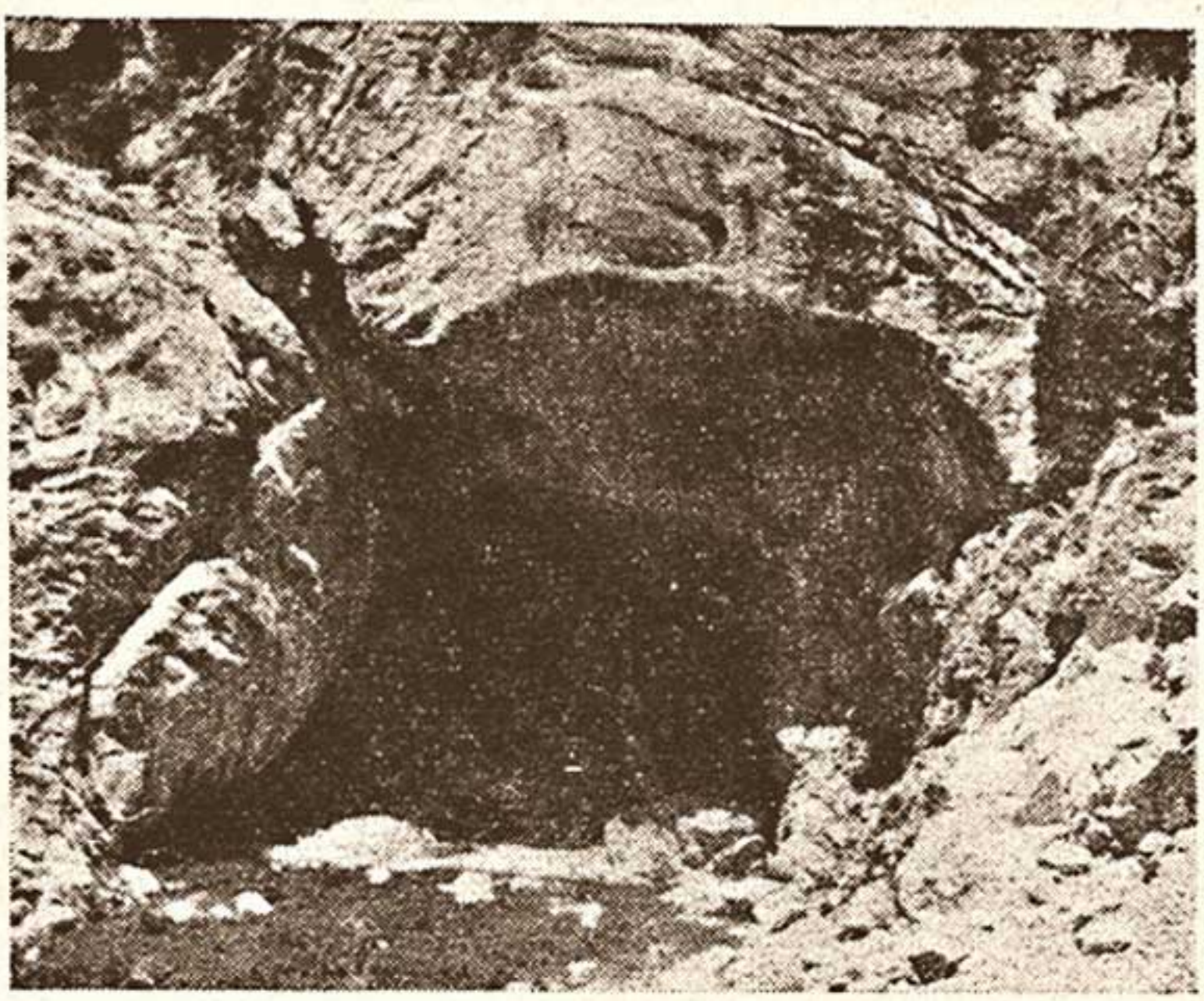


Рис. 1. Общий вид пещеры Сель-Унгур.

кверху, в глубине пещеры видны огромные блоки отвала. Первый шурф здесь заложен А. И. Пошком, а затем (в 1955 г.) А. П. Окладниковым и П. Т. Коноплей. В 1964 г. при зачистке стенки шурфа на глубине 110 *см* от дневной поверхности пола, в желто-буром слое нами было найдено каменное изделие из темно-коричневой кремнистой породы. В известковом туфе с костями ископаемых животных был обнаружен один отщеп.

Находки мустьерских изделий собраны на адырах[6], расположенных в 2 *км* к северо-западу от кишл. Калача и около 10 *км* к северо-востоку от г. Ферганы. Останцы здесь расположены в несколько рядов один за другим и тянутся вдоль бе-

[6] Адыры — предгорья по окраинам Ферганской долины, изрезанные сильно разветвленными, часто глубокими и крутостенными оврагами.

рега старого русла Кувасая. По обоим берегам Кувасая адыры расположены в направлении с севера на юг, их высота — 20—50 *м* от уровня древнего русла. В результате размыва поверхностный слой почвы адыра разрушен, в результате чего обнажились слои галечника. Палеолитические местонахождения, обнаруженные в основном на западном склоне адыра, приурочены к этим галечным осыпям. В этом районе открыто пять мустьерских стоянок, давших исключительно подъемный материал.

Калача-1 — самый южный пункт местонахождения каменных орудий, расположен у дороги Фергана — Талмазар. Сборы произведены на полосе длиной около 250 *м*. Основные находки сделаны в галечных высыпах у древнего берега Кувасая. Отдельные предметы встречались у дороги, пересекающей Кувасай.

Коллекция обработанных изделий из Калача-1 насчитывает 46 экз. Изготовлены они, как и на всех других местонахождениях, из кремнистого сланца и роговика[7]. Находки не производят впечатления разновременных: они характерны только для мустьерского времени.

Надо отметить, что среди находок встречаются тщательно обработанные ретушью леваллуазские острия (2 экз.), значительное количество пластин (15 экз.) и отщепов (18 экз.), имеющих тщательно обработанную ударную площадку. Имеется также ряд обломков камня (7 экз.) со следами обработки. В коллекции имеются четыре нуклеуса: один из них дисковидный, другой — двухплощадочный подчетырехугольных очертаний (рис. 3, *3*), остальные менее выразительны, но характерны для эпохи мустье.

Калача-2. Этот пункт расположен на берегу Кувасая, примерно на 200 *м* севернее первого местонахождения. На поверхности площадки имеются россыпи галечника. Находки сделаны на дневной поверхности адыра у берега Кувасая. Они рассеяны на площади около 300 *м*.

Коллекция из Калача-2 насчитывает всего 19 предметов, характерных для мустье, среди которых встречаются удлиненные пластины (4 экз.), края которых обработаны либо со спинки, либо со стороны брюшка. Одним экземпляром представлен скребок на конце изогнутой широкой пластины.

Найдены типично мустьерские леваллуазские остроконечники (3 экз.) с прекрасной ретушировкой по краям, дисковидные нуклеусы (3 экз.) (рис. 2, *3*) и, наконец, отщепы (8 экз.)

---

[7] Определение произведено петрографом ЛОИА АН СССР Г. М. Ковнурко.

различной формы и величины с подправленными ударными площадками.

Калача-3. На север от второго местонахождения древнего берега Кувасая находится сильно размытая возвышенность,

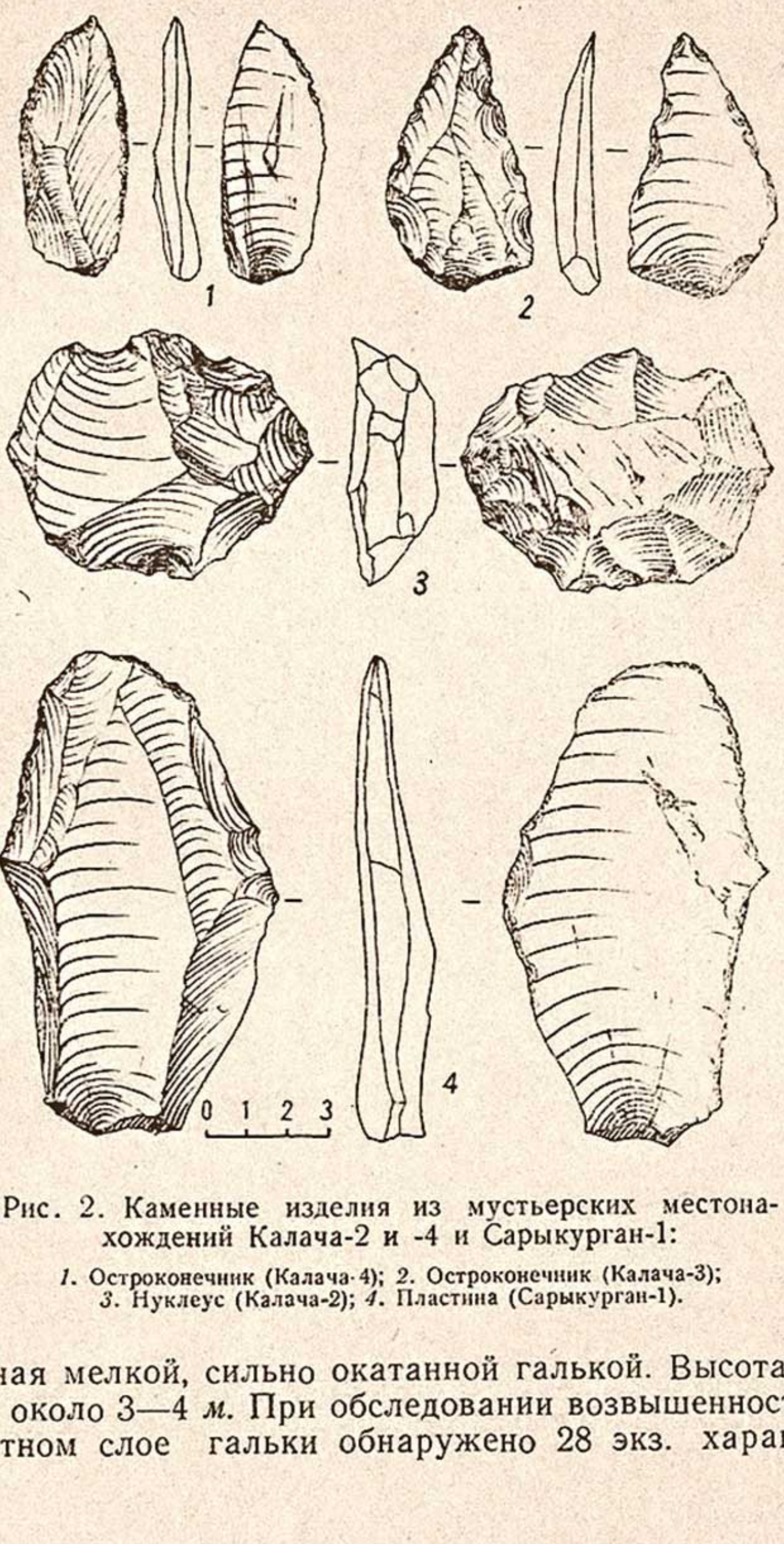


Рис. 2. Каменные изделия из мустьерских местонахождений Калача-2 и -4 и Сарыкурган-1:

1. Остроконечник (Калача-4); *2*. Остроконечник (Калача-3); *3*. Нуклеус (Калача-2); *4*. Пластина (Сарыкурган-1).

усыпанная мелкой, сильно окатанной галькой. Высота ее над адыром около 3—4 *м*. При обследовании возвышенности в поверхностном слое гальки обнаружено 28 экз. характерных

орудий мустьерской эпохи, например, остроконечники (4 экз.), изготовленные из удлиненных леваллуазских треугольных от-

Рис. 3. Каменные изделия из мустьерских местонахождений Калача-1 и -4, Карамкуль, Сарыкурган-1 и пещеры Капчигай-1:

1. Нуклеус (Калача-4); *2.* Остроконечник (Карамкуль); *3.* Нуклеус (Калача-1); *4.* Скребло (Капчигай-1); *5.* Отбойник (Сарыкурган-1).

щепов. Один из них обработан с двух сторон (рис. 2, *2*), а у других сохранились следы неровной краевой ретуши. Имеются

пластины и обломки (4 экз.), весьма тщательно обработанный концевой скребок (1 экз.), а также отщепы (14 экз.), большинство которых обработаны по краям тщательной ретушью, и нуклеусы правильной дисковидной формы подчетырехугольных очертаний (5 экз.).

Калача-4 — самый северный пункт, в котором найдены орудия, расположен в 100 *м* от местонахождения Калача-3. Здесь с Кувасаем соединяется неглубокий и короткий овраг, образуя небольшую стрелку площадью 3000 $м^2$, где и были собраны мустьерские орудия. Находки сделаны также на берегу сая, но в меньшем количестве.

Мустьерский инвентарь из местонахождения Калача-4 включает серию дисковидных нуклеусов различной формы (5 экз.). У всех нуклеусов ударные площадки подправлены. На них сохранились негативные следы радиальных сколов (рис. 3, *1*). Найдены пластины и их обломки (5 экз.), левалуазские остроконечники (4 экз.) со специально обработанным острым кончиком (рис. 2, *1*), а также многочисленные отщепы (25 экз.) с гладкими и подправленными площадками, находящимися в различных плоскостях к продольной оси отщепа.

Калача-5 — последний пункт. Расположен на левом берегу древнего Кувасая, напротив пунктов Кулача-3 и 4. На протяжении 2—3 *км* вдоль берега в галечниках обнаружено 22 мустьерских изделия. Среди них имеются три полностью использованных дисковидных нуклеуса и два — необычно больших размеров, конусовидной формы. Остроконечники (2 экз.) изготовлены из удлиненных треугольных отщепов с подправленной ударной площадкой. Края их частично отретушированы. Пластины представлены в незначительном количестве (3 экз.). Отщепы (10 экз.) имеют правильную треугольную и четырехугольную формы. Ударные площадки подправлены поперечными сколами и расположены под тупым углом к нижней поверхности отщепа. Найдено два обломка орудий, края которых бессистемно отретушированы.

Нами также произведены сборы на мустьерском местонахождении Карамкуль, открытом в 1959 г. П. Т. Коноплей. Здесь собрано 6 мустьерских орудий. Следует отметить один остроконечник треугольной формы. Он имеет выпуклую спинку и изогнутую площадку со следами подправки. Остроконечник значительно утончается к острию и широк в основании. Оба края тщательно отретушированы. Орудие сильно окатано и выветрено (рис. 3, *2*). В коллекции представлено три обломка пластины и отщеп со следами вторичной обработки, один предельно использованный нуклеус с сохранившимися на них негативами радиальных сколов.

Группа местонахождений Калача и Карамкуль дала ценные мустьерские изделия, сходные друг с другом по форме и материалу. Здесь представлена главным образом леваллуазская техника обработки камня. Каменные орудия сильно окатаны и патинизированы. Из-за сильного выветривания иногда трудно различить вторичную обработку некоторых орудий. По облику и технике изготовления орудия местонахождений Калача-1—5 и Карамкуль характерны для развитого и позднего мустье леваллуазской фации. Об этом свидетельствует наличие леваллуазских остроконечников, грубо обработанных концевых скребков и т. д.

Более подробно обследована Капчигайская палеолитическая мастерская, расположенная в глубине ущелья Данги на северном склоне Алайского хребта. Здесь собраны многочисленные (423 экз.) нуклеусы различного типа — дисковидные, леваллуазские подчетырехугольные, одно- и многоплощадочные, атипичные нуклеусы, сколы с площадки нуклеуса, пластины, а также большое количество отщепов мустьерского времени. Собрано также 76 верхнепалеолитических каменных изделий, — нуклеусы, пластинки, отщепы и др. Оказалось, что и на северном склоне Капчигая имеются выходы черного кремня, где производилась добыча и обработка этого материала первобытным человеком.

Выше сая Халкымайн (ущелье Данги) осмотрено несколько пещер. В одной из них обнаружены следы первобытной культуры (пещера Капчигай-1). Она расположена примерно в 25—30 *м* выше русла левого притока сая Халкымайн. Эта пещера коридорного типа обращена на юг. При обследовании ее в слое было обнаружено мустьерское скребло (рис. 3, *4*) и два отщепа, а также обломки трубчатых костей различных животных.

Другая группа мустьерских местонахождений обнаружена в долине р. Сох в окрестностях кишл. Чунгара и Сарыкурган. На правом берегу р. Сох в районе кишл. Чунгара террасы ярко выражены, особенно третья, высотой 30—40 *м*, сложенная из конгломератов. Она примыкает к горе Пидау. В окрестностях кишл. Чунгара обследовано четыре местонахождения. Каменные изделия были собраны в галечниках на отдельных участках третьей террасы, на протяжении 3—4 *км*. На всех местонахождениях обнаружены каменные орудия мустьерского облика (31 экз.) — нуклеусы, пластины и отщепы.

Наиболее богатое местонахождение отмечено на правом берегу р. Сох, в 2—2,5 *км* к югу от кишл. Сарыкурган. На обширной площади (600 × 600 $м^2$) в галечных осыпях собрано 187 экз. различного типа каменных изделий.

В коллекции представлено 53 нуклеуса: дисковидные,

четырехугольные, многоплощадочные, образующие несколько выразительных устойчивых серий. Сработанные до предела нуклеусы малочисленны, зато много крупных нуклеусов с двумя или тремя сколами.

Пластины и их обломки (21 экз.) различны по форме и размерам. Имеются крупные широкие пластины с подправленной ударной площадкой и с отретушированными рабочими краями (рис. 2, *4*) и сравнительно мелкие по размерам левалуазские пластины.

В коллекции в основном представлены слегка изогнутые узкие пластины с двумя или тремя гранями на спинке, 2 скребка из отщепов с хорошо обработанным рабочим краем, найден хорошо выраженный двусторонний отбойник (рис. 3, *5*).

Большую группу составляют отщепы (104 экз.) различной формы. Некоторые из них крупные и более архаичного облика с широкой гладкой ударной площадкой, расположенной под тупым углом. Остальные отщепы меньших размеров, тонкие в сечении и обработаны более совершенной техникой. Ударная площадка их подправлена. Кроме того, имеются шесть обломков камня со следами вторичной обработки.

Другое местонахождение было обнаружено на противоположном берегу р. Сох у той же водоразделительной системы, где собрано шесть нуклеусов и отщепов мустьерского облика.

Каменный инвентарь Сарыкургана, Калача и Карамкуля обладает характерными чертами мустьерского периода. Местонахождения сходны между собой не только по технике изготовления камня, но и материалу.

Но изделия Сарыкургана отличаются от инвентаря группы местонахождений Калача и Карамкуль наличием некоторых древних орудий, характерных для ранней поры мустьерской эпохи.

Таким образом, можно сказать, что каменные орудия из группы местонахождений Калача, Карамкуль, Чунгара и Сарыкурган в основном леваллуазского облика, а это указывает на связь их с мустьерской культурой Кайраккумов и другими сопредельными районами Средней Азии.

Полагаем, что дальнейшее исследование рассмотренных районов приведет к открытию новых палеолитических пещерных и открытых стоянок.

Н. Х. ТАШКЕНБАЕВ

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ КОРОНГУРСАЯ И САРМЫША

На территории Средней Азии обнаружено множество памятников изобразительного искусства в виде выгравированных на скалах рисунков, помогающих глубже понять культуру народов нашей страны.

В настоящей статье рассматриваются наскальные изображения, обнаруженные на территории Навоинского района Бухарской области Узбекской ССР.

Каратауская группа[1] Махандарьинского археологического отряда Института истории и археологии АН УзССР в сентябре 1964 г. осмотрела выходы больших скал на горной гряде Каратау в районе Коронгурсая, примерно в 10—12 *км* к северу от кишлака Иджонд, а также в районе Сармыша в 18—20 *км* от названного кишлака.

На огромных скалах имеются разнообразные рисунки, основной сюжет которых — изображения козлов, баранов, лошадей и других животных[2].

В Коронгурсае осмотрено около 20 вертикальных и выдающихся вперед огромных камней с наскальными изображениями на вершине скал или у их подножия. Фигуры, изображенные на скалах размером от 5 до 26 *см*, высечены на глубину от 1 до 4 *мм*.

При исполнении рисунков широко использована «точечная» техника — наиболее распространенный метод выполнения наскальных изображений в Средней Азии[3]. Пустынный

---

[1] В работе группы участвовали: М. Р. Касымов (руководитель группы); А. Х. Мухаммеджанов, Н. Х. Ташкенбаев, Г. Дадабаев, И. Ахраров и др..

[2] Описываемые наскальные изображения обнаружены Каратауским археологическим отрядом еще в 1958 г.

[3] М. Э. Воронец. Наскальные изображения Южной Киргизии, «Труды Кирг. госпединститута», серия историческая, вып. 2, 1950, стр. 79; В. А.Ранов. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир), «Известия АН ТаджССР», отд. общ. наук, 1(22), 1960, стр. 24.

«загар» выбивался ударом, вероятно, металлического орудия, чаще всего на всю толщу. Последовательными ударами удалялся слой «загара» и создавалось требуемое изображение[4]. Таким путем изображены дикие козлы со скачущими за ними стилизованными всадниками (рис. 1).

Некоторые рисунки Коронгурсая совершенно выветрены. Обнаружить их можно только по легкой матовой поверхности линий при взгляде на них сбоку; другие более заметны. В значительном количестве имеются одиночные изображения животных — дикий козел, баран и др. (рис. 2).

Рис. 1. Наскальные изображения Коронгурсая.

Нами насчитано в Коронгурсае около 10 изображений диких козлов с загнутыми назад рогами, которые, несмотря на стилизованное выполнение ног, особенно передних, имеют некоторое сходство с изображениями козлов из Саймалыташа (Киргизия)[5], Тамгалы (Казахстан)[6] Наматгута и Кураминского хребта (Таджикистан)[7] и др.

Особенно интересны обнаруженные в Сармыше изображения двух лошадей (рис. 3), исполненные, видимо, твердым металлическим предметом, путем выбивания патины скалы частыми ударами мелкими точками[8]. (Размер жеребца — 0,27 × 0,23 *м*, размер кобылы — 0,22 × 0,19 *м*). Описываемые изображения лошадей сильно отличаются от современных,

---

[4] А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалыташ, СЭ, 1952, № 2, стр. 56.

[5] Там же, стр. 58—59, рис. 7—8.

[6] А. Г. Максимова. Наскальные изображения ущелья Тамгалы, «Вестник АН КазССР», 1958, № 19 (162), стр. 108—110, рис. 2—4.

[7] В. А. Ранов. Наскальные изображения у кишлака Наматгут, «Изв. АН ТаджССР», вып. 14, 1957, стр. 67—70, рис. 2; Он же. Новые наскальные изображения в Кураминском хребте, «Труды Ин-та истории АН ТаджССР», т. XXIX, («Искусство таджикского народа», вып. II, 1960, стр. 125).

[8] Ю. А. Заднепровский. Наскальные изображения лошадей в урочище Айрымачтау (Фергана), СЭ, № 55, 1962, стр. 126.

однако имеют некоторое сходство с известными в литературе[9]. Изображения лошадей из Сармыша исполнены мастером в совершенно своеобразном стиле: с маленькой сухой головой,

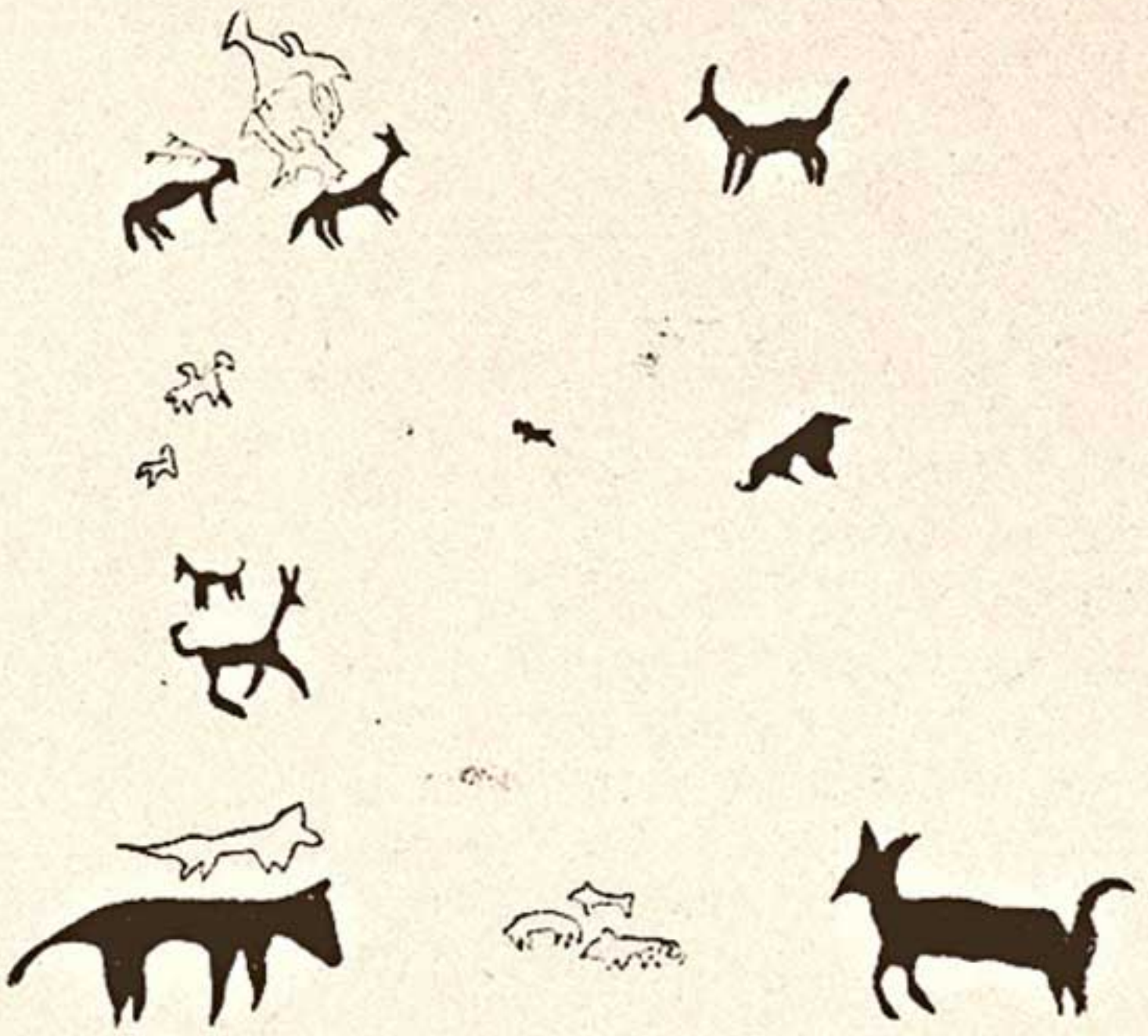


Рис. 2. Наскальные изображения Коронгурсая.

посаженной на плавно утонченную «лебединую» шею или напоминающую шею жирафа.

Рис. 3. Наскальные изображения в урочище Сармыш.

Лошади на скалах Сармыша нарисованы более реалистично, в скачущей позе, с подогнутыми ногами, чего мы не видим на изображениях лошадей, обнаруженных в Фергане — на юге Киргизии[10].

[9] А. Н. Бернштам. Араванские наскальные изображения и даваньская (Ферганская) столица Эрши, СЭ, № 4, 1948, стр. 155—157; Е. М. Массон. Древние наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане, «Труды Ин-та языка литературы и истории Киргизского ФАН СССР», вып. 2, 1948, стр. 129—134; Ю. А. Заднепровский. Наскальные изображения.., стр. 125—128.

[10] Ю. А. Заднепровский. Наскальные изображения.., стр. 127, рис. 2.

Сейчас еще очень трудно датировать изображения лошадей из Сармыша, так как аналогии подобным изображениям пока не найдено.

По характеру исполнения рисунков изображения Сармышских лошадей можно предварительно отнести ко второй половине первого тысячелетия до нашей эры[11].

Таким образом, рассмотренные нами наскальные изображения разнообразны по содержанию, но в них есть формы, сходные с изображениями, которые обнаружены в других районах Средней Азии.

---

[11] Ю. А. Заднепровский. Наскальные изображения..., стр. 128.

Г. В. ШАЦКИЙ

РЕДКИЕ СЮЖЕТЫ НА ПЕТРОГЛИФАХ ОХНЫ[1]

Район поселка Охна[2] изобилует петроглифами. Среди них особенно оригинальны по своему сюжету две композиции на скале, стоящей в 500—700 *м* к востоку от поселка.

Оба изображения передают сцену нападения хищника на стадо домашних коз и защиту его человеком. Эти изображения значительно стерты временем и могут быть обнаружены только при внимательном осмотре камня. Стиль изображения отдельных фигур, входящих в каждый из этих рисунков, неодинаков. Козы даны в виде условных линий без элементов динамики и без соблюдения масштаба общей композиции. Значительно лучше изображен нападающий на них кошачий хищник; он выполнен теневой техникой и дан в динамичной позе; фигуры людей изображены в движении и только теневыми линиями.

На композиции, показанной на рис. 1, стадо коз представлено четырьмя животными. Хищник — барс или тигр — изображен с длинным вытянутым хвостом, что характерно для кошачьих, когда они готовятся к прыжку. Пасть у него полуоткрыта, а на передних лапах выпущены когти. Навстречу хищнику спешат два человека (фигуры их даны в движении), у одного из них в правой руке длинная поднятая палка. Вся композиция построена довольно компактно, а взаиморасположение ее фигур не вызывает сомнений в сюжетном содержании всей «картины».

Этот рисунок, как и другой, перекрывает собой более старые изображения.

---

[1] Описанные в данной статье петроглифы были обнаружены, а затем показаны нам местным краеведом-археологом П. Т. Коноплей.

[2] Поселок Охна расположен в 40 *км* к югу от г. Ферганы, у впадения горной речки Охны в Шахимардансай.

Другой рисунок (рис. 2) в сюжетном отношении мало отличается от первого и можно предполагать (по технике выполнения и по характеру сюжета), что оба они выполнены одним художником. Стадо коз здесь заменяет изображение одной козы, непомерно больших размеров и безрогого козленка, расположенного над ее головой. Здесь хищник уже напал на одного козленка и повалил его. Хорошо видна голова, несколько утрированные уши козленка и его полусогнутые передние ноги; задняя часть тела козленка совмещается с передними лапами хищника. Голова барса или тигра направлена в сторону фигуры человека, вооруженного длинной палкой.

Рис 1.

Можно предполагать, что оба изображения относятся к тому периоду, когда скотоводство, в частности разведение коз (одно из первых домашних животных), стало обычным занятием человека. Стиль и техника изображений, следуя системе А. Н. Бернштама[3], позволяет отнести их к первому тысячелетию до нашей эры, периоду перехода от теневого к контурному и скелетному изображению.

Рис. 2.

Хочется остановиться на реалистичности сюжетов, изображенных на этих петроглифах. Защита своего стада от крупного хищника таким примитивным „оружием", как палка, была на первых этапах развития скотоводства вполне обыденным явлением. Иначе трудно себе представить, как без человеческой охраны могли бы уцелеть одомашненные животные, которые уже утратили в какой-то мере свои защитные рефлексы. Тем более, что все это происходило в условиях первобытного пастбищного скотоводства при большом тогда количестве хищных зверей; на во-

---

[3] А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш, СЭ, № 2, 1952, стр. 66.

оружении же пастуха могли быть тогда только дубина, камень, а иногда лук[4].

Факты защиты стада от барса или тигра чабаном, вооруженным только палкой, встречаются и в наши дни. Так, в справочнике, выпущенном Афганским королевским посольством в Лондоне[5], говорится, что зимой тигры и волки охотятся на домашних овец. Чабаны народа калати в таких случаях бьют тигра дубиной, а волка — голыми руками и душат или, накинув на него бурку, связывают ноги и пасть.

Г. Боровик[6], специальный корреспондент «Огонька», сообщил из Африки, что в музее г. Магадишо — столица республики Сомали — экспонируются копья, в числе которых ему показали и копье, подобное тому, каким и сейчас пользуется местное население при охоте на львов. Сама охота, как объяснил ему работник музея, происходит так: вызвав льва на нападение, охотник берет копье в обе руки и приседает, а в момент прыжка льва вонзает копье в брюхо зверю. В заключение корреспонденту сказали, что у сомалийцев и теперь мужчиной считается только тот, кто невооруженный выйдет против хищника.

Нельзя не провести аналогии между этим методом охоты и тем, который еще в прошлом столетии применялся в России, когда один-на-один выходили с рогатиной на медведя.

Наконец, можно привести еще одно аналогичное сообщение. Во время посещения Всесоюзного института каракулеводства (Самарканд, 1963) группой ученых и преподавателей республики Мали (Африка, область саван) им был задан вопрос — чем вооружены их пастухи в районах, изобилующих хищниками. Они ответили, что «только палкой». На естественный наш вопрос — почему у них нет ружей — туристы ответили так: «Пастух посчитает для себя позором пасти скот с ружьем. Это будет служить признаком того, что он трус. Пастух прогонит льва и без ружья. Он будет бить его палкой, пока лев не убежит обратно в кустарник».

Приведенные примеры подтверждают, что сцены, изображенные на петроглифах Охны, реалистичны и правдиво характеризуют условия, в которых зарождалось скотоводство.

---

[4] Первобытного человека периода собирательства и примитивной охоты почему-то принято представлять, как существо беззащитное, подавленное природой и окруженное «страшными» для него зверями. Если бы это было так, то он не мог бы не только занять господствующее положение на земле уже в новокаменном веке, но и просто не выжил бы в борьбе за существование. Несомненно, что первобытный человек обладал колоссальной физической силой и так же мало боялся хищников, как горилла или орангутанг в джунглях.

[5] This is Afghanistan. Published by the information Bureau Royal Afghan Embassy, in London. p. 10.

[6] Г. Боровик. С тобою мир, Сомали, «Огонек;, № 5, 1962.

Я. Г. ГУЛЯМОВ

ИЗ ИСТОРИИ ВОДОСНАБЖЕНИЯ ДРЕВНЕГО ПАЙКЕНДА

Прослеживая историю обводнения обширных земель Припайкендского района, Махандарьинский археологический отряд осмотрел бывшую территорию так называемого древнепайкендского водоема, зафиксированного у Наршахи под названиями: «Баргин фаррох», «Каракуль», «Тенгиз» и «Бахира-и- Сомджан»[1].

Направления низовых протоков р. Кашкадарья в сторону Пайкенда навели нас на мысль о водоснабжении его этой рекой. Но тщательный осмотр убедил в том, что северное русло не могло миновать припайкендского озера, а южное, Кокчинско-кумсултанское, обошло пайкендский бугор с юго-запада. Отряд пришел к выводу, что история водоснабжения Пайкенда связана исключительно с р. Зарафшан.

Настойчивые поиски остатков древней и средневековой ирригационной сети, орошавшей Пайкенд и его оазис, привели к выводу, что первый и самый древний канал, построенный примерно в начале VI в. н. э. (с чем, очевидно, связано и возникновение города Пайкенда), вытекал из глубины современного Бухарского оазиса на меридиане железнодорожной станции Шахри Ислам и шел в юго-западном направлении через селение Раимабад (рисунок). В этом селении и по выходе из него отчетливо видно сухое русло, известное под названием «Кызарык» (Девичий канал). Канал вступает в полосу пустыни и хорошо прослеживается по самому краю обширного древнего (ныне сухого) водоема, составляющего восточную периферию припайкендских сбросовых болот и озер.

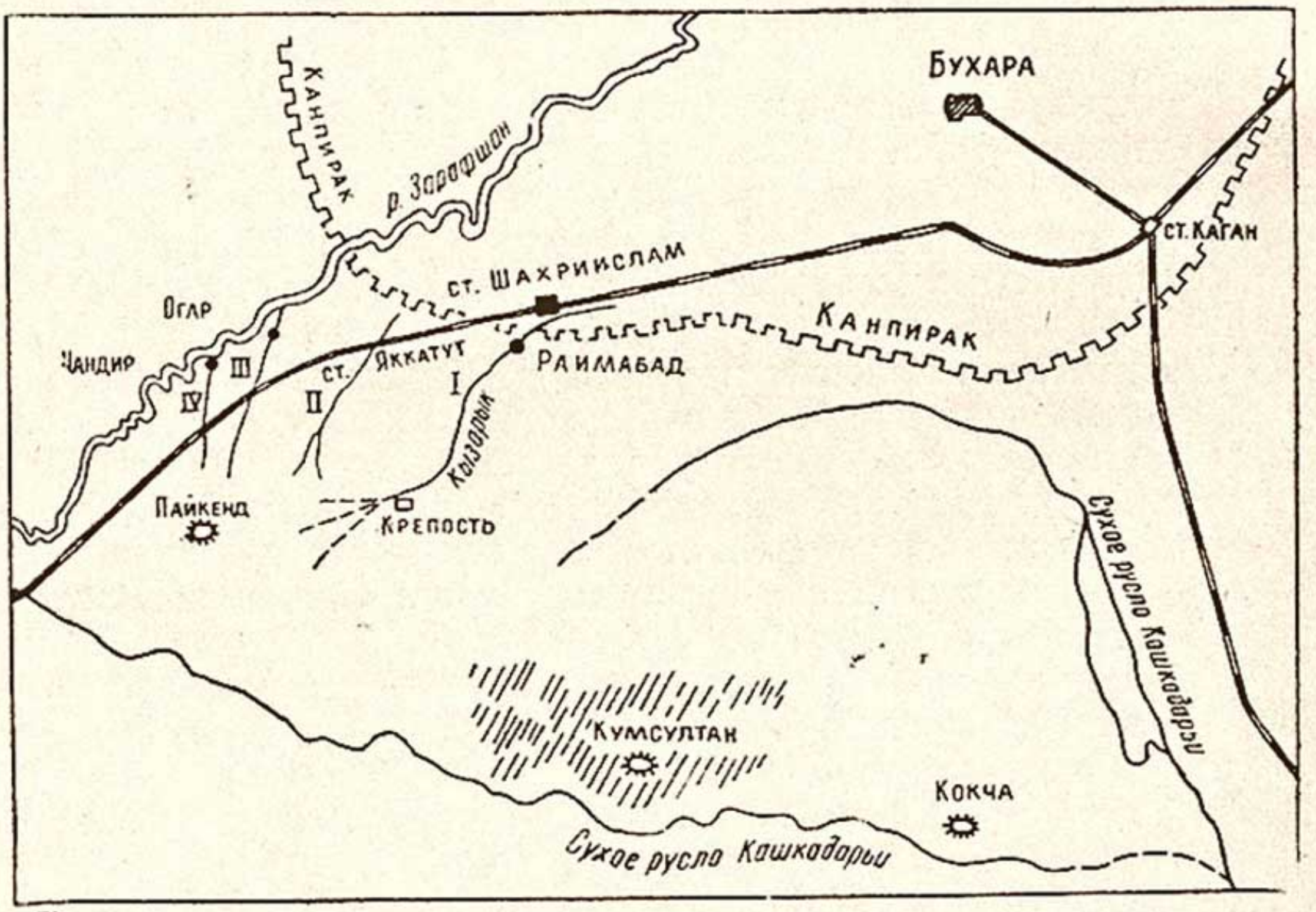
Около загона для скота «Кызарык» сухое русло канала поворачивает с юга на запад и уходит в глубь тяжелых барханных песков. Примерно в 4 *км* к востоку от развалин Пай-

---

[1] Наршахи. История Бухары, Каган, 1904, стр. 23.

кенда канал разделяется на три русла. На этом водоразделе расположены развалины маленькой крепости VI в. н. э., имеющей богатый археологический материал. В свое время гарнизон этой крепости следил за порядком на распределительном участке и за сохранностью водораспределяющего сооружения. Далее сухое русло особенно отчетливо видно с воздуха — оно подходит к Пайкенду с востока и затем теряется среди остатков зданий. Бóльшая часть русла уничтожена при повторном освоении этих земель.

Второй канал выведен непосредственно из Зарафшана, севернее железнодорожной станции Яккаут. Сухое русло этого канала вступает в зону пустыни между Бухарским и Пайкенд-



Схематическая карта окрестностей городища Пайкенд.

ским оазисами. Затем, сделав постепенный, но заметный поворот на юго-восток, оно выходит к древнепайкендскому оазису — туда, где теряются следы первого канала. Русло второго канала обветшало и сильно выветрилось в некоторых местах.

Третий канал построен параллельно второму, западнее от него на 2 *км*. Он выведен из Зарафшана в пределах нынешнего селения Огар, расположенного на краю Бухарского оазиса. Сухое русло канала шириной около 15 *м* хорошо сохранилось, особенно к югу от железнодорожной линии, напротив сел. Огар.

Здесь канал проведен по каменистому грунту, из обломков которого сложены береговые насыпи. Сухое русло прослежено нами до древнепайкендского оазиса, несколько западнее устья второго канала.

Четвертый канал выведен из Зарафшана в пределах селения Чандыр, расположенного тоже на краю Бухарского оазиса, примерно в 1 *км* западнее селения Огар. По своему размеру и направлению ложе этого канала почти повторяет ложе предыдущего, но строительство канала не было завершено.

Мы считаем, что строительство первого канала связано с благоустройством Пайкендского оазиса и возведением мощного города-крепости, расположенного на краю пустыни. Как город купцов Пайкенд пользовался в древности бóльшей известностью, чем Бухара[2].

В 705 г. арабский полководец Кутейба ибн Муслим овладел Пайкендом, разрушил его, уничтожил мужчин, годных к ношению оружия, а остальное население обратил в рабство и угнал в Хорасан[3]. По словам Наршахи, Пайкенд долгое время оставался в запустении (سالحای دراز خراب بماند)[4] Это, безусловно, и решило судьбу канала: из-за отсутствия надзора вся трасса канала пришла в негодность, его засыпало песком. Это вызвало строительство второго за счет вод, орошающих Бухарский оазис. В конце VIII — начале IX в. этот канал теряет свое значение, поэтому западнее из Зарафшана был выведен третий канал. Это объясняется тем, что к концу VIII в. земли Бухарского оазиса начали обносить знаменитой оборонительнойй стеной Кампирак (Кампир-девор). Пайкендский оазис непосредственно не связан с Бухарским, поэтому его нельзя было включить в черту стены Кампирак. Канал, доходивший до Пайкендского оазиса, мешал строительству стены. Поэтому третий канал был выведен из Огара за линией великой стены. Этот канал функционировал довольно долго, о чем свидетельствует археологический материал, добытый на городище Пайкенд и вокруг него.

К XII в. канал обветшал. В связи с наибольшим забором воды на орошение земель в глубине Бухарского оазиса баланс воды в Зарафшане уменьшился, а каменистый грунт не позволял увеличить глубину канала.

По словам автора последний редакции книги Наршахи Мухаммед ибн Зуфара (1179 г.), караханид Арслан хан Мухаммед ибн Сулейман (низложен в 1130 г.) в годы своего

---

[2] Наршахи. Указ. соч., стр. 22.
[3] Там же, стр. 56.
[4] Там же, стр. 57.

правления решил благоустроить Пайкенд и его окрестности. Однако воды канала, выведенные из Харамкана (Зарафшана), не всегда достигали окрестностей Пайкенда. Поэтому «Арслан хан велел прорыть туда особый канал из(جوی علیحیده) Аму-Дарьи (?). Пайкенд находится на небольшой возвышенности, поэтому хан велел прорыть его через возвышенность. Основа последней оказалась сплошной скалой, не имеющей трещины. Для того, чтобы смягчить эту скалу, пришлось пропитывать ее маслом и уксусом, на что ушло много харваров (ослиных вьюков) масла и уксуса. Таким образом удалось прорыть канал на расстоянии только 1 фарсаха (6—7 *км*) и дальше не могли и бросили его недостроенным, так как много народу было изнурено тяжелым трудом, и на это ушло много средств»[5].

Здесь речь идет, безусловно, о недостроенном (четвертом) канале. Действительно, канал прорыт всего на расстояние 5—6 *км*. На последнем километре пришлось одолеть тяжелый каменный грунт, что и заставило строителей отказаться от этой затеи. Мухаммед ибн Зуфар, последний редактор книги Наршахи, ошибочно утверждает, что Арслан хан велел прорыть особый канал из Амударьи, что было немыслимо для того времени, ибо местность здесь имеет уклон к Амударье, и на значительном расстоянии простираются непроходимые пески. Разведкой не обнаружено следов какого-нибудь канала к югу или западу от Пайкенда, так что версия о канале из Амударьи отпадает. Здесь бесспорно имеется в виду четвертый, недостроенный канал из Зарафшана.

Нужно подчеркнуть, что оазис вокруг Пайкенда находится ниже уровня пустыни, расположенной между ним и Зарафшаном, из которого выведены пайкендские каналы.

---

[5] Наршахи. Указ. соч., стр. 23.

Л. И. АЛЬБАУМ

ГОРОДИЩЕ ДАЛЬВЕРЗИНТЕПА

Весной 1960 г. на территории Сурхандарьинской области проводились большие работы по изучению археологических памятников. Основное внимание было сосредоточено на раскопках памятников, которые должны были попасть в зону затопления Южносурханского водохранилища, сооружаемого в 80 *км* к северу от Термеза.

Обследовано большое количество памятников. Но для правильного понимания жизни всего района необходимо было провести разведывательные раскопки на городище Дальверзинтепа — самом крупном в Сурхандарьинской области. Оно расположено в 7 *км* к северу от водохранилища и, несомненно, играло важную роль как в политическом, так и в экономическом отношении не только для изучаемого района, но и для всей области.

Впервые городище Дальверзинтепа было обследовано в 1949 г. и отождествлено с древним Чаганианом; одновременно произведена глазомерная съемка. Глазомерный план и краткое описание памятника опубликованы[1].

В 1960 г. архитектор В. А. Нильсен и топограф А. В. Шукуров сняли инструментальный план этого памятника (рис. 1) и заложили небольшой раскоп в центре западной стены городища для выяснения ее устройства. В стене на месте раскопа оказалось захоронение, которое изменило планы исследования.

В 1961 г. разведывательные работы на городище Дальверзинтепа продолжались. Но прежде чем говорить о них — несколько слов о самом памятнике.

Городище ориентировано почти правильно с севера на юг,

---

[1] Л. И. Альбаум. Балалыктепа, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 12—13.

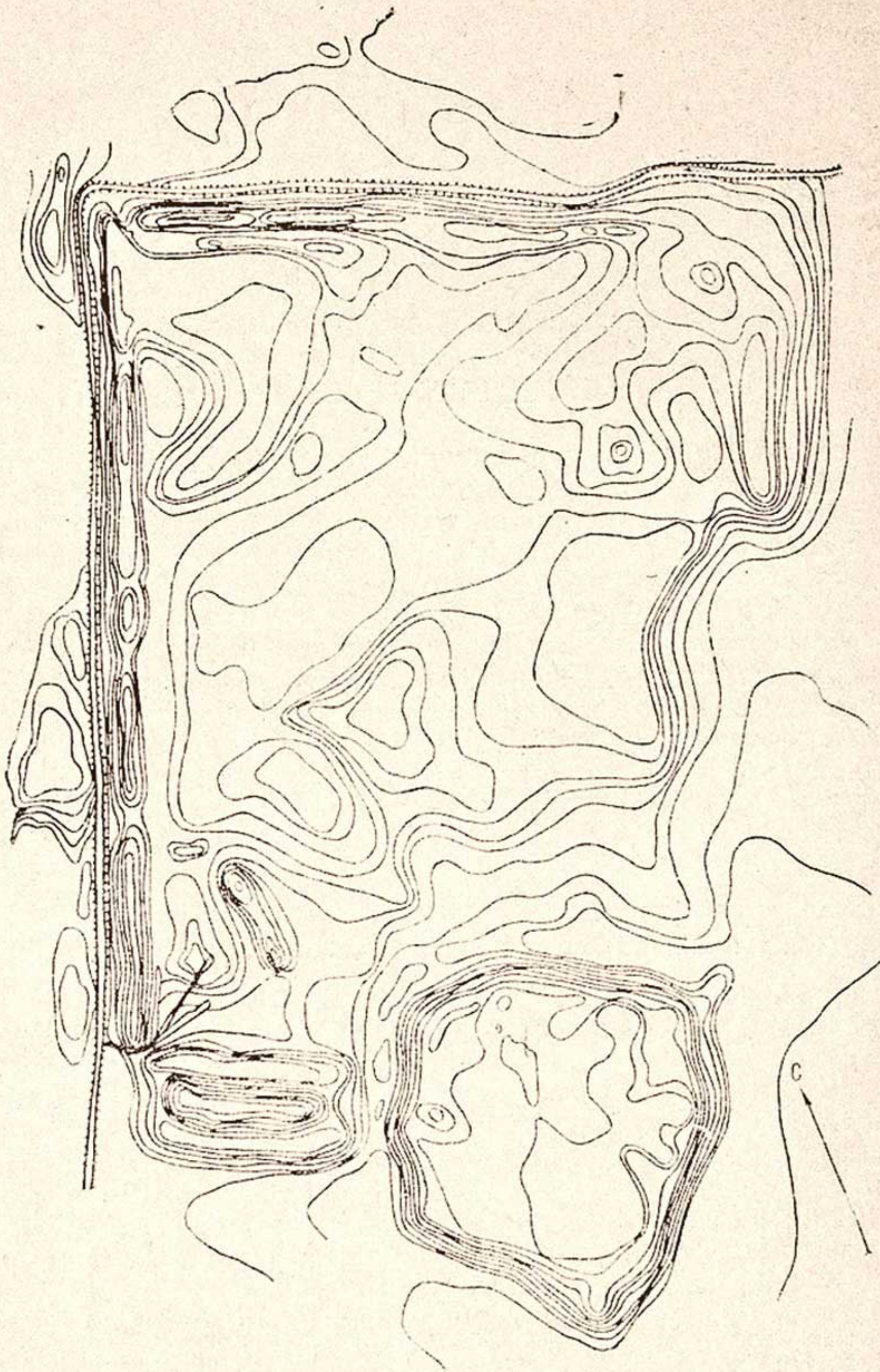


Рис. 1.

длина его в этом направлении почти 1 *км*, а с запада на восток — 800 *м*. В юго-восточном углу расположена цитадель высотой около 20 *м*. Она отделена от городища широким рвом. Судя по микрорельефу, цитадель с городищем была связана специальным переходом, но, к сожалению, переход очень плохо сохранился и его можно проследить только по выступам, сохранившимся как в цитадели, так и со стороны городища. Можно предположить, что здесь находился перекидной мост. опускавшийся со стороны цитадели. Это предположение требует проверки.

Стены городища сильно оплыли, в некоторых местах прослеживаются башни. За основными стенами с внешней стороны был второй ряд крепостных стен, а между ними проходил ров шириной 10—15 *м*. Вторая стена сохранилась хуже и наполовину ниже основной. Она сохранилась частями с западной и южной сторон, а с северной проходит ров, противоположная строна которого является останцевым лессовым массивом. С восточной стороны проходит канал, омывающий стены городища. По-видимому, этот канал раньше проходил несколько восточнее современного русла, он был основной оросительной артерией, снабжавшей город водой. Свое начало канал берет в 8 *км* севернее из р. Сурхандарья. Как показали разведки первых лет и стратиграфические шурфы, заложенные нами в различных частях городища в последующие годы, город возведен на естественной возвышенности, т. е. на второй террасе, возвышающейся на 6—10 *м* над поймой реки. Она сложена из песков с мелким галечником, пылевидных суглинков и супесей. Поверхность террасы, как и ее края, обращенные к реке, изрезаны оврагами и промоинами. Отдельные овраги протянулись на несколько сот метров.

Строители города учли рельеф местности и всю выгодность его сооружения в этом месте.

Уже первичное обследование Дальверзинтепа показало, что оно существовало до VI—VII вв. н. э., а в своей основе относится к первым векам до н. э.

Место для разведывательного раскопа на территории городища было выбрано северо-западнее цитадели, примерно в 300 *м* к северу от южной стены городища[2].

Судя по микрорельефу, в этом месте была площадь, вокруг которой располагались какие-то помещения, представлен-

---

[2] В 1961 г. отряд состоял из 5 чел.: археолог Мережин Л. Н. — сотрудник Сурхандарьинского историко-краеведческого музея, археолог Шахурина К. А. — сотрудник Музея истории Узбекистана АН УзССР, а также лаборант Кобзев А. Н., шофер экспедиции Е. Н. Прокудин и начальник отряда Л. И. Альбаум.

ные в настоящее время всхолмлениями высотой до 3 *м*. В южной части данной площади мы заложили раскоп. Наблюдение за раскопом было поручено Л. Н. Мережину. Площадь раскопа — 200 $м^2$. До раскопа она была пронивелирована и разбита на квадраты 2 × 2 $м^2$. Нулевая точка, необходимая для отсчета, взята на самой высокой части стены западнее раскопа В результате раскопок выявлена часть комплекса помещений. построенных в два строительных периода.

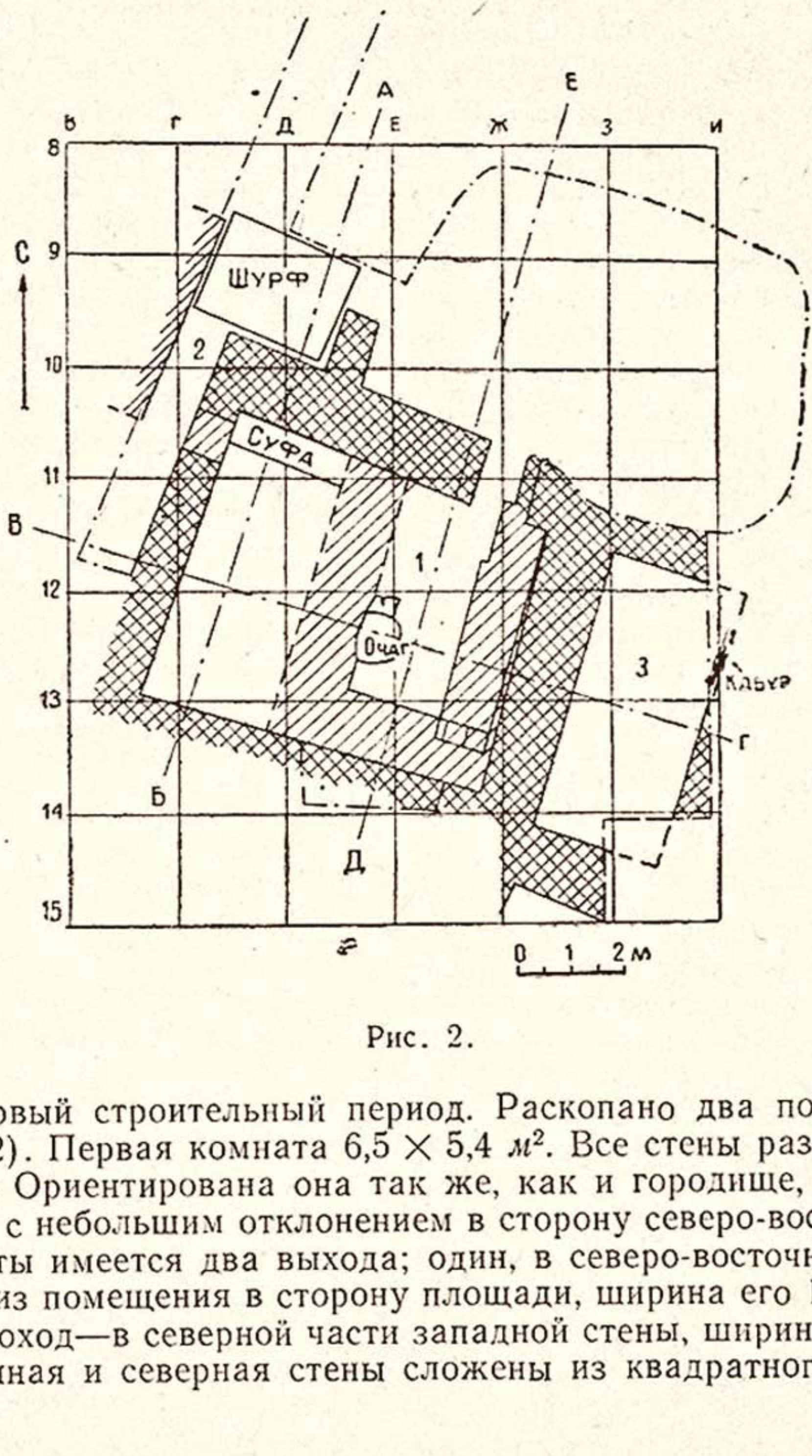


Рис. 2.

Первый строительный период. Раскопано два помещения (рис. 2). Первая комната 6,5 × 5,4 $м^2$. Все стены разных промеров. Ориентирована она так же, как и городище, с севера на юг, с небольшим отклонением в сторону северо-востока. Из комнаты имеется два выхода; один, в северо-восточном углу, ведет из помещения в сторону площади, ширина его 1 *м*. Другой проход—в северной части западной стены, шириной 80 *см*. Восточная и северная стены сложены из квадратного сырцо-

вого кирпича 32 × 32 × 10 *см;* 33 × 33 × 10 *см* и 34 × 34 × × 12 *см.* Южная же стена сложена из пахсовых блоков. Толщина стен около 1 *м* 20 *см.*

Второй строительный период. В этот период помещения подверглись коренной перестройке. Западный проход был заложен кирпичом. За ним с внешней стороны соорудили стенку и получился узкий коридор шириной 80 *см.* Со стороны же комнаты, к северной стене пристроили суфу из квадратного кирпича 36×36×10—12 *см.* На одной из сторон кирпича имеется тамга в виде прямой линии, сделанной по сырой глине пальцем. Первая комната была разделена суфой высотой 50 *см.* Она проходит с севера на юг и делит помещение на две части. Такая же суфа проходит в восточной части вдоль южной стены. Она сделана следующим образом: на расстоянии 1 *м* от стены выкладывалась тонкая стенка шириной в один кирпич, размером 35 × 35 × 12—14 *см,* а расстояние от этой стенки до основной стены забито землей и большим количеством угольков. Глина, которой скреплялись кирпичи, также содержит вкрапление древесного угля.

К восточной стене комнаты была пристроена метровая стенка. Она так же, как и южная суфа, с наружной стороны сделана из сырцового кирпича 35 × 35 × 12—14 *см.* На одной из сторон кирпича тамга в виде двух линий. Внутренняя часть этой стены заполнена плотной забивкой земли, смешанной с битым сырцовым кирпичом и мелкими фрагментами керамики. Таким образом, эта стенка сложена из того же материала, что и вновь возведенные суфы.Мы уже говорили, что большая комната первого периода разделена суфой на две части. В восточной части, около середины западной стены, находился очаг. На полу западной части в юго-восточном углу была найдена медная монета плохой сохранности.

Первый период разрушения связывается с пожаром. В это время часть стен была разрушена, упавшие кирпичи заполнили помещение на 60 *см.* Образовавшийся завал затем разравняли. Его поверхность является уровнем второго пола. Сохранившиеся стены в некоторых местах подремонтированы кирпичом, а иногда просто подмазаны глиной. Верхние их части были надстроены кладкой из пахсовых блоков. В период запустения в том месте, где кончается верхний край стены, облицованной с внешней стороны кирпичом, был построен очаг, вокруг которого были рассыпаны мелкие угольки и зола. Когда же надстроили стену пахсовыми блоками, то этот очаг и угольный слой оказались зажатыми между кирпичом и пахсой.

В таком виде помещения просуществовали недолго и скоро были разрушены. В результате образовался второй слой из уплотненной земли. В этом завале встречались кирпичи, кото-

рые могли попасть в слой из каких-то более высоких частей здания. Можно предположить, что верхние части стен были также сложены из кирпича. Все эти периоды разрушений и перестроек происходили в какой-то короткий промежуток времени, о чем говорят керамические находки. На первом и втором полах — керамика одного и того же типа.

Остановимся на основных формах сосудов, встреченных при раскопках.

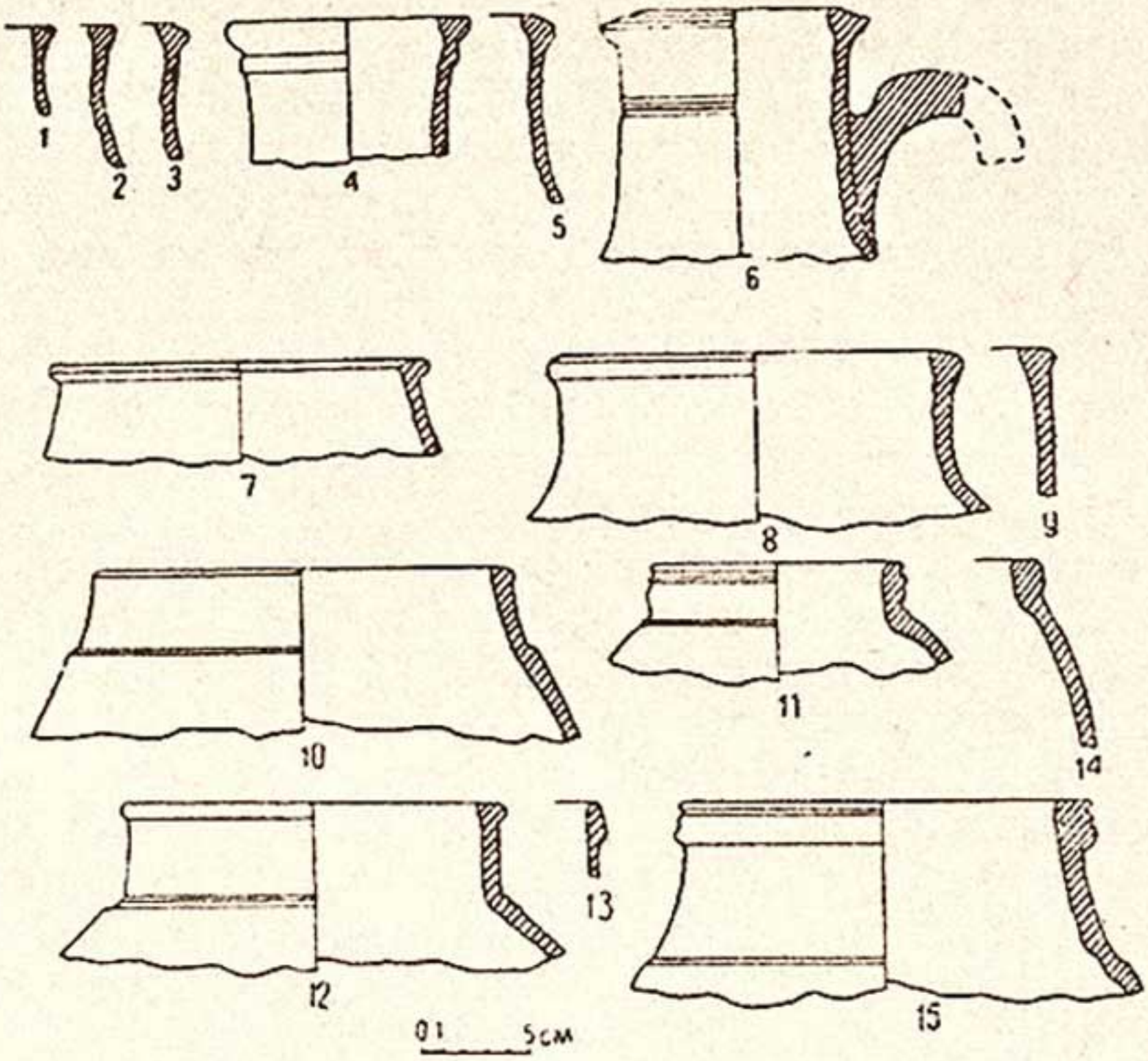


Рис. 3.

Кувшины (рис. 3, *1—6*) сохранились неполной формы; в большинстве случаев это горла или плечики сосудов. Горла почти прямые цилиндрические, слегка расширенные к тулову. Высота их 5—12 *см*, диаметр — 6—9 *см*. Почти все венчики в разрезе треугольные. Верхняя часть венчика зачастую профилирована двумя или одной бороздкой. В некоторых случаях внешний край венчика сильно закруглен; в этом случае по его вертикальной поверхности проходит глубокая бороздка. С наружной стороны у основания горла часто сделаны одна или две горизонтальные бороздки.

Кувшины были широко распространены в кушанский период. Все они сделаны на гончарном круге из хорошо промешанной глиняной массы. С наружной стороны сосуды покрыты красновато-коричневым ангобом, встречается полосчатое

лощение. Иногда употреблялось ангобирование двух третей верха сосуда. В этих случаях ангоб очень плотный. Встречаются кувшины, украшенные штампованным орнаментом, сделанным по сырой глине сформованного сосуда, до покрытия сосуда ангобом. Слой ангоба такой плотный, что иногда отслаивается от кувшина.

Хумча. Сосуды этого вида часто встречаются в кушанской керамике. Они изготовлялись из глины, на гончарном круге, хотя имеются отдельные экземпляры, сделанные ручной лепкой без круга. В раскопках было найдено несколько видов хумча (рис. 3, *7—14*).

Широко распространены хумча с почти вертикальным горлом и плавным переходом от горла к тулову. Высота горла 2—7 *см,* диаметр — 10—18 *см.* Венчик такой же, как у кувшинов. В некоторых случаях он больше отогнут к наружному краю и почти квадратный, профилирован по верхнему краю или с внешней стороны. Тулово шаровидное.

Анализируя керамический комплекс позднекушанского времени, М. Г. Воробьева приводит несколько хумча, формы которых перекликаются с вышеописанными сосудами[3].

В большом количестве найдены фрагменты от цилиндрообразных крынок. Они различны по высоте и диаметру. Диаметр горла варьирует от 9 до 16 *см,* а высота — 18—40 *см.* Среди обнаруженных фрагментов можно выделить два вида: первый вид с почти вертикальным туловом. Венчик его такой же, как у вышеописанных кувшинов: ангоб светло-серого цвета. Поддонце слегка выгнуто. В тесте глины имеется небольшое количество мелкой гальки. Второй вид более распространен (рис. 4, *16—17*). Их тулова слегка расширяются к середине и вновь суживаются к донцу. Венчики в большинстве случаев слегка отогнуты к наружному краю, а иногда — прямые. С внешней стороны венчика профилировка в виде углубленных горизонтальных линий. Такими же линиями украшены и некоторые тулова. С наружной стороны сосуды покрывались красновато-коричневым или светло-коричневым ангобом. Подобная форма была встречена нами при раскопках замка Балалык-тепа[4], хотя там они датируются VI или началом VII в. н. э.

Крупные чаши типа тагара, судя по большому количеству фрагментов, были также широко распространены. Они имеют

---

[3] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. Керамика Хорезма, М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 159.

[4] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 97, рис. 75.

форму усеченного конуса и напоминают русскую лоханку. Диаметр по венчику до 60, у дна — до 30 *см*. Поддонце — прямое, ровное. Чаши этого типа можно разделить на два вида. Первый вид наиболее распространен. Сосуды не орнаментированы, ангоб светло-серый. Венчики прямые, слегка отогнутые или скошенные, а иногда на верхней части имеется небольшое углубление. Черепок плотный, хорошего обжига, в тесто глины добавлялось небольшое количество песка, алебастра. Второй вид чаш имеет такую же форму. но у них более ярко выраженный венчик. Край тагары с внутренней стороны профилирован и орнаментирован штампованным и процарапанным орнаментом. В некоторых случаях с двух сторон к венчику прикреплены ручки, иногда витые. Все тагары изготавливались на гончарном круге. Черепок плотный, в глине большая примесь мелкого песка. После того как сосуды отформовали, на них наносили штамп. С наружной стороны сосуда, напротив штампа вдавленного рисунка, видны отпечатки пальцев мастера, придерживавшего сосуды во время тиснения штампов. Поверх орнаментации эти тагары с внутренней стороны покрывались плот-

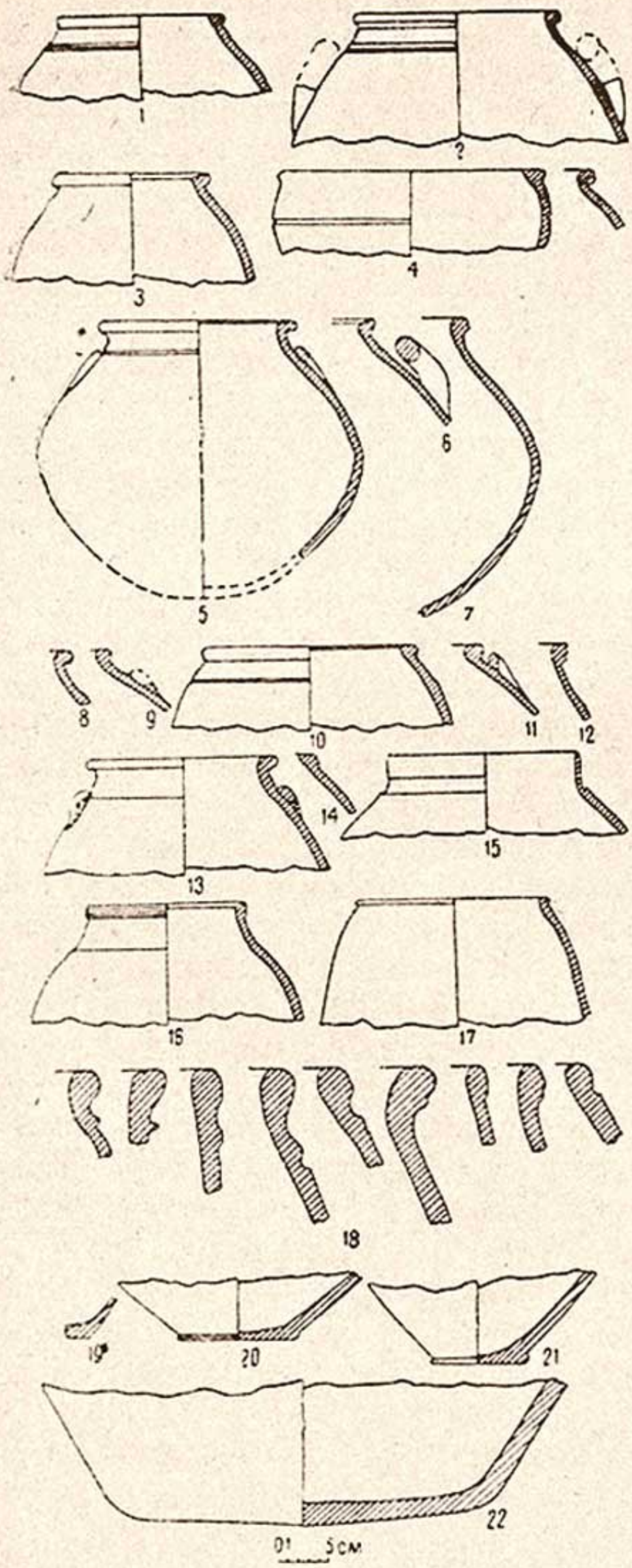


Рис. 4.

ным слоем красновато-коричневого или светло-бежевого ангоба.

Сосуды типа тагара очень распространены по всему югу Сурхандарьи: они характерны как для кушанских слоев, так и для керамики VI—VII вв.

Аналогичные сосуды были встречены в раскопках Топракалы в Хорезме, в Кашкадарьинской области, где они датируются довольно широко (II в. до н. э. и II в. н. э.) и других памятниках. Сосуды этого типа были широко распространены в Средней Азии до XX вв. Например, при раскопках обсерватории Улугбека найдены тагары, наполненные ганчем; по-видимому, они употреблялись для подачи различных растворов при строительстве. В XX в. такие сосуды бытовали в домашнем хозяйстве и употреблялись для стирки белья.

Среди большого количества керамического материала одно из первых мест занимают фрагменты котлов.

Тулова котлов шаровидной формы (рис. 4, *1—7*); к венчику, отогнутому к внешней стороне, слегка суживаются, нет четко выраженного горла. В некоторых случаях венчик начинается сразу от тулова. Форма венчика довольно стандартна, в разрезе дает квадрат, в некоторых случаях на верхней части имеются две или одна углубленные бороздки. Верхняя часть тулова орнаментирована одной или несколькими горизонтальными врезными линиями, сделанными во время формовки сосуда, диаметр по венчику 15—18 *см,* в средней части тулова 20—30 *см* и высота 17—22 *см.* С двух сторон к верхней части тулова прикреплялись придавленные ручки, в некоторых случаях ручки в разрезе круглые и слегка отступают от тулова. Черепок в изломе плотный. В глину добавляется песок, имеются также вкрапления алебастра и кварца. Круглую форму дна делали на шаблоне, который подсыпали крупнозернистым песком, после того как сосуд отформовывали, его нижнюю часть подрезали острым инструментом. На дне некоторых сосудов этот песок сохранился, а там, где его срезали, видны процарапанные полосы от скользящих песчинок. Все котлы с наружной стороны покрыты светло-серым ангобом, один из них имеет серый черепок.

У большинства котлов нижняя часть закопченная.

В раскопе найдены крышки для закрывания котлов, они делались из того же материала, что и котлы. Крышки круглые, плоские слегка выгнутые к краям, толщиной 1—2 *см,* в верхней части крышки прикреплена небольшая ручка.

Среди находок интересна одна миска (диаметром по венчику 40 *см* и высотой 9 *мм*), стенки тулова слегка суживаются ко дну, диаметр которого 34 *см,* толщина стенок 1 *см.*

Венчик отогнут, и на его внешней стороне имеется углубление — бороздка, проходящая горизонтально по всему венчику. Сосуд сделан на гончарном круге. В глину добавлялся мелкий песок, им же посыпан круг, на котором формовался сосуд. Ангоб светло-серого цвета.

Сосуд, по-видимому, представлял определенную ценность: еще во время употребления он был разбит на три части, и для их скрепления было просверлено 16 отверстий, в которые вставлялась медная проволока для стягивания разбитых частей. В данном случае проволочки не сохранились, но нами были найдены фрагменты сосудов, скрепленные таким способом. Подобные плоские миски найдены в соответствующих по времени слоях при раскопках Топраккалы[5]. Сосуды этого вида были найдены и в других района Хорезма[6].

На территории Сурхандарьи подобные сосуды найдены при раскопках Балалыктепа, но в отличие от позднекушанских сосудов они сделаны более грубо, с большой примесью дресвы, поверхность сосуда неровная, черепок пористый[7].

Найдено три фрагмента крынкообразных сосудов. Их тулова слегка расширяются к середине и вновь суживаются к донцу. Сформованы они на гончарном круге из хорошо промешанной глины с добавлением песка. Сверху они покрывались светлым ангобом. Встречаются фрагменты от крынкообразных сосудов, сделанных без гончарного круга.

Найдено много фрагментов чаш с небольшим выступающим донцем (рис. 5, *1—18*), тулово чаши резко расширяется, затем закругляется от верхней части тулова к центру; высота 9 *см,* диаметр по венчику 20 *см.* Поддонце вогнуто. Сосуды этого вида сделаны на гончарном круге из хорошей глины без каких-либо существенных примесей. Только внутри, на дне чаши, имеются следы от прилипшего песка. После того как сосуд был сформован, внешняя сторона у ножки подрезалась острым инструментом. Поверхность чаш — гладкая, цвет черепка — светло-коричневый. Следов ангоба на сохранившихся фрагментах не обнаружено.

Из тонкостенных сосудов очень интересны плоские тарелочки. Они имеют слегка выступающее донце и ровное поддонце. Тулово резко расширяется и плавно загибается к венчику. Бортик тарелочки невысокий (1—1,5 *см*), диаметр 20—26 *см,* высота 5—7 *см.* Все сосуды сделаны на гончарном круге из хорошо промешанной глины, толщина черепка 0,3—

---

[5] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, стр. 160, рис. 22—35.

[6] Там же, стр. 149, рис. 32—33.

[7] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 93, рис. 68.

0,5 *см*. Как с внутренней, так и с внешней стороны они покрыты светло-коричневым ангобом, в некоторых случаях полосатым лощением. Когда ангоб очень плотный и более охристого цвета, лощения не наблюдается, он более рыхлый и оставляет следы на пальцах. Найдено много сосудов других форм, это хорошо видно на чертежах. Все они сделаны в той же технике, как и предыдущие, большая часть покрыта светло-серым или коричневым ангобом.

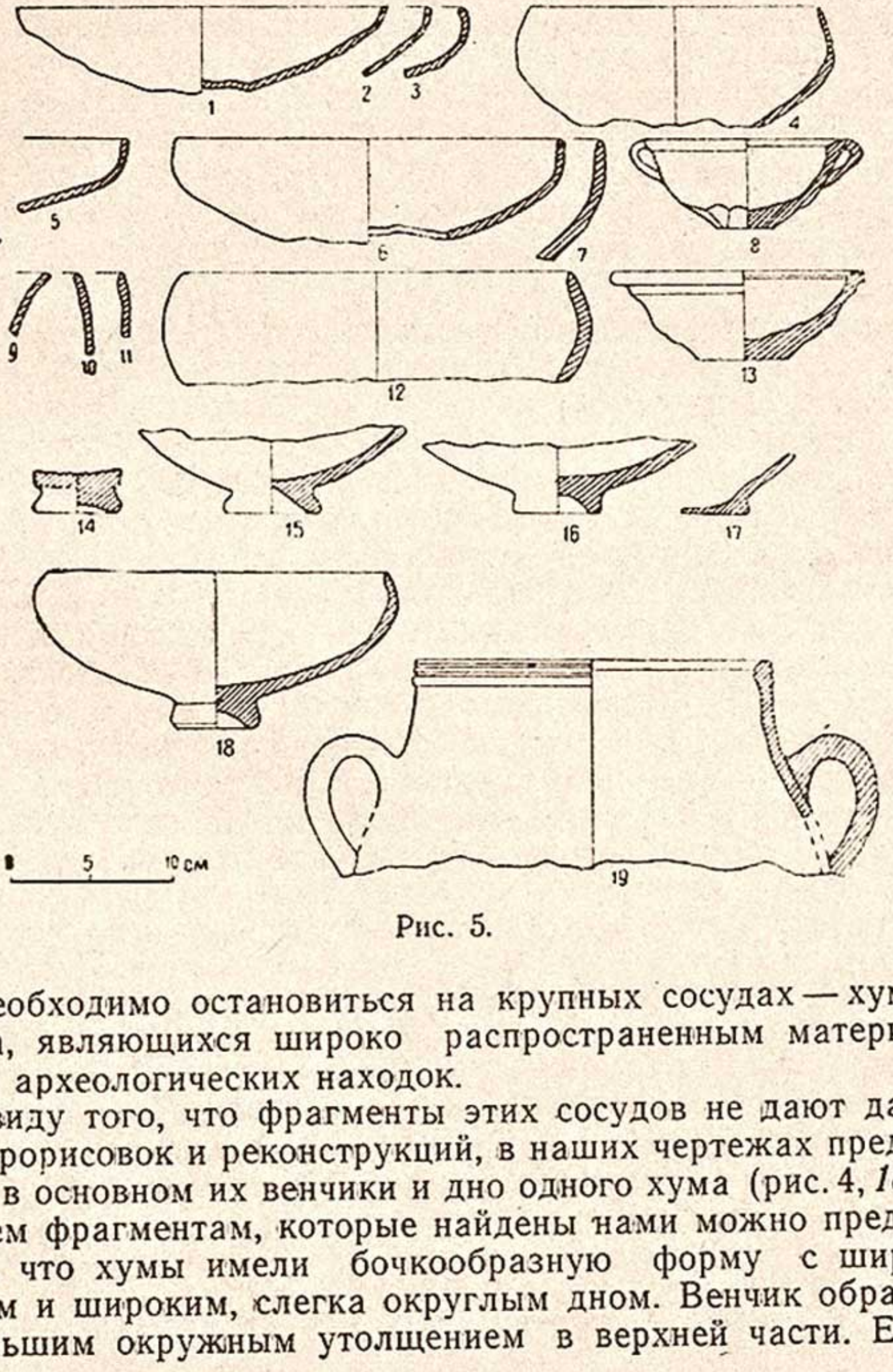


Рис. 5.

Необходимо остановиться на крупных сосудах — хумах и хумча, являющихся широко распространенным материалом среди археологических находок.

Ввиду того, что фрагменты этих сосудов не дают данных для прорисовок и реконструкций, в наших чертежах представлены в основном их венчики и дно одного хума (рис. 4, *18, 22*). По тем фрагментам, которые найдены нами можно предположить, что хумы имели бочкообразную форму с широким устьем и широким, слегка округлым дном. Венчик образован небольшим окружным утолщением в верхней части. Если в

хумах (1 в. до н. э. и в 1 в. н. э.) венчик был довольно прост и имел форму несколько сжатого овала без какой-либо сложной профилировки с наружной стороны, то во II—III вв. венчик делается меньше, с внешней стороны слегка профилирован. Плечики хумов не выделены, и от венчика сразу начинается тулово. Толщина стенок хумов колеблется от 1,5 до 3 *см*. О назначении их можно сказать, что это самые большие сосуды — тара для хранения жидких и сыпучих продуктов[8].

Такова общая характеристика керамического материала из раскопанных помещений Дальверзинтепа. Датировать их можно II—III в. н. э.

Для выяснения стратиграфии на раскапываемом участке был заложен шурф 2×2,5 *м*². Южной, западной и восточной границами шурфа являются стены здания, о котором мы говорили выше. Верхний уровень пола является полом внешнего дворика. Он соответствует второму полу внутри помещения.

Этот уровень находится несколько ниже яруса, т. е. на глубине 6,5 *м* от верхней отметки, взятой на внешней стороне городища. Под ним проходит (30 *см*) слой плотной забивки из слежавшейся земли, смешанной с кусками битого сырцового кирпича. Под этим слоем проходит первый пол. На уровне его начинаются стены первого строительного периода, сложенные из квадратного сырцового кирпича (23×35×10—12 *см*). Этот пол находится на границе XIV яруса, что соответствует 7 *м* от нулевой точки. Под полом слой земли и битого сырцового кирпича толщиной около 0,5 *м*. Мы ожидали, что глубже будут более древние наслоения, но оказалось, что ниже материк. На небольшой площади шурфа был найден керамический материал. Сколько-нибудь существенной разницы в технике изготовления, качестве глины, ангобировании и формах сосудов из шурфа и помещений не замечено.

* *
*

Для выяснения, насколько связаны между собой помещения и крепостные стены, мы сделали разрез крепостной стены в самой южной части западной. Этот участок выбран потому, что здесь была большая промоина, которая облегчила проведение намеченных работ. В результате мы получили некоторые интересные данные по устройству крепостных оборонительных сооружений.

---

[8] И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон. Документы древней Нисы, «Материалы ЮТАКЭ», вып. 2, М.—Л., 1951.

Четко выявились две стены (рис. 6).

Первая (внешняя) стена — сложена из квадратного сырцового кирпича — (43—44×43=44×12—13 *см*; 45×45×13 *см*; 48×48×13 *см*). В кладке стены применен и полутерок (45×22×13 *см*). Толщина швов 3—4 *см* по горизонтали, а по вертикали — от 1 до 8 *см*. Таким образом сложена нижняя часть стены. Над бойницей толщиной 25 *см* проходит глинобитная прослойка, выше которой продолжается кирпичная кладка из кирпичей тех же размеров и той же техники. При сооружении стены в целях экономии кирпича строители оставляли пазухи, заполнявшиеся плотной глинобитной массой. Одна из бойниц, которую нам удалось открыть со стороны городища имеет высоту 26 *см*. Верхняя часть бойницы — горизонтальная, а нижняя идет под небольшим уклоном вниз и к внешней стороне, где высота ее — 50 *см*. Бойница стреловидная и сложена из кирпича. Ширина стены в этом месте 2 *м* 80 *см*.

На одной из сторон кирпича имеется тамга в виде S-образного знака и вертикальной линии. Высота стены от бойницы до пола — 70 *см*, с этого уровня удобно стрелять с колена и во время подошвенного боя. Интересно, что примерно такого же устройства бойницы в крепостных стенах первого строительного периода Хазараспа, датируемого IV—III вв. до н. э.[9]

С наружной стороны высота стены от бойницы до материкового слоя — 1,1 *м*. От подошвы стен в сторону рва проходит площадка шириной около 4 *м*. Вдоль внешних стен Старой Нисы проходит также выступ на высоте 3—4,5 *м* в виде платформы[10]. Этот выступ находился под усиленным обстрелом со стороны крепости и затруднял действие стенобитных машин. По-видимому, платформа-выступ у стен Дальверзина имела то же назначение. С внешней стороны его гранью является край рва. Сразу за рвом подымалась внешняя стена.

Платформа имеет следующее устройство: в материковом слое около стены — небольшое углубление, засыпанное рыхлой землей. Это углубление шириной около 2 *м* проходит вдоль подножья стены. Дальше от стены, примерно на 1,5 *м* в сторону рва, платформа выстлана галечником. Галечник и

---

[9] М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Нерезик. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг., Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг., М., Изд-во АН СССР, стр. 182, 184, рис. 17.

[10] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., Изд-во АН СССР, I, 1958, стр. 36.

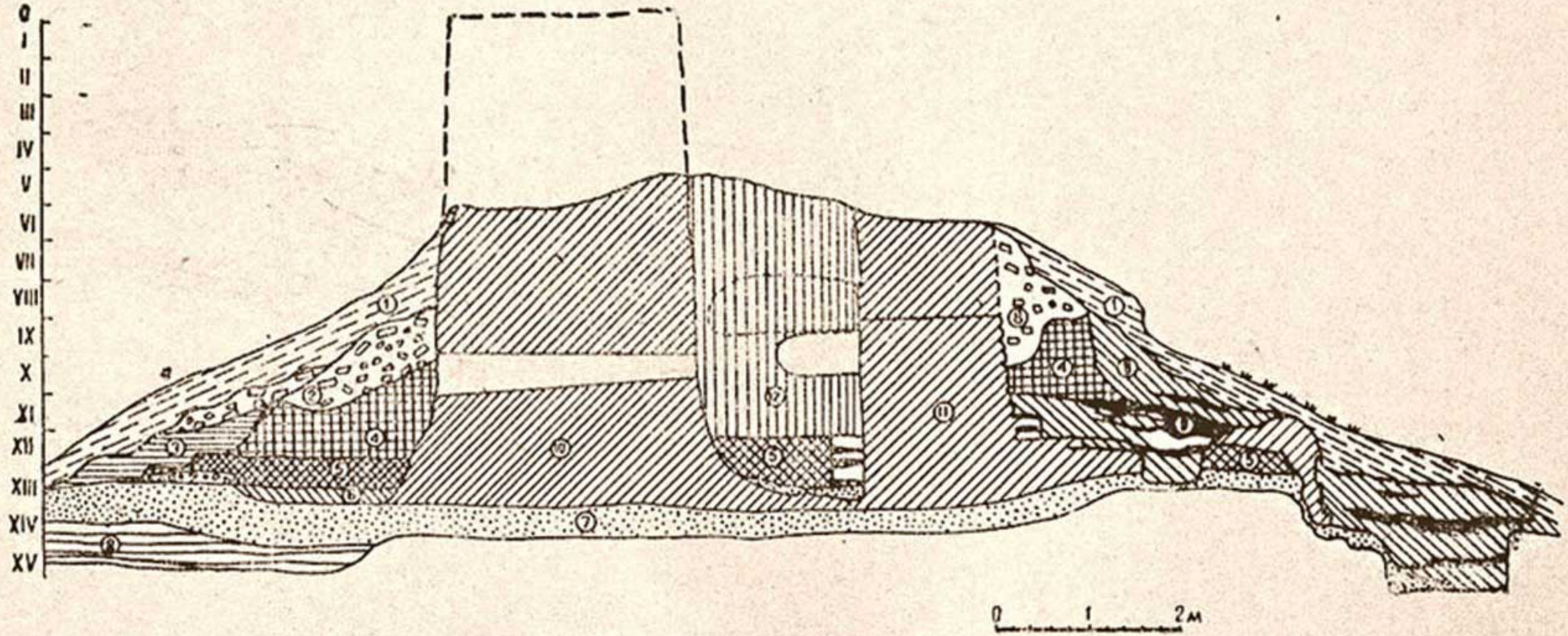


Рис. 6.

рыхлая земля перекрыты (30 *см*) слоем пахсовой массы, сделанной во время сооружения стены. От ее поверхности до бойниц — 65 *см*; выше идут слои, связанные с разрушением крепостной стены: плотные и рыхлые оплывы, завалы битого сырцового кирпича, натечные слои.

Прежде чем говорить об устройстве второй стены, необходимо сказать о материковом слое, подстилающем обе стены.

Под стеной проходит полуметровый слой из плотного красного песка, на 25 *см* глубже красноватый песок чередуется с глинистыми прослойками. Под ним проходит светлый лесс и глинистая прослойка с песком. Все эти грунтовые прослойки начинаются в XIII ярусе.

Необходимо отметить, что в шурфе, заложенном на территории городища, грунт начинается в конце XV яруса, т. е. на 1 *м* ниже. Грунтовый слой, проходящий под стенами, понижается до 20 *см*, но сразу же за второй стеной уровень материка повышается и идет горизонтально еще около 2 *м*, затем делает резкий спуск на 60 *см*, переходит в горизонтальную площадку и вновь опускается до уровня XVI яруса. На этом материковом слое внутри городища, как хорошо видно на чертеже, имеются различные наслоения, характерные для разрушения стен. Примерно на расстоянии 4 *м* от второй стены встретились остатки кладки какого-то сооружения из сырцового кирпича (34×34×12 *см*), характерного для позднекушанского периода.

Вторая стена расположена на расстоянии 1,7 *м* от первой. Нужно отметить, что первая и вторая стены — части одного и того же сооружения. Пространство между ними является коридором, который во время строительства был перекрыт сводом. Остатки свода намечаются в верхней части второй стены. Стена сложена из квадратного сырцового кирпича разных размеров (в верхней части — 42×42×11—12 *см*) с различными тамгами: полоса по середине кирпича, или три вдавленные линии («С»-образный знак и в виде цифры 13). В нижней части кирпич — 43×43×12; 44×44×12 *см*, на этих кирпичах тамги в виде буквы «р».

Тамги на кирпичах известны на всех памятниках рабовладельческого общества, открытых как в Сурхандарьинской области, так и в других районах Средней Азии. Различные исследователи их объясняют по-разному. Анализируя кирпичи жилых комплексов Джанбаекалы, С. П. Толстов обратил внимание, что тамги разнообразны по виду. Он предполагает, что здесь можно видеть родовые тамги строителей крепости[11].

[11] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 94.

Некоторые ученые считают, что это знак мастера, изготовлявшего кирпичи[12], другие предполагают, что тамги принадлежат рабам, ставившим свой знак для подсчета проделанной работы.

В один из последующих периодов коридор был заложен. Закладку делали из кирпича размером 42×42×11—12 *см* и 40×40×11—12 *см*. Закладка не сплошная, в некоторых местах оставались свободные пространства, заполненные рыхлой землей. В кладке встречаются и крупные кирпичи от первой стены, но это уже вторичное их использование. Судя по остаткам стен, сохранившаяся высота которых на изучаемом участке равна 5 *м* 20 *см*, первоначальная высота их от грунта была более 6 *см*. Такова краткая характеристика вскрытых стен.

На основе изученного материала можно выделить три периода в строительстве города.

Первый период — двойная стена сложена из крупного квадратного кирпича (43—45×43—45×12—13 *см*).

Второй период — закладка коридора, кирпич 40—41×40—42×11—12 *см*.

В результате проведенных разведывательных раскопок и других археологических наблюдений на городище Дальверзин получены некоторые общие данные о периодизации этого очень интересного памятника, а также некоторое понятие об элементах градостроительного искусства.

Двойные стены, как и на городище Дальверзинтепа, известны в Хорезмской крепости Джанбаскала. Ее высота — 9,5—10 *м*, общая толщина 5 *м*. Внешняя стена на уровне верхнего края бойниц — толщиной 1,3 *м*, а внутренняя на этом же уровне — около 1 *м*. Проход между ними — 2 *м*. Нижняя часть стены глинобитная, а от уровня бойниц она сложена из квадратного кирпича. На внешней стене большое количество стрелковых бойниц[13].

Можно было бы привести еще целый ряд примеров двойных крепостных стен, относящихся к фортификационному искусству первых веков до н. э.[14] К этому времени (III—II в. до н. э.) относится сооружение города Дальверзин.

---

[12] В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма, Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг., М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 90—91.

[13] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 88—91.

[14] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кабадиан) (1950—1951 гг.), МИА СССР, № 37, 1953, стр. 160, 161; Е. Е. Кузьмина и С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-кобад-шах, КСИИМК, 64, 1956, стр. 75.

Борьба местного населения с греками завершилась падением Греко-Бактрийского царства. В Бактрию двинулись кочевые племена юэджей. Это был период раздробленности и политического разобщения, которые не могли не отразиться на жизни крупных городов, в частности Дальверзинтепа. Он приходит в упадок. Закладка корридора между стенами сырцовым кирпичом (40×40б×11; 42×42×12 *см*), характерным для кушанского времени — результат нового подъема городской жизни и укрепления городских стен.

При раскопках Хайрабадтепа в Ангренском районе мы установили, что стены кушанского периода сложены из квадратного кирпича (40×40×10—12 *см*). В одном из таких кирпичей была найдена монета Кадфиза I[15]. Следовательно, кирпич, применявшийся для ремонта стен на городище Дальверзин, мог быть изготовлен не раньше первого века н.э.

При раскопках помещения на территории городища Дальверзинтепа обнаружена монета. Она не читается, сохранность плохая, но по общему виду ее можно отнести к чекану Канишки или Васудевы. Основным строительным материалом был кирпич, но меньших размеров (34×34×12 *см*). Интересно, что позднекушанская стена цитадели Хайрабадтепа сложена из кирпича почти этих же размеров (32×32×10 *см*). В VII—VIII вв. стены города были использованы как кладбище. Захоронения были как в хумах на южной стороне, так и в подбойных могилах. В одном из черепов была найдена медная монета. На ее аверсе изображена голова. Подобного вида согдийские монеты были найдены в Пенджикенте в слоях VII—VIII вв. Изображенные на них лица являются портретами царей с ярко выраженными монголоидными чертами[16]. Голова с правильным овалом лица, изображенная на монете из Дальверзинтепа, не монголоидного, а европеоидного типа. Лицо изображено в фас. Зрачки глаз повернуты вправо, небольшие слегка закрученные кверху усики. На голове зубчатая корона. Под изображением головы следы надписи. С левой стороны от головы — тамга. Подобные тамги известны по монетам ихшидов Согда. Например, монеты ихшида Шашпира (вторая четверть VII в.)[17], Гурека (710—733 гг.)[18] и др. чека-

---

[15] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 52.

[16] О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 135, рис. 48, табл. XIV, № 787.

[17] О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента, МИА СССР, № 60, стр. 219.

[18] Там же, стр. 220, 221. № 95—97.

нились в подражание китайским монетам с квадратным отверстием по середине.

Обнаруженные захоронения, монеты указывают на то, что в конце VII или начале VIII вв. стены городища перестали выполнять оборонительные функции и превратились в своеобразные склепы.

Примерно в 500 *м* к юго-западу от городища Дальверзинтепа около железнодорожного полотна находится небольшая возвышенность. Поверхность ее неровная, имеются промоины. Подъемный материал с нее дал большое количество мелких фрагментов оссуариев.

Просматривая обрезы промоин и провалы могил, нам удалось обнаружить половину оссуария и в нем три целых кубка. Оссуарий овальной формы, стенки прямые, гладкие, не орнаментированы. Кубки двух видов: первый рюмкообразной формы, высокая ножка плавно переходит в тулово, постепенно расширяющееся к венчику. Кубок покрыт красным ангобом. Кубки второго вида имеют маленькую устойчивую ножку в виде усеченного конуса. Тулово от ножки резко конусообразно расширяется, а затем плавно переходит в цилиндрическую форму. Эти кубки известны по многим раскопкам на территории Бактрии и Согда как коническо-цилиндрические.

В. Д. Жуков, работавший в 18 *км* к западу от Варахши на поселении Аяктепа № 2 близ Варахши, обнаружил большое количество фрагментов ножек кубков. Некоторые кубки удалось склеить. Например, в пятом нижнем слое был найден кубок на небольшой ножке, его тулово плавно расширяется к венчику. Высота — 22,5 *см*. Второй кубок был найден во втором слое, имеет коническо-цилиндрическую форму. Анализируя эти две формы, В. Д. Жуков датировал их первыми веками до и после нашей эры[19].

О. В. Обельченко в одном из курганов Ляваидакского могильника обнаружил кубок коническо-цилиндрической формы, очень похожий на кубки из Дальверзинтепа и Аяктепа. Он считает, что кубки этого вида с изломанным профилем стенок — более поздняя форма, чем кубки с плавным переходом стенок от тулова к донцу[20]. И если последние датируются II—I вв. до н. э., то коническо-цилиндрические можно датировать I—III вв. н. э.

---

[19] В. Д. Жуков. Материалы к изучению Баштепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса, «Труды ИИАЭ АН УзССР», вып. VIII, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 198—199, рис. 20, 21.

[20] О. В. Обельченко. Ляваидакский могильник, «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 99, рис. 13, I.

Описанные нами два вида кубков находились в одном месте, поэтому, нам кажется, прав В. Д. Жуков, утверждающий, что эти два вида кубков могут существовать.

Находка кубков с оссуарием, по-видимому, случайна, так как неизвестны памятники V—VII в. н. э., где были бы кубки такой формы. Попасть в оссуарий они могли при рытье могил.

Можно предположить, что постройки на цитадели из продолговатого кирпича относятся ко времени V—VI вв., когда захоронений на территории городища еще не было. Такова краткая история города, вырисовывающаяся в результате небольших археологических исследований городища Дальверзинтепа.

Если раньше мы считали, что это городище могло быть древним Чаганианом[21], то теперь, нам кажется, что положение требует пересмотра. Чаганиан в средние века являлся центром одноименной области долины Сурхана. Его владетель носил титул чаган-худат. Описание средневекового Чаганиана имеется в трудах Истахри (около 976 г.), Максиди (985 г.) и других средневековых ученых. Все они указывают на место нахождения Чаганиана. Истахри пишет, что город имел базары, мечеть с колоннами из жженого кирпича, в каждом доме была вода[22]. Достаточно уже одного этого, чтобы сказать, что на месте Дальверзина таких построек не было. На самом городище нет никаких материалов, относящихся к средневековью.

В. В. Бартольд на основании письменных источников пришел к выводу, что Чаганиан, вероятно, находился «на месте нынешнего города Денау». Действительно, как показали рекогносцировочные работы в Денауском районе, если ехать из Термеза в Денау, не доезжая 5 *км* до последнего, с левой стороны от дороги, находится громадное средневековое городище. Подъемный керамический материал показывает, что этот город жил на протяжении нескольких столетий, начиная с раннего средневековья (возможно и раньше) до XV—XVI вв. На этом пункте мы останавливаться не будем, так как он требует специального изучения.

Городище Дальверзинтепа требует дальнейшего всестороннего изучения.

---

[21] О том что этот пункт является столицей Саганиана — Чаганиан, было доложено в 1962 г. на сессии ИИМК в г. Москве.

[22] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Соч., т. I, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 122.

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

САЗАГАНСКИЕ КУРГАНЫ

Археологические работы в Самаркандской области, проводимые Институтом истории и археологии с 1956 г., охватывают не только раскопки городища Афрасиаб и тепа по арыку Даргом, но и исследование курганных могильников[1]. Территория к югу от Самарканда, именуемая Придаргомской степью, давно привлекала внимание археологов, но основательные раскопочные работы не производились до 1956 г.

Осенью 1963 г. была обследована степная полоса вдоль подошвы Агалыкского хребта, между селениями Агалык и Сазаган. На участке степи, перерезанном руслами саев, стекающих с гор в северном направлении к арыку Даргом, обнаружено около полусотни курганов[2].

Курганы, в основном, группируются по берегам саев, около сел. Миранкуль и Тепакуль. Основная группа курганов (около 20 насыпей) находится восточнее сел. Сазаган, в 27 *км* к юго-западу от Самарканда. Курганы расположены у основания горной гряды, за восточной окраиной сел. Сазаган. Они представляют собой сильно задернованные насыпи из камня или камня с землей (крупных мраморных или гранитных глыб). Расположены курганы без всякой системы — то одиноко, то группами в несколько насыпей, то на расстоянии 2—3 *км* друг от друга, а иногда и 30—35 *м*. Высота и диаметр курганов различны, в основном, высота — около 1 *м*, диаметр — 12—14 *м*. Вследствие недавней распашки земель

---

[1] О. В. Обельченко. Могильник Акджартепа, История материальной культуры Узбекистана, вып. 3, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 57—70.

[2] Курганы в подгорной полосе Придаргомской степи были отмечены И. А. Сухаревым в 1935—1936 гг., см. И. А. Сухарев. Отчет об археологической разведке в Самаркандской группе районов (1935—1936 гг.), Рукопись Музея истории культуры в Самарканде, инв. № 252, стр. 71—73.

под посевы богарной пшеницы почти все насыпи повреждены. Форма насыпей полусферическая. Вершину в большинстве случаев венчает кучка камней. Могильник вытянут с запада на восток и занимает узкую полоску между подошвой горного хребта и грунтовой дорогой Сазаган — Самарканд. Севернее дороги курганных насыпей нет потому, что вся территория до арыка Даргом распахана. Здесь сохранилось лишь несколько тепа. Некоторые из них довольно больших размеров.

Нумеруются курганы в порядке раскопок. У исследованных курганов насыпь снималась полностью, при этом никаких следов рва или выкладок на былой дневной поверхности не обнаружено.

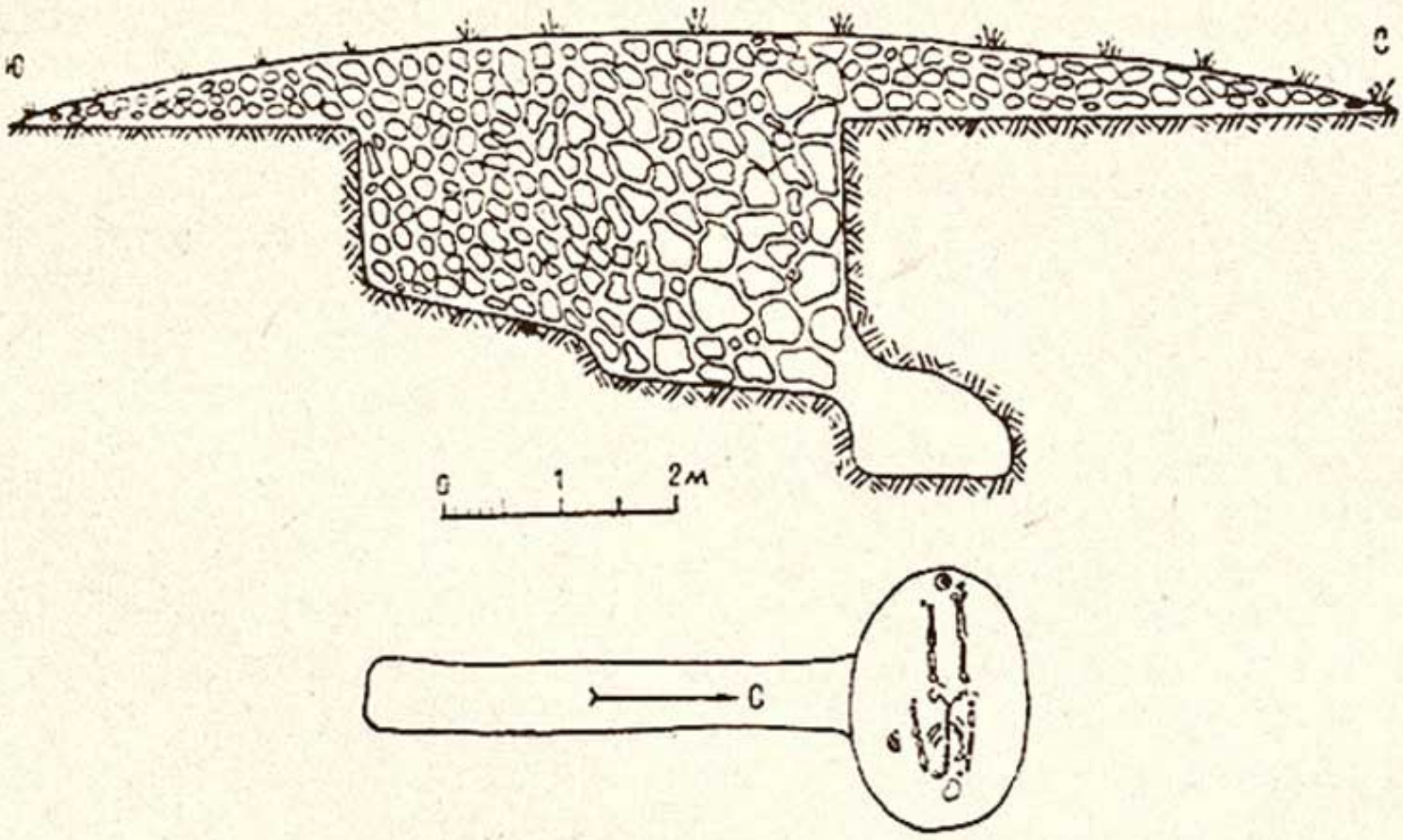


Рис. 1. Разрез и план кургана 1.

Курган-1 (рис. 1). Диаметр — 12, высота — 1 *м*. После снятия насыпи из камней в южной половине кургана был обнаружен дромос, ориентированный длинной осью с юга на север. Дромос был засыпан землей с камнями. Пол его покатый с юга на север, длина — 4,5 *м*, ширина в южной части — 0,7, в северной 0,9 *м*. Глубина в южном конце — 1,4 в северном — 3 *м*. В северной, лобовой, стенке дромоса находился вход в катакомбу, потолок которой осел и полностью засыпал всю погребальную камеру. Причиной оседания явилось наличие песчаных отложений в лессовидном грунте, что обусловило непрочность земляного свода погребальной камеры.

Катакомба в плане овальная, её длинная ось ориентиро-

вана с запада на восток, пол на 0,6 *м* ниже пола дромоса у входа в нее. Длина катакомбы — 2,1, ширина — 1,4 *м*. Потолок был сводчатый и, судя по сохранившимся остаткам свода у боковых стенок, высота не превышала 0,7 *м*. На полу на древесной подстилке лежал скелет в вытянутом положении, на спине, головой на восток. Кости сильно истлели и раздавлены обвалившейся с потолка глыбой земли. Пол — покатый с востока на запад, и поэтому раздавленный череп скелета лежал выше ног.

Слева от скелета, около локтя левой руки, стояла фляга с уплощенным боком, сделанная на гончарном круге из глины розоватого обжига. Высота фляги от округлого донца до венчика — 22 *см*, ширина от уплощенной до выпуклой части — 17,5 *см*, диаметр уплощенного бока — 16, диаметр венчика — 8,5 *см*. Сильно выпуклое, почти шаровидное тулово фляги переходит в короткую горловину с отогнутым наружу заостренным венчиком. По обе стороны фляги, ниже горловины, на покатых плечиках имеются петли для подвешивания фляги, расположенные асимметрично. Снаружи фляга покрыта светло-серым ангобом, по которому от горловины к низу фляги нанесены натеки марганцево-черной краски. В глиняном тесте фляги местами имелись изъяны вследствие выпадения твердых частиц при формовке на круге.

Около фляги, ближе к южной стене катакомбы, лежал фрагмент боковой стенки кухонного котла из грубого глиняного теста. Снаружи фрагмент котла закопчен, внутренняя поверхность темно-серого цвета. Фрагмент котла служил курильницей: в нем сохранился пепел сожженных растений.

В ногах скелета, у западной стенки катакомбы, стоял кувшин с ручкой. Кувшин сделан на гончарном круге. Высота кувшина — 22 *см*, диаметр донца — 14, диаметр венчика — 8 *см*. Плоское донце кувшина переходит в округлое, почти шаровидное тулово с короткой цилиндрической горловиной. Венчик округлый, слегка отогнутый наружу. От венчика на плечико опущена широкая плоская ручка с утолщенным корнем и слегка загнутыми наружу закраинами. Ниже корня ручки, по сильно покатым плечикам, прочерчена окружность, под которой нанесена орнаментальная волнистая линия. Снаружи кувшин покрыт светло-желтым ангобом, по которому на горловине и местами на плечиках нанесена краска бурого цвета в виде пятен и натеков. В глиняном тесте кувшина имеются изъяны, появившиеся из-за выпадения твердых частиц при его формовке на круге.

При расчистке скелета на грудной клетке найдена монета из серебра. Монета скифатная, на выпуклом аверсе изобра-

жена голова государя влево, на вогнутом реверсе — стреляющий лучник.

Курган-2. Диаметр насыпи — 8, высота — 0,7 *м*. Дромос находился в южной части кургана, ориентирован длинной осью с юга на север. Длина его — 3,3 *м*, глубина у входа в катакомбу 2,1, ширина 0,7 *м*. Пол дромоса покатый с юга на север, в лобовой стенке был устроен вход в катакомбу, заложенный пятью рядами сырцового кирпича (в основном фрагментами), лежащего плашмя. Высота кладки 0,6, ширина 0,6 *м*, размер кирпича 38×38×12 *см*. Катакомба — в плане овальная, её длинная ось перпендикулярна длинной оси дромоса и ориентирована с запада на восток. Пол катакомбы на 0,9 *м* ниже пола дромоса у входа в нее. Длина катакомбы 2,4, ширина — 1,8 *м*, свод обрушен, но, судя по сохранившимся у пола остаткам, высота была не более 0,6 *м*.

На полу катакомбы, на древесной подстилке, в вытянутом на спине положении лежал скелет, головой на восток. Правая рука скелета согнута в локте и кисть ее покоится на тазовой кости. Кости сильно истлели и раздавлены обвалившимся сводом. Около левого бедра скелета стоял кувшин без ручки, изготовленный на гончарном круге. Высота его — 22 *см*, диаметр донца,— 13, диаметр венчика — 9 *см*. От плоского донца округлое тулово кувшина вытянуто вверх и переходит в короткую горловину с выступающим наружу, слегка заостренным венчиком. Снаружи кувшин покрыт светло-желтым ангобом с раскраской бурого цвета, от горловины по покатым плечикам — в виде натеков. В нижней части кувшина и на донце видны изъяны, появившиеся из-за выпадения твердых частиц при формовке на круге. Левее кувшина, ближе к входу в катакомбу, стояла вазообразная курильница из грубого глиняного теста, вылепленная вручную. Высота курильницы — 13 *см*, диаметр поддона — 10, диаметр венчика — 19 *см*. Круглый поддон переходит в короткую толстую ножку, от которой отходит округлое тулово курильницы. Венчик курильницы — округлой формы, глина снаружи и в изломе — черного цвета. Курильница до краев была заполнена пеплом от сгоревших в ней растений.

Курган-3. Диаметр насыпи — 12, высота — 1,15 *м*. Дромос, заваленный камнями, находился в южной половине кургана под насыпью. Ориентирован дромос длинной осью с юга на север. Длина его — 5,3 *м*, ширина в южном конце — 0,7, глубина — 1,25 *м*. В северном конце, около входа в катакомбу, глубина дромоса — 2, 1, ширина — 0,7 *м*. При расчистке дромоса у входа в катакомбу была найдена железная скоба небольших размеров. Вход в катакомбу был завален камня-

ми, пол ее на 1 *м* ниже пола дромоса. Катакомба — овальная в плане, длинная ось ее ориентирована с востока на запад. Свод катакомбы осел, и вся погребальная камера засыпана песком и землей. На полу, на подстилке из дерева, лежал скелет, на спине, засыпанный песком, обвалившимся с потолка, головой на восток, т. е. по длинной оси катакомбы.

Слева от головы стоял кувшин без ручки, изготовленный на гончарном круге. Высота кувшина — 19, диаметр донца — 11, диаметр венчика — 6 см. От плоского донца тулово вытянуто вверх, покатые плечики переходят в короткую горловину с прямым, слегка выступающим наружу, венчиком. Глина желтовато-красного обжига. Снаружи кувшин покрыт черновато-грязным ангобом, который облез и лучше сохранился на короткой горловине и ниже ее. Снаружи на плечиках, в средней части тулова и ближе к донцу, имеются две-три неровных полоски, прочерченных до обжига. В нижней части тулова, примыкающей к донцу, видны изъяны, образовавшиеся при формовке сосуда.

Около левой ноги, у западной стены катакомбы стоял второй кувшин без ручки, изготовленный на гончарном круге, глиняное тесто — красного обжига. Высота кувшина — 18,5 *см*, диаметр донца — 13, диаметр венчика — 8,5 *см*. Плоское донце переходит в сильно расширяющееся тулово, которое заканчивается круто покатыми плечиками. Короткая горловина переходит в отогнутый наружу, слегка заостренный венчик. Кувшин покрыт светло-серым ангобом, верхняя часть от венчика и покатые плечики покрыты с одной стороны черноватой, с другой — красноватой красками. Местами краска струйками стекала до самой широкой части тулова. Двуцветная раскраска имеется и с внутренней стороны венчика. Местами на тулове кувшина видны изъяны от выпавших из глиняного теста твердых частиц.

На шее скелета обнаружено около десятка мелких бус из зеленоватого стекла, большинство которых покрылось солевыми отложениями.

Курган-4. Диаметр кургана 8, высота — 0,7 *м* Под каменной насыпью кургана найдена грунтовая могила, ориентированная длинной осью с востока на запад с незначительным отклонением к северу. Большая часть грунтовой могилы находилась в восточной части кургана. Длина ее — 2 *м*, глубина — 2, ширина наверху — 1, внизу, у пола — 0,5 *м*. Вся могильная яма была заполнена землей с камнем. Костей человека и инвентаря в могиле не оказалось.

Курган-5. Диаметр кургана — 5, высота — 0,5 *м*. Под насыпью кургана обнаружена грунтовая могила, ориентирован-

ная длинной осью с северо-востока на юго-запад. Длина могилы — 2,5, глубина — 1,1, ширина — 1 *м*. При расчистке могилы на глубине 0,5 *м* от дневной поверхности найдено пряслице (или пуговица), сделанное из боковой стенки сосуда. Могила была засыпана землей и камнем.

На полу могилы в слое земли и камней лежали разрозненные кости скелета. Судя по положению костей в могиле, скелет был ориентирован головой на северо-восток. Слева от разбитого черепа, около боковой стенки могилы, стоял придавленный большим камнем глиняный кувшин, изготовленный из глины черного обжига. Кувшин ручной лепки, нижняя часть потрескалась, а по обеим сторонам горизонтальной трещины сделаны отверстия для скрепления стенок. Высота кувшина — 17,5 *см,* диаметр донца — 11, диаметр венчика — 11 *см*. Плоское донце переходит в округлое, вытянутое вверх тулово, покатые плечики — в широкую горловину со срезанным наружу венчиком. Кувшин снаружи местами покрыт черноватой краской. В глиняном тесте в нижней части имеются изъяны.

Курган-6. Диаметр — 8, высота — 0,8 *м*. После снятия насыпи в углублении не оказалось ни могильного сооружения, ни погребения.

Курган-7. Диаметр — 10, высота — 1 *м*. Здесь так же, как и в кургане № 6, несмотря на углубление до 3 *м* ниже дневной поверхности, погребения не обнаружено. Внизу — слои суглинка, перемежающиеся песчаными отложениями.

Курган-8. Диаметр — 5, высота — 0,65 *м*. Под насыпью кургана в южной половине находился дромос, ориентированный длинной осью с юго-востока на северо-запад. Длина дромоса — 2,3 *м,* ширина — 0,9, глубина — 2,1 *м*. В северной лобовой стенке устроен вход в катакомбу, пол которой на 0,6 *м* ниже пола дромоса. Погребение ограблено, катакомба завалена камнями и землей. Катакомба в плане — овальная, длинной осью ориентирована на северо-восток. При ее расчистке найден фрагмент боковой стенки сосуда с круглым сквозным отверстием и черноватым ангобом на внешней поверхности.

Длина катакомбы — 2,1 *м,* ширина — 1, высота — 0,6 *м*. На полу, в вытянутом на спине положении, лежал разбитый скелет, головой на северо-восток. Слева от разбитого черепа стоял полнотелый кувшин без ручки. Кувшин и череп были придавлены большим камнем.

Кувшин изготовлен на гончарном круге, глина розоватого обжига. Высота кувшина — 22,5 *см,* диаметр донца — 12,5, диаметр венчика — 9 *см*. От плоского донца кверху

тулово расширяется, и кувшин имеет шаровидную форму с цилиндрической горловиной. Венчик слегка выступает наружу и кверху заострен. Снаружи кувшин был покрыт серовато-грязным ангобом, который почти по всей поверхности облез в результате долгого употребления в быту. От длительного пребывания в сыром грунте глиняное тесто кувшина, несмотря на обжиг, было очень рыхлым.

Курган-9. Диаметр кургана — 5, высота 0,5 *м*. Насыпь его, как и предыдущего, повреждена, и поэтому имеет малые размеры. После снятия остатков каменной насыпи мы опустились на всей площади кургана на глубину более 2 *м*, но никаких следов погребения и подкурганного сооружения обнаружено не было.

Раскопки девяти Сазаганских курганов выявили под четырьмя насыпями катакомбы с дромосом (курганы 1, 2, 3, 8). Под одной насыпью оказалась грунтовая могила (курган 5) и четыре кургана были кенотафами (курганы 4, 6, 7, 9). Под тремя насыпями курганов-кенотафов не было обнаружено могил, а под насыпью кургана 4 обнаружена грунтовая могила без скелета и инвентаря.

Все курганы имели насыпь из камня и земли, причем у некоторых в насыпи преобладал камень и небольшое количество земли, например, в насыпи кургана 1. В других же насыпях преобладала земля и было мало камней (курган 8). Такое различие в устройстве насыпей — явление не случайное. При раскопках курганов в местности Кургак на Памире было обнаружено два типа курганов — с земляной насыпью и из камня, но датировались они одним временем — «скифо-сарматским»[3].

Различного рода насыпи — из земли с мелким камнем, из щебенки и земли и просто из земли, но увенчанные лежащими в беспорядке крупными камнями, отмечены в Кара-Булакском могильнике Ошской области КиргССР. Инвентарь же в погребениях, находящихся под этими насыпями, совершенно одинаков[4].

Если указанные различия в устройстве насыпей резко не

---

[3] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА СССР, 1952, № 26, стр. 190; Он же. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае, КСИИМК, 1949, XXVIII, стр. 56; Он же. Археологическая экспедиция на Памир, «Вестник Ленинградского Университета», 1947, № 12, стр. 135.

[4] Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник (раскопки 1955 г.), Труды Ин-та истории АН КиргССР, вып. 3, Фрунзе, 1957, стр. 17—20.

отличаются друг от друга, то в Кара-Булакском могильнике, расположенном на незначительной площади и насчитывающем около пятисот курганных насыпей, имеется три типа надмогильных сооружений с различными могилами, но с инвентарем, относящимся к одному времени[5].

Раскопанные в районе городища Бабаата, на северном склоне хр. Каратау в Южном Казахстане, курганы относились к одному времени, но различались по устройству насыпей. Насыпь одного из курганов была из земли и мелкой гальки, с каменной выкладкой, насыпь другого возведена из крупных валунов. В той же группе курганов была вскрыта прямоугольная каменная оградка[6].

Курганы с каменными и земляными насыпями, различные по времени, раскапывались в Актамском могильнике к югу от г. Фергана[7]. Различны по своему устройству и насыпи Боркорбазского могильника в бассейне р. Сох[8]. Курганные насыпи из лесса и лесса с камнями встречаются в курганном могильнике на правом берегу р. Или в зоне строительства Капчагайской ГЭС[9]. Подобные насыпи часты в курганных могильниках Средней Азии. Количество подобных примеров можно увеличить[10].

Гораздо сложнее вопрос о причинах разнообразия устройств насыпей в курганах одного времени. К сожалению, небольшие масштабы раскопок курганов в Придаргомской степи не объясняют причин этого разнообразия. Несомненно, что устройство насыпи из определенного вида материала является одним из элементов погребального обряда, а не носит случайный характер.

---

[5] Ю. Д. Баруздин. Кара-Булакский могильник (раскопки 1954 г.)..., Труды Ин-та истории, вып. 2, стр. 57—58; Он же. Кара-Булакский могильник, «Изв. АН КиргССР», серия общественных наук, т. III, вып. 3, Фрунзе, Изд-во АН КиргССР, 1961, стр. 65.

[6] Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г., «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. I, Археология, Алма-Ата, 1956, стр. 47—49.

[7] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник, КСИИМК, 1957, 69, стр. 78—79.

[8] С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник, Труды Госэрмитажа, т. V, Культура и искусство народов Востока, вып. 6, 1961, стр. 117.

[9] Г. А. Кушаев. Два типа курганных погребений правобережья р. Или, Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. I, Археология, Алма-Ата, 1956, стр. 208—215.

[10] Г. Г. Бабанская. Берккаринский могильник, Труды ИИАЭ, т. I, Археология, Алма-Ата, 1956, стр. 189—197.

Курганы с каменными насыпями известны в Вуадильском[11], Кунгайском[12] и Суфанском[13] могильниках Ферганской долины и в бассейне Магиандарьи[14], на Памире у слияния р. Харгуш с р. Памир[15], в Тулхарском могильнике в Таджикистане[16] и других местах[17].

Почти во всех вышеперечисленных могильниках имеются смешанные насыпи из земли с камнем, т. е. того же типа, что и у курганов около сел. Сазаган.

Курганы с каменными насыпями известны в могильниках VIII—VII вв. до н. э.[18], V—III вв. до н. э.[19], начала нашей эры[20] и даже эпохи развитого феодализма XIII в.[21] Приведенные аналогии свидетельствуют о том, что курганы с каменными насыпями имеют широкое распространение в курганных могильниках и хронологически охватывают почти два тысячелетия.

Встречаются курганы-кенотафы с различными типами могил[22], инвентарем, но отсутствием костяков. Такие кенотафы

---

[11] Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953—1954 гг., История материальной культуры Узбекистана, вып. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, стр. 9.

[12] Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник, Госэрмитаж, Археологический сборник, вып. 3, л., 1963, стр. 171.

[13] Она же. Культура Ферганы в эпоху раннего железа, Госэрмитаж, Археологический сборник, вып. 5, Л., 1962, стр. 95.

[14] Б. Я. Ставиский. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г., «Труды АН ТаджССР», т. CIII, Археологические работы в Таджикистане в 1957 г., вып. V, Душанбе, Изд-во АН ТаджССР, 1959, стр. 66.

[15] А. Н. Бернштам. Саки Памира, ВДИ, 1956, № 1, стр. 133.

[16] А. М. Мандельштам. Новые данные о Тулхарском могильнике по работам 1958 г., «Труды Института истории АН ТаджССР», т. XXVII, Археологические работы в Таджикистане, вып. 6, Душанбе, 1961, стр. 49.

[17] М. К. Кадырбаев. Могильник Сангуыр II, «Труды ИИАЭ», т. XII, Алма-Ата, 1961, стр. 55 и сл.

[18] А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, СА, т. XI, 1949, стр. 343.

[19] Он же. Древний Тянь-Шань, КСИИМК, 1951, XXXVIII, стр. 141.

[20] Ю. А. Заднепровский. Археологические памятники южных районов Ошской области, Фрунзе, Изд-во АН КиргССР, 1960, стр. 87—88.

[21] Л. П. Зяблин. Средневековые курганы на Иссык-Куле, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, вып. 2, М., 1959, стр. 139—152.

[22] О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Куюмазарского могильника, «Труды САГУ», Новая серия, вып. CXI, Исторические науки, кн. 25, Археология Средней Азии, вып. 4, Ташкент, 1957, стр. 117, 127—128.

известны в Ниязбатырском могильнике Андижанской области[23], в могильнике Тура-Таш Ошской области[24].

Кенотафы другого типа — курганы с катакомбами без костяков и инвентаря — известны по могильнику Анджартепа Самаркандской области[25] и могильнику Карабаг в Исфаринском районе ТаджССР[26].

В могильнике Аруктау, на юге ТаджССР, был раскопан курган, под насыпью которого находилась грунтовая могила без костяка, а инвентарь состоял из одной миски[27]. Такой тип кенотафа наиболее близок Сазаганскому кургану 4. Вторая грунтовая могила, но с костяком, была в кургане 5.

Грунтовые могилы — один из самых распространенных типов в курганных могильниках Средней Азии. Их существование охватывает большой отрезок времени — с XIV в. до н. э.[28] по XIV в.[29]

Под насыпями курганов (1, 2, 3, 8) находились длинные узкие дромосы и катакомбы, входы в которые в первых трех были заложены крупными камнями, а в одном (курган-2) — сырцовым кирпичом. Катакомбы с длинными узкими дромосами характерны для курганов (VI—VIII вв.)[30] некрополя около городища Бабаата, а также для курганов VI—VII вв. около ст. Вревская, где дромосы выходили за пределы площади, перекрытой насыпью[31].

Закладка входов в катакомбу камнями довольно часто

---

[23] В. И. Козенкова. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г., КСИИМК, 76, 1959, стр. 57—59.

[24] Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка, Фрунзе, Изд-во АН КиргССР, 1962, стр. 46—47.

[25] О. В. Обельченко. Могильник Анджартепа, История материальной культуры Узбекистана, вып. 3, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 69—70.

[26] Б. А. Литвинский. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. «Труды АН ТаджССР», т. XXVII, Археологические работы в Таджикистане, вып. 6 (1958 г.), Душанбе, 1961, стр. 60.

[27] А. М. Мандельштам. О работах Кобадианского отряда в 1955 г., «Труды АН ТаджССР», т. XIII, Археологические работы в Таджикистане в 1955 году, Душанбе, 1956, стр. 73.

[28] А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана, «Труды ИИАЭ», т. VII, Археология, Алма-Ата, 1959, стр. 99, 137.

[29] А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры, «Труды ИИАЭ», т. VII, Археология, Алма-Ата, 1959, стр. 250.

[30] Е. И. Агеева. Некрополь, Труды ИИАЭ, т. XIV, Археологические исследования на северных склонах Кара-Тау, Алма-Ата, Изд-во АН Каз ССР, 1962, стр. 186.

[31] Т. Агзамходжаев. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской, История материальной культуры Узбекистана, вып. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 229, 231, 235.

применялась при возведении курганов[32]. Значительно реже встречается закладка входа в катакомбу сырцовым кирпичом, известная по курганным могильникам в долине р. Зарафшан. При раскопках курганов около сел. Хазара в Бухарской области была обнаружена закладка входа в катакомбу сырцовым кирпичом двух видов[33].

В могильнике Анджартепа, к северу от г. Самарканда, вход в катакомбу кургана-1 был заложен квадратным сырцовым кирпичом. Такой же как употреблялся при закладке входов в катакомбы курганов около г. Каттакурган. В могильнике Анджартепа и в курганах около г. Каттакурган сырцовый кирпич крупнее, чем в закладке кургана 2, где кирпич имеет 38 *см* в стороне, а в двух вышеуказанных могильниках — 40 *см* в стороне. Размеры кирпича, которым заложила вход в катакомбу кургана-2, характерны для сооружений эпохи раннего средневековья — для VI—VII вв. Таких же размеров кирпич был уложен в круглую угловую башню городища Варахша[34].

Во всех раскопанных погребениях скелеты лежат в вытянутом на спине положении, но ориентированы они неодинаково. В катакомбах курганов 1, 2, 3 скелеты были ориентированы головой на восток, а в грунтовой могиле кургана 5 и катакомбе кургана 8 скелеты лежали головой на северо-восток.

Ориентация скелетов головой на восток известна по погребениям II—IV вв. н. э. во многих могильниках Средней Азии — Бор-Корбаз[35], Калантархона[36], Кенкольском[37], Анджартепа[38]; около селения Хазара[39] и др.

---

[32] См. Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район) в 1954 г., «Труды АН ТаджССР», т. XXXVII, Археологические работы в Таджикистане в 1954 г., Душанбе, 1956, стр. 62.

[33] О. В. Обельченко. Курганы около селения Хазара, История материальной культуры Узбекистана, вып. 4, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 58.

[34] О. В. Обельченко. Могильник Анджартепа..., стр. 58. Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, Труды ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958, стр. 125; В. А. Шишкин. Варахша, М., ИВЛ, 1963, стр. 107—110.

[35] С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы, СА, XX, 1954, стр. 131.

[36] Б. А. Литвинский. Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г., «Труды АН ТаджССР», т. XCI, Археологические работы в Таджикистане в 1956 г., вып. 4, Душанбе, 1959, стр. 77.

[37] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, Л., Госэрмитаж, 1940, стр. 3.

[38] О. В. Обельченко. Могильник Анджартепа..., стр. 58, 60.

[39] О. В. Обельченко. Курганы около селения Хазара..., стр. 58.

К этому же периоду относятся погребения, ориентированные головой на северо-восток, в курганных могильниках около ст. Вревская[40], Тойтюбе[41], где курганы датируются «второй четвертью I тысячелетия н. э.»[42]. Обычай же положения тру-

Рис. 2. Керамика из погребений:
1—2—из кургана 1; *3—4*—из кургана 2.

пов в курганных погребениях на подстилку из войлока или хвороста восходит к глубокой древности и характерен как для погребений первых веков до нашей эры[43], так и первых веков нашей эры[44].

[40] М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г., «Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1951, стр. 46, 54.

[41] М. Е. Массон. Уникальный намогильный лицевой памятник из долины Ангрена, «Известия АН КазССР», сер. археологическая, вып. 3, № 108, 1951, стр. 114—116.

[42] М. Е. Массон. Ахангаран, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1953, стр. 24.

[43] Л. Я. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э., «Известия АН КазССР», серия археологическая, вып. 2, Алма-Ата, 1949, стр. 120, № 67.

[44] А. А. Марущенко. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана, «Труды ИИАЭ», т. V, Ашхабад, 1959, стр. 111.

Инвентарь курганов около Сазагана состоит, главным образом, из керамики, невзрачных бус, пряслиц, серебряной монеты. Наиболее многочисленны среди керамических изделий

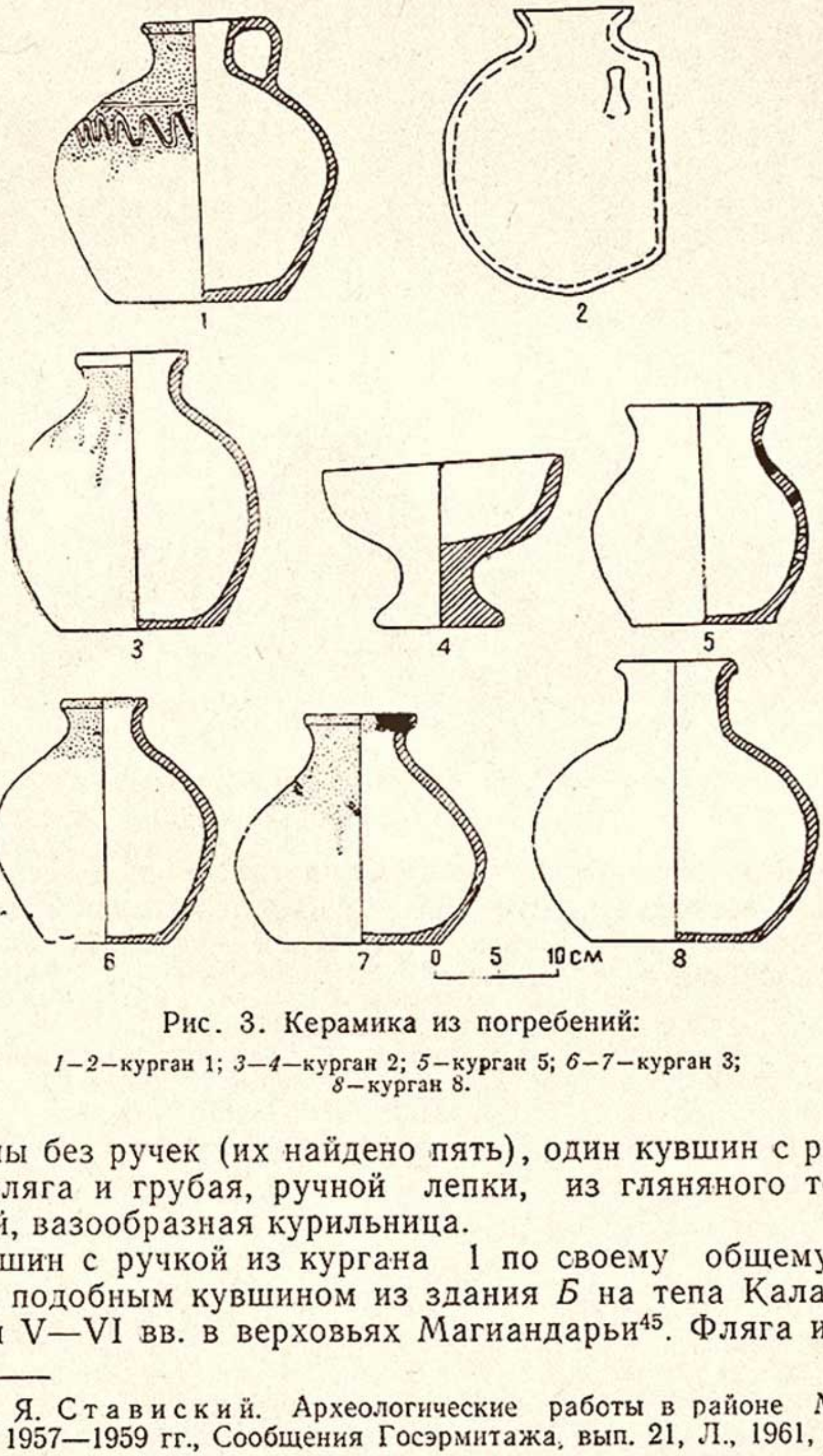


Рис. 3. Керамика из погребений:

1—2—курган 1; *3—4*—курган 2; *5*—курган 5; *6—7*—курган 3; *8*—курган 8.

кувшины без ручек (их найдено пять), один кувшин с ручкой, одна фляга и грубая, ручной лепки, из гляняного теста с дресвой, вазообразная курильница.

Кувшин с ручкой из кургана 1 по своему общему виду схож с подобным кувшином из здания *Б* на тепа Калаи-Муг из слоя V—VI вв. в верховьях Магиандарьи[45]. Фляга из это-

[45] Б. Я. Ставиский. Археологические работы в районе Магиан-Дарьи в 1957—1959 гг., Сообщения Госэрмитажа, вып. 21, Л., 1961, стр. 57.

го же кургана представляет собой широко распространенный тип фляг с уплощенным боком, характерный и для II—IV вв. н. э.[46]

Более близкие аналогии имеют два кувшина из кургана 3. Найденный в ногах скелета кувшин с расширяющимся в нижней части туловом очень схож с кувшином II—IV вв. из кургана-25 в могильнике Тураташ[47] и могильнике Карамуйнак[48] Ошской области КиргССР. Эти могильники по времени сложения, территориально, а также по целому ряду других признаков очень близки между собой.

Кувшин, который стоял слева от головы скелета, по своей форме, по раскраске верхней части тулова схож с сосудами V в. из усадьбы близ городища Кафыркала[49]. Однако следует оговориться, что сосуд из усадьбы значительно больше по размерам, нежели кувшин из кургана 3.

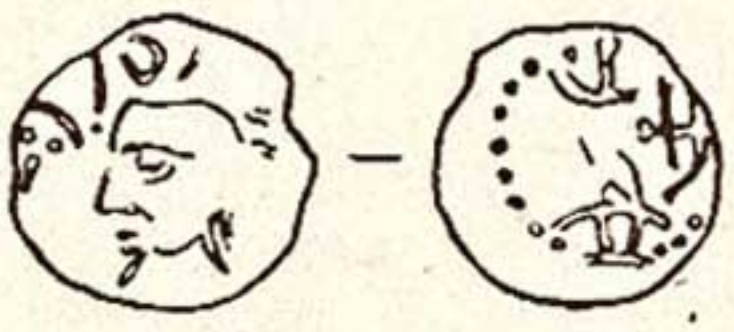


Рис. 4. Монета из кургана 1.

Сосуд из кургана-5 по своему общему виду и, особенно, по форме венчика, схож с кувшином из кургана-7 могильника Тура-Таш[50].

Кувшин из кургана 2 по форме похож на сосуд, найденный на объекте XII в юго-западной части городища древнего Пянджикента. Он входит в I комплекс керамики, датируемой второй половиной V в. н. э.[51] Кувшин из кургана 8 имеет шаровидное тулово, короткую цилиндрическую горловину и отогнутый наружу венчик шаровидной формы. Такой же кувшин найден в IV—V комплексах из Пянджикента, где он датируется V—VI вв.[52]

---

[46] В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг., КСИИМК, 1947, XIV, стр. 96; Он же. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане, СА, вып. 16, 1952, стр. 354.

[47] Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка . . , стр. 33, 77, 68.

[48] Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1957 году, КСИИМК, 1960, 78, стр. 46; Он же. Археологические памятники Южных районов Ошской области. . . , стр. 120.

[49] Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, История материальной культуры, вып. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 209, рис. 8, 10.

[50] Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка . . . , стр. 79, рис. 6.

[51] Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг., «Труды Таджикской археологической экспедиции», т. IV, МИА СССР, № 124; 1964, стр. 232, рис. 23, *2*, 243.

[52] Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг., «Труды Таджикской археологической экспедиции», т. IV, МИА СССР, № 124; 1964, стр. 232, рис. 23, *4; 240*.

Отличает эти два сосуда полоса краски, нанесенная по плечикам кувшина из Пянджикента.

Подводя итог рассмотрению керамических находок в курганах около Сазагана, следует отметить, что прямых аналогий, точно соответствующих формам сосудов из курганов других районов, нет. Но большая близость главным образом к находкам из долины р. Зарафшан имеется, ибо все кувшины из сазаганских курганов своими формами как бы предшествуют керамике такого же типа V—VI вв. Всю керамику из погребений Сазаганских курганов можно с большей долей определенности датировать III—IV вв. н. э.

Наиболее интересной и очень редкой находкой оказалась серебряная монета из кургана 1 (рис. 4). Монета скифатная, диаметр — 1,5 *см,* вес — 0,5 *г,* края монеты неровные. На аверсе монеты изображена голова государя влево. Лоб низкий, нос с горбинкой, прямая борода слегка выступает вперед. Волосы на голове курчавые, сзади прядь волос закрывает шею. Слева в поле, над головой имеется легенда из букв согдийского письма.

На вогнутой стороне реверса имеется обрамление из перлов, которое, отступив от края, охватывает изображение слева, сверху и снизу. В центре изображена фигура стреляющего влево лучника, корпус которого слегка наклонен вправо. Над головой лучника, слева от него и под ногами имеются знаки согдийской письменности.

Описанная монета относится к типу, известному в нумизматике как «группа Гиркода». Найденная монета принадлежит чекану Уркода, сыну Уркода, согдийского князя[53]. Несколько сложнее вопрос о времени чекана и обращения этой монеты. Судя по погребальному обряду и керамическим находкам в курганах около Сазагана, время их появления можно считать не ранее III в. н. э. и не позже IV в. н. э. Монеты же подобного типа могли чеканиться, как считает В. М. Массон, вплоть до V в. н. э. Следовательно, наличие этой монеты в погребении кургана 1 не противоречит предложенной датировке курганов около сел. Сазаган III—IV вв. н. э.

При сравнении курганов около Сазагана с курганами могильника Анджартепа, расположенного на правобережье р. Зарафшан, первые курганы выглядят моложе. Принадле-

---

[53] М. Е. Массон. Нумизматика Средней Азии. Курс лекций, прочитанных в САГУ, в 1955—56 г.

жат ли курганы около Сазагана кочевому или оседлому населению, пока не выяснено, ибо нет еще веских аргументов, чтобы присоединиться к тому или иному мнению. Вопрос этот может проясниться при вскрытии многочисленных тепа в Придаргомской степи, которые еще ждут широких исследований. Значительный интерес для изучения истории культуры долины р. Зарафшан представляют курганные могильники, имеющиеся западнее сел. Сазаган, вдоль горной гряды.

В. А. БУЛАТОВА

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС VII в. В КУВЕ
(результаты работ 1964 г.)

С 1959 г. Институт истории и археологии АН УзССР ведет археологические исследования жилого поселения VII в. при буддийском храме[1]. Это поселение расположено в заболоченной низине на небольшом холме (высота его над окружающей местностью 5—6 *м*), к северу от городища, которое находится на северо-западной окраине районного центра Кува (Ферганская область). Жизнь на основном городище продолжалась до монгольского, а на холме с жилым комплексом и храмом VII в. — до арабского нашествия. Таким образом, жизнь на них прекратилась в разное время, но в VII в. оба они входили в одну довольно сложную оборонительную систему. Вокруг основного городища, видимо, располагались оборонительные башни-кешки и холмы, соединенные крепостной стеной. Лучше всего сохранилась та часть этой системы обороны, которая расположена к северу и северо-западу от городища. Там еще можно зафиксировать оплавы пахсовой крепостной стены с башнями из кирпича-сырца. Она дугой охватывает небольшую низину перед северным фасом городища Кува. На востоке конец стены замыкался кешком, от которого осталось только глинобитное основание, а на западе она круто поворачивает через холм к кешку, расположенному у западной угловой башни шахристана Кувы.

В 40 *м* от северного фаса городища лежит холм с поселением и храмом VII в. С запада и востока к нему идут дороги-дамбы, охраняемые кешками.

Северный выступ холма занят буддийским храмом VII в., а вся остальная часть к югу и западу — жилым комплексом.

---

[1] Руководитель работ — проф. Я. Г. Гулямов, археологи — В. А. Булатова, Д. П. Вархотова. О храме см.: В. А. Булатова. Буддийский храм VII в. в Куве, СА, 1961, № 3.

Во время прошлых раскопочных сезонов в жилом комплексе было вскрыто 41 помещение, 3 улицы, площадь и западный фас с выходом на дамбу. Вскрытая территория делится улицей, идущей с запада на восток, т. е. от дамбы к дамбе, на две части — северо-западную, большую, где выявляются группы помещений, разделенные тупиковым коридором или улицей (помещение № 10), и юго-западную, с улочкой, иду-

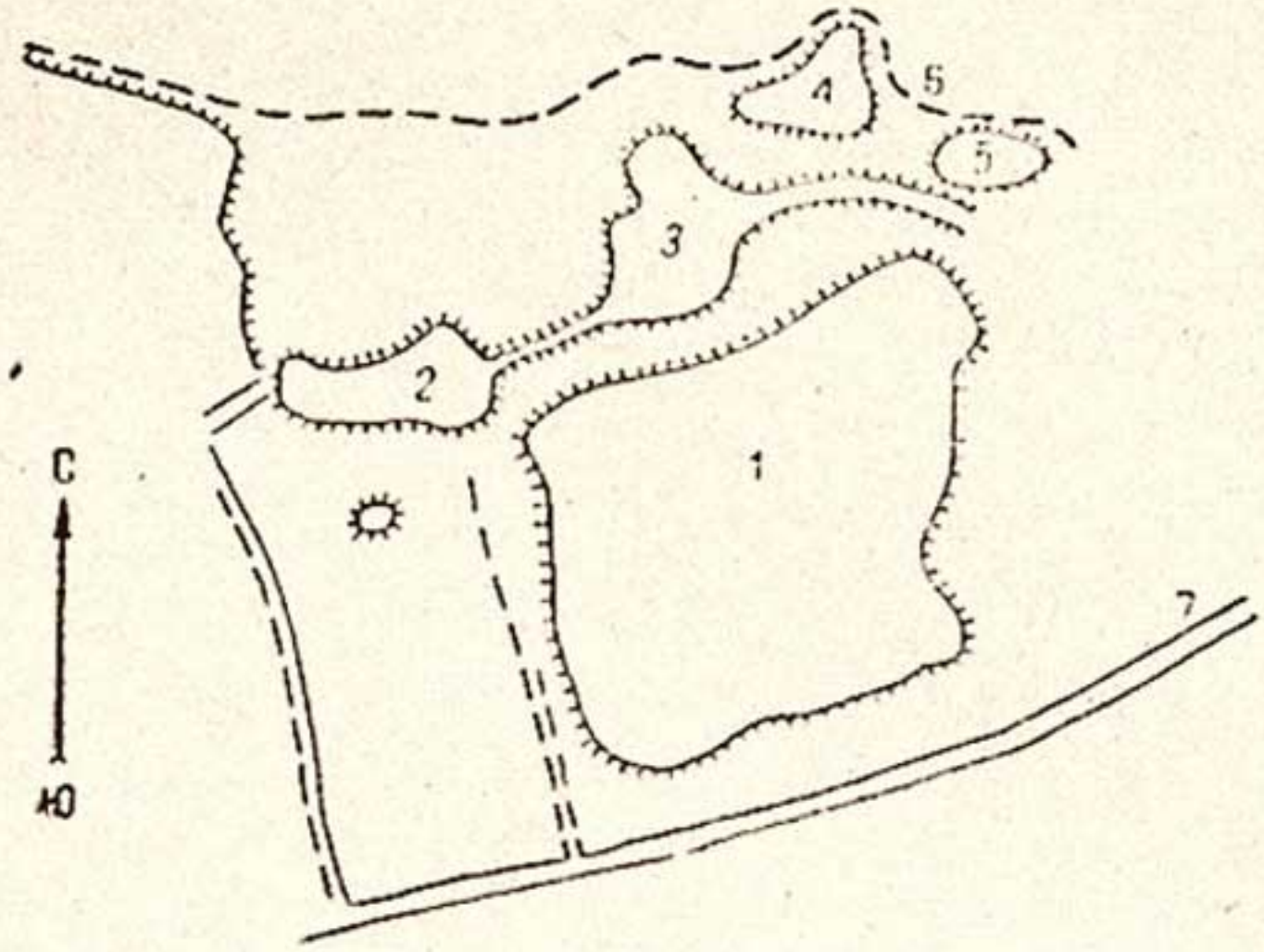


Рис. 1. Схема обороны Кувинского оазиса в VII — VIII вв.:
1—основное городище; *2*, *4*, *5*—Кешки VII в.; *3*—храмовый комплекс (VII—VIII вв.); *6*—вал оборонительной стены; *7*—современные дороги.

щей в меридиональном направлении. Выходящая на западную дамбу улица имеет гравийное покрытие толщиной до 15 *см*, ширина ее достигает 2 *м*.

При выходе на дамбу расположена площадка шириной до 16 *м*, которая примыкает к улице не по оси, а несколько сбита к югу. Площадка, возможно, использовалась в качестве стоянки для арб и вьючных животных. Она сложена в основном из битой пахсы с блоками. Меридиональные улочки в южной и северной частях комплекса начинаются от площади и заканчиваются у склона холма.

Можно предположить, что на склонах производился и забор воды для бытовых нужд. На эту мысль наводит специальное устройство на западном склоне, где заканчивается улица-коридор (№ 10): это выступающие из толщи стены и доходящие до подошвы холма пандус и лестница, объединенные узким переходом с барьерчиком. Возможно, такие устройства были равномерно распределены и по другим склонам. Забор воды мог осуществляться из подземных ключей, которые и до сих пор выбиваются у подножия холма.

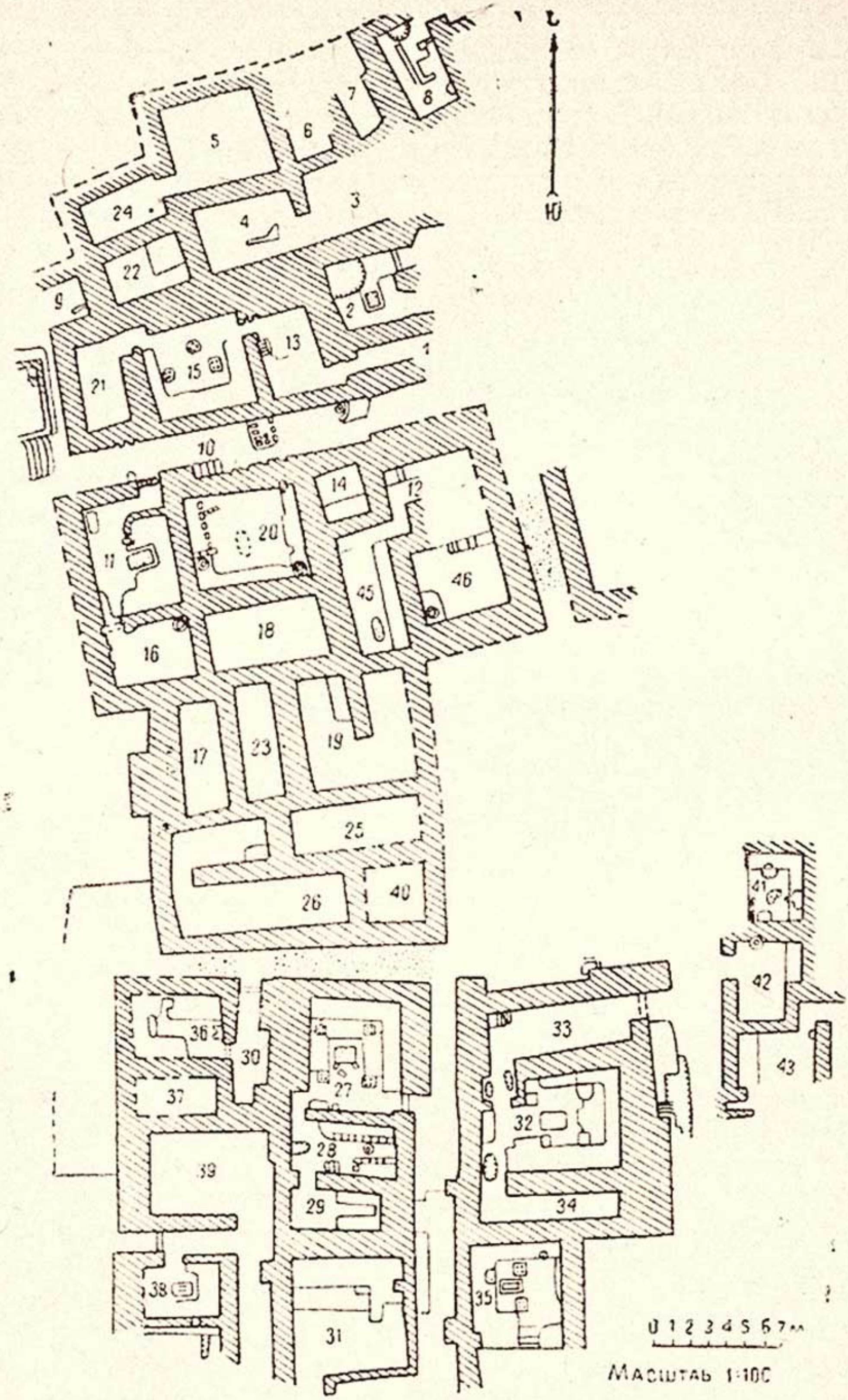


Рис. 2. План раскопок.

Улица-коридор несколько повышена в восточной части. Видимо, она продолжалась к востоку, где помещения находились на более повышенном уровне. Здесь намечается пять обособленных групп, неравных по площади и количеству помещений:

I — северо-западная с помещениями № 1—9, 13, 15, 21, 22, 24;

II — западная с помещениями № 11, 12, 14, 16—20, 23, 25, 26, 40, 45, 46;

III — юго-западная с помещениями № 27—31, 36—39;

IV — южная с помещениями № 32—35;

V — вскрытые помещения № 41—43 (раскопки продолжаются).

Начнем наше описание с южной части, так как здесь легко различается обособленная и функционально четкая планировочная единица — жилой дом. В III (комнаты № 27, 28, 29) и IV (№ 32, 33, 34) группах жилые дома, имеющие выход на улицу, состоят из трех объединенных проемами комнат, но есть и сочетания по одной-две комнаты (1, 2, 4). Одна из больших по размерам комнат рассматриваемых домов, имеющая относительно парадный характер, может быть названа мехманханой. Она почти квадратная в плане, с деревянным перекрытием на двух или четырех опорах (рузан, чорхона). Вдоль трех стен тянутся низенькие суфы, иногда в два яруса (комната № 27). Между суфами располагается обогреватель, представляющий собой площадку, приподнятую в уровень с суфами, на которую ставили прямоугольную или круглую в плане глиняную жаровню для раскаленного угля[2].

Стены комнаты, суфы и место для жаровни покрыты глино-саманной штукатуркой; возле центральной комнаты группируются два-три подсобных помещения. Они, как правило, узкие; иногда с лежанками, если они жилые, или с хумами для воды и зерна, с очагами, если они предназначены для хозяйственных целей. Эти помещения (ширина — от 1,20 до 2,50 *м*) могли перекрываться сырцовыми сводами. Обычно в них же размещаются и глинобитные лесенки, ведущие на второй этаж.

---

[2] Такие устройства отмечены в Уструшане, Хорезме, Согде, начиная с V по IX в. См.: Е. Е. Неразик, М. С. Лапиров-Скобло. Раскопки Барак-Тама-1 в 1956 г., Материалы ХАЭ, вып. 1, М., 1959, стр. 90; Там же, Раскопки в Беркуткалинском оазисе в 1953—56 гг., стр. 102—115; Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Уструшанский замок в Шахристане, СА, 1959, № 2, стр. 207 (план); В. Л. Воронина. Черты ранне-средневекового жилища Средней Азии, СЭ, 1963, № 6, стр. 88.

К вышеуказанным домам III и IV групп с юга примыкают комнаты (№ 31, 35), имеющие выходы на склон холма. Возможно, это были самостоятельные жилые ячейки, а может быть, комнаты для отдыха в летнее время, поскольку в комнате № 35 нет одной стены, и она представляет собой перекрытую лоджию, а в комнате № 31, возможно, и вовсе не было перекрытия, и она была своеобразной террасой на склоне.

В группе III фактически скомпанованы три дома — один трехкомнатный, уже описанный нами, и два двухкомнатных. Последние имеют самостоятельные выходы, холл или подсобную комнату и мехманхану меньших размеров, но с балочным деревянным перекрытием. Дом, состоящий из комнат № 30, 36, выходит на улицу запад-восток, а дом с комнатами № 38, 39 — на южный склон через коленчатый коридор, огибающий мехманхану и имеющий проемы на западный и южный склоны холма. В обоих случаях жилые комнаты имеют те же элементы благоустройства, что и в многокомнатных домах суфы, обогреватели, хозяйственные ямы, большие хумы для хранения воды или продуктов, стоящие на суфах, иногда вкопанные в уровень с полом.

Группа IV фактически представляет собой один трехкомнатный дом с примыкающей к нему с юга комнатой-лоджией для отдыха. С востока и запада дом ограничен улицами, а с севера — небольшой площадью. На юго-западе стена имеет уступчатое очертание, подчиненное рельефу, склон холма — вдавшуюся внутрь седловину.

Самые многокомнатные группы — I и II. I группа ограничена с севера и запада склонами холма, а с юга — улицей-коридором. Помещения № 1, 13, 15, 21, примыкающие к улице-коридору, образуют обособленный дом, отделенный мощной пахсовой стеной от помещений № 3—9, 22, 24, которые, за исключением № 8 и 9, были замкнутыми. Некоторые (№ 4 и 3, 24 и 5) сообщаются между собой. Полы вышеперечисленных помещений на 1,40 *м* выше уровня пола комнат № 1, 13, 15, 21. Видимо, здесь мы имеем дело с помещениями производственного или подсобного характера (кладовые), а может быть, и с жилым домом, расположенным в двух уровнях.

Самостоятельное значение имели однокомнатные дома № 8, 9. В доме № 2, возможно, было две комнаты с проемом на западной стороне (полностью не вскрыт). На второй этаж вели глинобитные лесенки, пристроенные к стенам, или внутри жилых помещений (№ 15), или на улицах (№ 10).

II группа состоит из помещений № 11, 12, 14, 16—20, 23, 25, 26, 40 и ограничена с западной стороны склоном, а с трех

других — площадью и улицами. В этой группе есть два планировочно обособленных дома — один состоит из двух комнат (№ 11, 16) с выходом на улицу, а другой — из комнат № 12, 45, объединяющихся коленчатым проемом (дом еще не вскрыт полностью). Остальные помещения не имеют проемов и сообщаются, очевидно, только со вторым этажом при помощи приставных лестниц. Случаи подобной пространственной изоляции не редки. Например, в Парфавнисе такое устройство имели царские кладовые, в Варахше VII в. — подсобные помещения дворца, в Пянджикенте — жилые и подсобные комнаты двухэтажных домов[3]. В осенне-полевой сезон 1964 г. было вскрыто пять помещений с четко выявленной планировочной структурой. Это помещения № 41, 42, 43, расположенные вдоль восточной стороны второй меридиональной улицы, выходящей на южный склон холма. Два других вновь вскрытых помещения № 45 и 46 граничат на юге с площадью, а на востоке — с новой улицей, расчищенной на протяжении 6 *м*. Улица шириной 1,80—1,90 *м* имеет гравийное покрытие и сильный уклон от площади на север в соответствии с рельефом холма.

Комнаты № 12, 45 и 46 объединены в один дом, входящий во II группу. Комната № 45 имеет площадь 2,90×7 *м*. У ее восточной стены расположена суфа шириной 0,8 *м*, сложенная из сырцового кирпича размером 25×50 *см*. Высота суф от 0,5 до 0,7 *м*. Комната № 45 граничит с комнатами № 14 и 18 и имеет коленчатый переход в комнату № 12, ширина перехода 0,8 *м*. Комната № 46, площадью 4×4,80 *м*, была плотно забита сырцовым кирпичом. В ней отмечаются два периода обживания, как и в некоторых других комнатах жилого комплекса (№ 10, 39). Эти два периода разделяет метровый слой кирпичного боя. В первом периоде (до арабского нашествия) функционировало и подземное помещение — сардоба, обнаруженное в северной части комнаты. В него ведет узенькая лестница шириной 0,5 *м* из 5 ступеней, расположенная у северной стены комнаты. Над лестницей был свод из кирпича-сырца. Он сохранился только у самого входа в камеру, которая была забита рыхлой землей с костями и керамикой. Северная стена комнаты, видимо, была расширена для устройства лестницы на второй этаж. Подземное помещение не расчищено, но ясно, что оно расположено под улицей к востоку

---

[3] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы, ЮТАКЭ, т. IV, Ашхабад, Изд-во АН ТуркССР, 1959, стр. 18; В. А. Шишкин. Варахша, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 54, рис. 16; В. А. Воронина. Архитектура Древнего Пянджикента, «Труды ТАЭ», вып. 66, М.—Л., 1958, стр. 194, рис. 1; стр. 198, рис. 4.

от комнаты. В юго-западном углу на низкой суфе вкопан двуручный широкогорлый сосуд-чапья с диаметром устья 65 *см*. Огромное количество керамики — хумы, хумчи, кружки. Наличие подземной комнаты (№ 46) позволяет предположить, что она предназначалась для заготовки и хранения молочных продуктов.

Комнаты № 41, 42 и 43 начинают V группу помещений, расположенных восточнее площади и улочки. Комната № 41, площадью 3×4 *м* имеет пол с уклоном к северу. Суфа шириной 0,8—0,9 *м* окаймляет северную и восточную стены. Восточная суфа делится на две неравные части фигурным выступом-пилястрой. Края суф обложены кирпичом-сырцом (45—50×25 *см*). Высота суф — 10—25 *см*. Возле восточной суфы на полу углубленный очаг, обложенный камнями. На северной суфе очаг из кирпича-сырца, возле — яма с золой. В юго-западном углу комнаты булыжная выстилка-яма со вкопанной хумчой и большое количество золы. Там же — плоские гальки-крышки и подставки для хумов, каменные терки с явной рабочей поверхностью. Эта комната не имеет выхода на площадь.

Комната № 42, площадью 3×4.5 *м*, имеет нишу для суфы в восточной части. Ниша размером 0,9×2,3 *м*, высота суфы 25 *см*. Из комнаты есть выход на площадь, ширина которого 1 *м*. В стены заделана балка-порог сечением 17 *см*. Часть порога и стены разрушены впускным погребением в цисте из кирпича-сырца[4]. В юго-западном углу в толстом слое золы найден железный однолезвийный нож длиной 17,6 *см*, шириной 2,5 *см*. У северной стены вкопан большой хум.

Комната № 43 — размерами 3×4,3 *м*. Ее южная стена разрушена полностью. В западной стороне суфа шириной 1,2 *м*, высотой 0,7 *см* хорошо оштукатурена глиной, в результате пожара имеет красный цвет. В северо-восточном углу обнаружен коленчатый переход в еще не вскрытое помещение, которое расположено ниже описанных помещений и забито комьями спекшейся земли. В начале коленчатого перехода заложены камни-булыги как основание дверных косяков. В толще восточной стены устроен небольшой очажок. В комнате обнаружено большое количество бытовой керамики, дисковидных, плоских и биконических пряслиц. На полу возле суфы найден фрагмент трехперого крупного наконечника стрелы: ширина ребер — 1,9 *см*. толщина — 5 *мм*, длина сохра-

---

[4] См. описание погребений в ст. В. А. Булатовой «Некрополь X—XI вв. в Куве», ИМКУ, вып. 6, 1965.

нившегося фрагмента 7,5 *см*[5]. Конструкция аналогична мелким наконечникам стрел, обнаруженным ранее на территории храма и поселения VII в. К югу от комнаты № 43 имеются очень рыхлые наслоения с органическими остатками. Возможно, здесь, на склонах холма, были конюшни или место свалки.

Вскрытия этого года дают ту же картину запустения и гибели, что и предыдущие раскопки. Верхние слои представляют собой уплотнившийся завал, разрушенного кирпича-сырца, пронизанного погребениями в кирпичных цистах. Над полами помещений с деревянными перекрытиями слой угля (0,5 *м*). Там, где перекрытия были сводчатыми (№ 45), помещения вплоть до пола забиты кирпичным завалом. Везде фиксируется единовременная гибель помещений, связываемая нами с арабским нашествием.

Комплекс находимых предметов характеризует уровень развития культуры и техники населения Кувы накануне арабского завоевания. Наиболее интересными находками данного сезона являются крупный наконечник стрелы и фрагменты венчика хума с рунической надписью[6]. Совокупность полученных материалов позволяет говорить о планировочных принципах организации жилья, о приемах строительной техники, характерных для VII в. В небольшом по размерам кувинском поселении при храме повторяются приемы, характеризующие застройку Пянджикента, — скученность, массивные глинобитные стены первого этажа, наличие второго этажа, сводчатые перекрытия и чорхона, те же бытовые устройства (жаровни, очажки, напольные и пристенные, суфы, стенки-перегородки, хумы)[7].

Вскрытию жилого комплекса сопутствовало и изучение некрополя X—XI вв. (антрополог В. Я. Зезенкова, лаборант Л. Букинич). Антропологический материал, собранный в этом сезоне, в совокупности с прошлогодним дает уже хорошую базу для изучения эволюции этнического типа Ферганской долины. Была проведена рекогносцировка Кувинского района, получившего в 1964 г. новые границы. Обследование района позволило зафиксировать новые археологические памятники и выявить три хронологические группы:

---

[5] Крупные наконечники стрел достигают 11 *см*. См: Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел, СА, 1965, № 2, стр. 86—88, рис. 9.

[6] Предварительное сообщение о надписи см. журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 8, стр. 60—62. Надпись передана на определение Р. Э. Тенишеву.

[7] В. Л. Воронина. Черты средневекового жилища в Средней Азии, СЭ, № 6, 1963, стр. 84—97.

а — однослойные городища I в. н. э.;
б — городища V—VIII вв.;
в — многослойные городища I в. до н. э. — XII в н. э.

Кувинский оазис был освоен издавна, что подтверждается находками кремневых орудий по руслу Кувасая (рекогносцировка М. Касымова в 1964 г) и наличием могильников V—III вв. до н. э.[8]

Расцвет его, судя по количеству отмеченных объектов, падает на I в. до н. э. — I в. н. э., когда воды Кувасая орошали пашни многочисленных поселений, сконцентрированных на веере питающего источника. В период раннего средневековья поселения укрупняются. Жизнь сельской округи концентрируется около центров ремесленной и политической жизни. Монгольское нашествие нанесло непоправимый урон экономике хозяйства оазиса.

Предполагающееся изучение памятников Кувинского района даст большой материал как для периодизации истории Ферганской долины, так и для контроля стратиграфии культурных наслоений основного городища Кува.

---

[8] Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник, Археологический сборник, № 3, Л., Эрмитаж, 1961, стр. 191—192.

В. Д. ЖУКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА КИНДАКЛИТЕПА

Киндаклитепа расположено в средней части долины р. Кашкадарья, вблизи кишлака Карабаг. К юго-востоку от него находится Таштепа — почти прямоугольный в плане, несколько продолговатой формы бугор, высотой 7 *м*. Местоположение памятников и керамический материал, обнаруженный при их вскрытии, указывают, что в наиболее поздний период оба эти поселения существовали одновременно, по-видимому, в VI—VII вв. н. э. Других крупных памятников, расположенных поблизости от Киндаклитепа, нет.

Название «Киндакли» памятник получил по своей форме— «бугор с пупком» (узбекское слово «киндик» означает пупок). В других районах Узбекистана встречаются тепа с таким же наименованием, так как сходны с нашим по своему виду.

Крупное по своим размерам и видимое издалека на ровном степном пространстве Киндаклитепа состоит из центрального бугра и окружающего его вала (рис. 1). Центральный бугор (высотою около 12 *м*) имеет несколько вытянутую форму по направлению с северо-востока на юго-запад. Площадь основания его занимает около 2500 $м^2$ (55×45). Южные и юго-западные склоны бугра более отлогие по сравнению с другими. Наиболее возвышенный сектор тепа находится в северо-восточной части. Высота вала достигает 8 *м*, считая от прилегающей к нему с внешней стороны поверхности, а ширина его у основания около 30—35 *м*. Издали в силуэте памятника вырисовываются с северной и южной сторон вала квадратные башни, очертания которых на месте не улавливаются. Вал разделен на отдельные части седловинками, четко выделяющимися с западной, северной и отчасти восточной сторон. Ширина ложбины, заключенной между центральным бугром и валом, в общем не превышает нескольких метров.

Кроме этих основных частей памятника, с южной и северо-восточной сторон его отмечаются разной величины бугры и впадины, несомненно связанные с Киндаклитепа. Особенно выделяются своими размерами впадины с юго-восточной стороны, откуда, по-видимому, брали грунт для возведения сооружений.

Археологический отряд, изучавший памятник[1], в трех пунктах — на центральном бугре, валу и в ложбине — произвел вскрытия. давшие возможность судить о стратиграфии этого

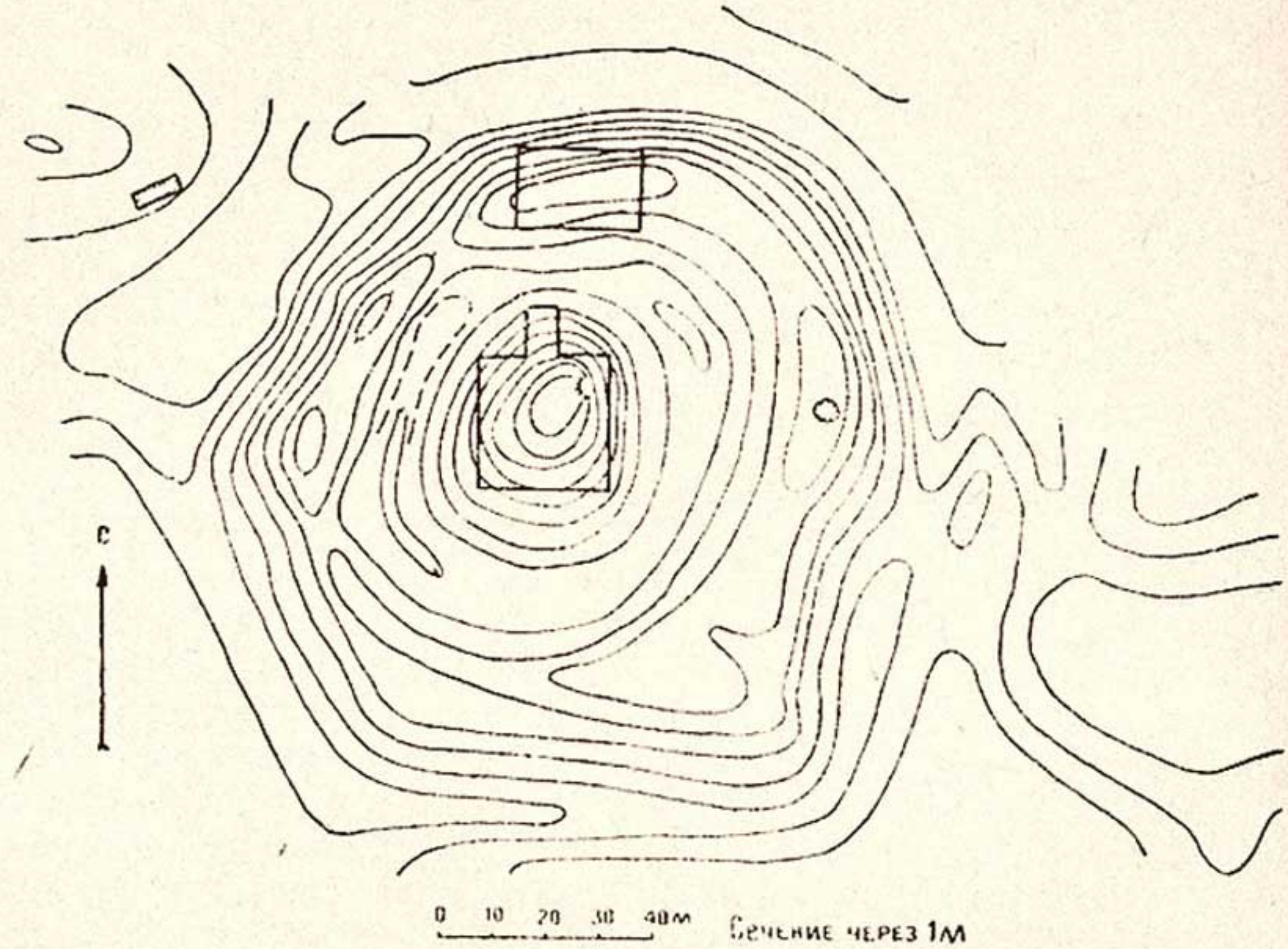


Рис. 1. План Киндаклитепа с обозначением вскрытых площадей.

многослойного археологического объекта. В толще наслоений удалось выявить остатки капитальных сооружений, некоторое количество материалов, относящихся к различным периодам жизни поселения.

---

[1] Кроме автора, в работах по обследованию этого памятника принимали участие архитектор В. А. Нильсон, снявший план остатков сооружений, вскрытых на центральном бугре, лаборанты Л. П. Матвеева, М. Д. Корзухина и Г. Н. Катков. Полевые работы велись летом 1955 г. и осенью 1957 г.

На центральном бугре под почвенно-растительным покровом толщиною до 0,25 *м* во многих местах отмечалась уцелевшая кладка, пахсовая или из сырцового кирпича продолговатой формы (50×25×10 *см*³). На глубине 1,35 *м* от вершины тепа в восточном секторе вскрыта твердая земляная площадка, на которой находилась прослойка из древесного угля и золы. С южной и западной сторон эта прослойка толщиною 15—25 *см* доходила до сильно обожженных стен, с других сторон она терялась в смывах, образующих склоны бугра. На глубине 2—2,15 *м* проходила вторая уплотненная земляная площадка. На этом горизонте показались гребни четырех стен квадратного в плане большого помещения, заполненного завалами (рис. 2). Значительную часть последних составляли крупные обломки пахсы и сырцового кирпича.

Несколько иным характером отличались наслоения северо-западного сектора верхней части тепа. Во многих пунктах здесь регистрировались зольно-угольные скопления, ямы с гумусными заполнениями, черепками глиняной посуды и костями животных. Зарегистрированы в различных квадратах остатки разрушенных очагов в виде обожженных до красноватого оттенка и закопченных кусков глины и уцелевшие в двух местах около стенок хумы. Невыразительные и малочисленные черепки глиняной посуды относятся, по-видимому, к VI—VII вв. н. э. — времени последнего, наиболее позднего периода существования здесь жизни. В этот период никаких капитальных сооружений здесь не возводилось: главным образом старались использовать и приспособить путем небольших пристроек сохранившиеся стены для жилья.

Выявленная в верхнем наслоении пахсовая кладка была возведена на мощном стилобате, состоящем из плотной глиняной массы, заполнявшей интерьеры помещений нижнего слоя. Это заполнение было во много раз тверже, чем сами стены, в которых оно находилось. В очень твердой глиняной массе встречались черепки нижних частей бокалообразных сосудов, обломки костей животных (чаще всего кости барана) и крупные одиночные фрагменты керамических шлаков. Превращение этого сооружения в стилобат, судя по керамике, относится ко времени запустения этого поселения в первых веках н. э. Основание его лежит примерно на глубине 5 *м* от вершины тепа, на уровне земляного пола. Культурные наслоения залегают и глубже.

В северо-восточном секторе верхнего слоя центрального бугра сохранился юго-западный угол помещения, стены которого были покрыты глиняно-саманной штукатуркой. В кладке в большом количестве встречались обломки сырцового кирпи-

ча размером от 48×31×11 до 54×29×10 *см*³. На глубине 1,8 *м* стена выступала внутрь помещения на 15—20 *см*. Довольно многочисленные обожженные комья глины, по-видимо-

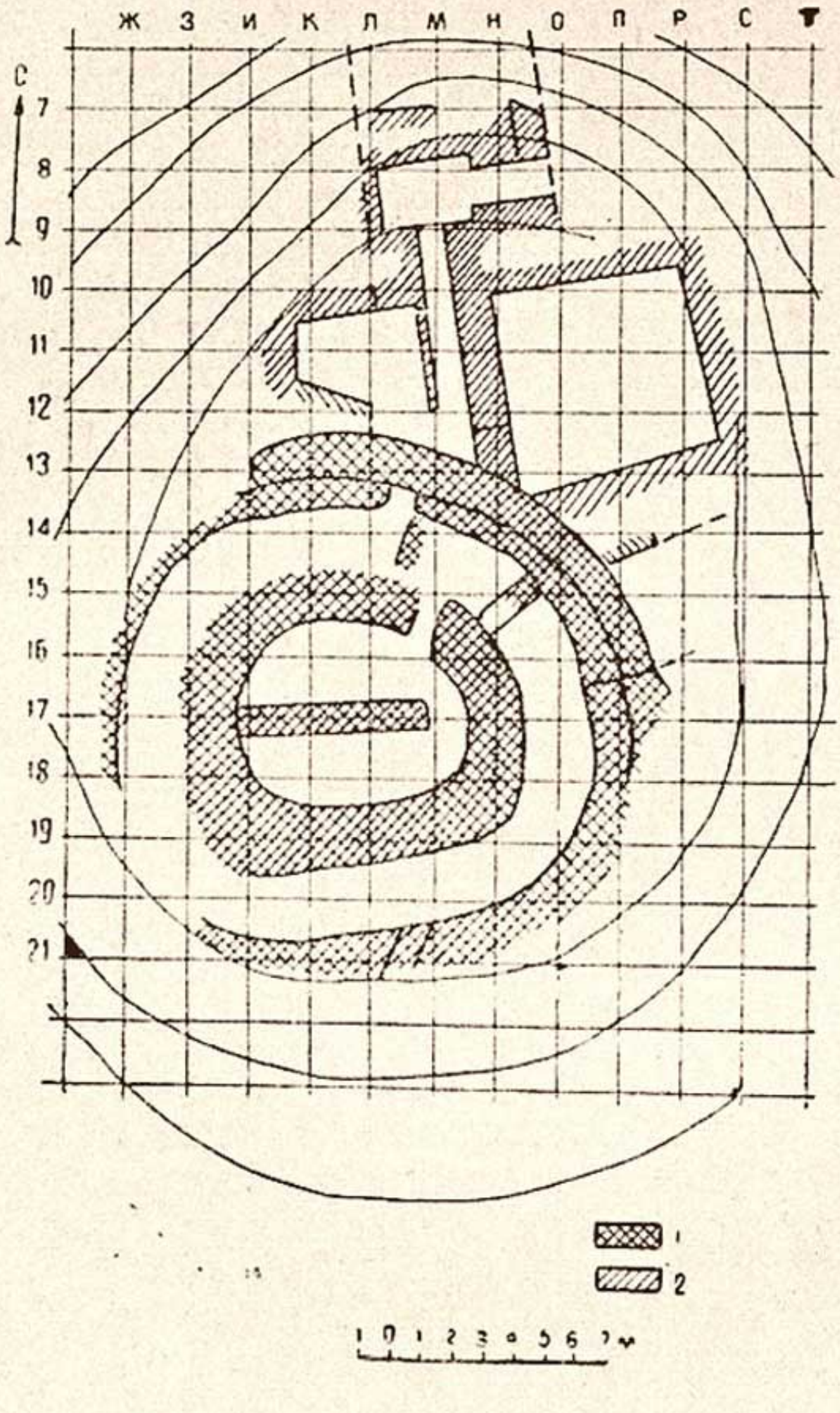


Рис. 2. План вскрытых помещений на центральном бугре:

1—I период; *2*—II период.

му, от очагов, обломки котлов, кости животных в золоугольных прослойках прослеживаются на различной глубине и, в особенности, на площадках, заключенных между этими стенами. Кроме разрозненных фрагментов керамической по-

суды, заслуживают внимания разного вида пряслица — конические, биконические и плоские из камня и терракоты.

Обнаруженные в верхней толще юго-западного сектора остатки глинобитных стен не дают возможности восстановить план постройки. Нижний горизонт верхнего комплекса сооружений удалось проследить только в немногих пунктах: он проходит на глубине около 2 *м* от вершины тепа. Уцелела пахсовая кладка, сооруженная из блоков, длиною 0,55 *м* и высотою 0,4 *м*. Стены сохранились на 0,7 *м* в высоту. В этой глинобитной кладке в плане улавливаются остатки трех камер. Судя по сохранившемуся на месте небольшому обломку пахсы, можно предположить, что здесь был коридор шириною около 1 *м*. Толщина стен различна — от 1,4 до 1,7 *м*. Характерная особенность кладки этого комплекса — утолщение ее книзу (цокольная часть) в виде выступа сантиметров на 15—20[2]. В толще пахсовой кладки встречались черепки тонкостенной керамики с коричневатым и обломки глиняных сосудов с зеленоватым ангобом, последние, по-видимому, могут быть отнесены к V—VI вв. н. э.

В юго-восточном секторе центрального бугра сохранился отрезок стены из крупного сырцового кирпича (58×32×9 *см*^{3} и близких к этому размеру вариантов); эта стена длиной 3,75 *м* имеет направление с севера на юг (с небольшим отклонением) и не связана с остатками пахсовых сооружений, обнаруженных на этом горизонте.

К наиболее древнему из вскрытых сооружений нижнего вскрытого нами слоя относятся округлые в плане капитальные помещения, которые и составляют основной скелет центрального бугра и предопределяют его форму (рис. 3). План этого сооружения, вскрытого пока только в центральной части, имеет следующий вид: посередине находилось округлое, вытянутое с запада на восток (6×7,5 *м*) помещение, разделенное стеной, не доходившей до противоположной восточной стороны, оставляя проход шириною до одного метра. Южная часть этого помещения имеет сейчас высоту до двух с небольшим метров. Плохо сохранилась северная половина, план которой может быть восстановлен по очень незначительным остаткам нижнего ряда кладки. Вход в это помещение был расположен в северо-восточной стороне. Верхний, южный

---

[2] Этот факт интересен тем, что в специальной литературе отмечалось отсутствие цокольного уширения в архитектурных памятниках Средней Азии. См. Л. Н. Воронин. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии, Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, М., Изд-во Академии архитектуры СССР, вып. 1 (б/м), 1950, стр. 22.

край стены, разделявшей это помещение, сохранил четыре ряда кирпича, выступающие один над другим — начало перекрытия, поэтому можно предполагать, что высота помещения не превышала трех метров. Световые проемы в сохранившейся части стен не отмечены. Стены сложены из пахсы и сырцового кирпича, размеры которого варьируют в пределах от 54×32×11 до 47×27×9 *см*³. Это помещение было окружено коридором шириною около 2 *м* и отделено стеной толщиною в 2 *м*. Такое же соотношение между толщиною стен и

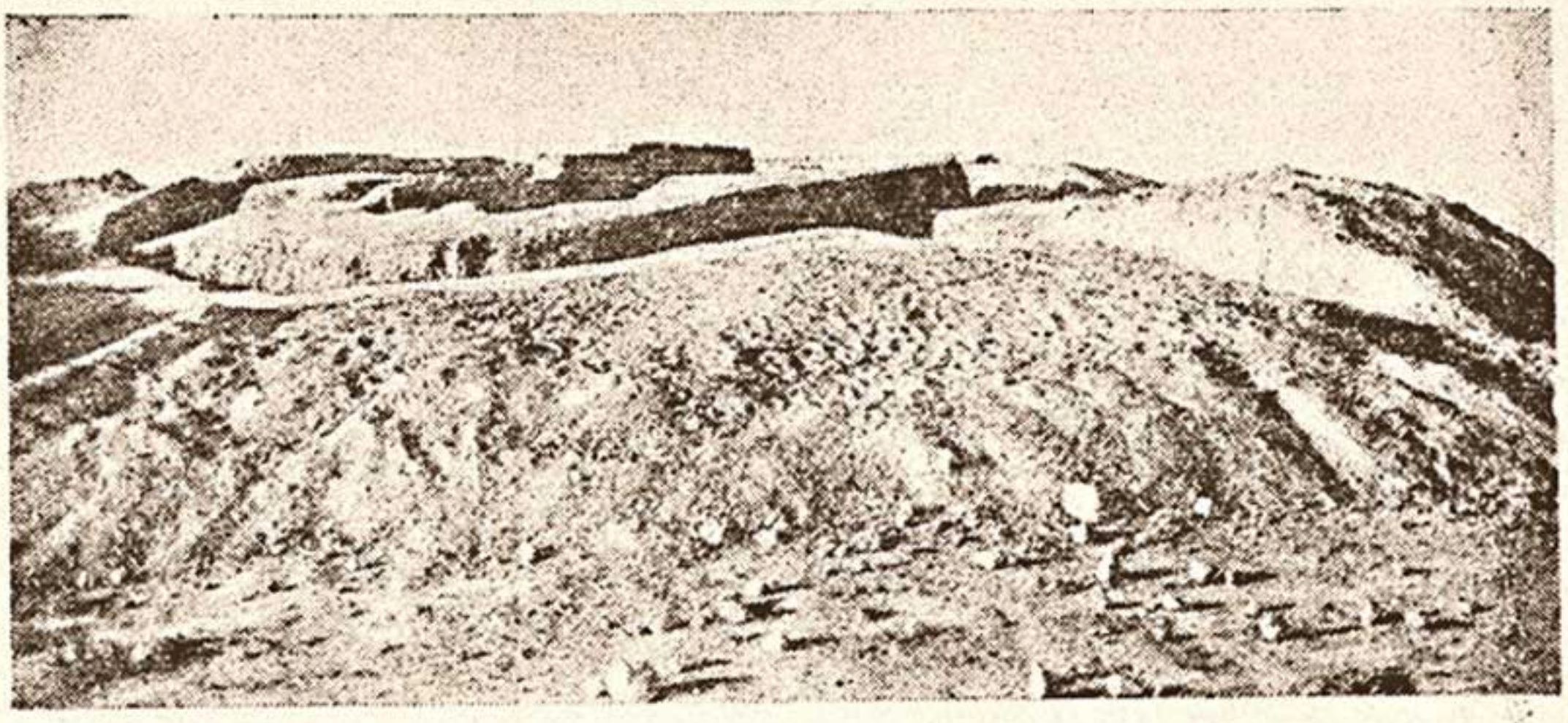


Рис. 3. Вид на центральный бугор после работ.

шириной помещения (2 : 2) было отмечено и на Актепа в Ташкенте[3]. Диаметр этого обходного коридора, считая от внутренней плоскости стен, около 14—15 *м*. В северо-восточном секторе стена коридорообразного помещения позднее была на всем протяжении утолщена на 0,9 *м*. В этом секторе находился дверной проем, с внутренней стороны которого обнаружены остатки пандуса, по-видимому, выводившего на второй этаж. От последнего сохранились кое-где кладки, по которым нельзя установить плана самой постройки.

К следующему, более позднему периоду строительства относятся приблизительно прямоугольные в плане смежные помещения, примыкавшие к наружной стене коридорообразного помещения: северо-восточное размером 5,87×6,65 *м* и северо-западное, полностью не расчищенное. Под земляным полом последнего находился слой булыжников до 0,5 *м* тол-

---

[3] В. Л. Воронина. Элементы архитектуры замка Актепа близ Ташкента, по данным археологических работ 1940 г., «Известия УзФАН ССР», 1941, № 3, стр. 61.

щины. Назначение их неясно. Стены этих помещений сохранились на высоту до 3 *м*. Уровень пола их не однаковый: в северо-западном на 0,4 *м* ниже. Он соответствовал примерно уровню пола округлых в плане помещений (около 5 *м* от вершины тепа). Ниже пола северо-восточного помещения залегают наслоения, состоящие в значительной части из завалов глинобитной кладки и указывающие на существование здесь более древних культурных слоев.

Стратиграфия наслоений вала прослежена только в северном секторе на глубину трех с небольшим метров, считая от вершины вала. Во вскрытой толще четко различаются два наслоения, соответствующие двум разным периодам существования жизни в этом поселении. Верхнее наслоение, прикрытое сверху растительным покровом, залегает на глубину около двух метров и состоит из плотно слежавшихся завалов; нижнее — толщиною около метра с небольшим, рыхлое, похожее на заполнения северной части северо-восточного помещения на центральном бугре. Эти наслоения разделяет довольно плотная земляная площадка — пол. К нижнему горизонту относятся остатки капитального сооружения в виде прямоугольного в плане квадратного помещения; к верхнему принадлежат различного типа глинобитные стенки с использованием выступающих из завалов частей первоначальной постройки. На полу уцелели только одиночные хумы.

Ко второму периоду относятся также два смежных помещения, вскрытые на валу. Одно из них — западное — почти полностью расчищено, размером 5×5,4 *м*, сохранило стены на высоту до двух с небольшим метров. В юго-восточном углу его находился дверной проем. В земляном полу этого помещения сохранились два углубления размером 30×40 *см*, квадратной формы; по краям они были огорожены поставленным на ребро крупными сырцовыми кирпичами. При осмотре их на месте вскрытия архитектор В. А. Нильсен высказал предположение, что эти могли быть гнезда для деревянных колонн, поддерживавших перекрытие. Световые проемы так же, как и в помещениях на центральном бугре, в уцелевших остатках стен не обнаружены. Стены смежных помещений на валу имели толщину 0,9 *м*. Они сложены из сырцового кирпича продолговатой формы, размеры которого одинаковы с кирпичом на центральном бугре. Светлая глиняно-саманная штукатурка толстым слоем покрывала стены помещений второго периода на валу и центральном бугре, указывая на их одновременное существование.

Небольшой шурф (2×2) глубиною в 1,5 *м*, заложенный в западной части ложбины, прошел первые полметра от

поверхности в смывах со склонов. Ниже залегает плотное наслоение, которое, судя по находкам керамики, относится ко времени сооружения стилобата, т. е. после первых вв. н. э. До материка и здесь в самом низком по рельефу пункте, к сожалению, дойти не удалось.

Основную массу находок, как обычно, составляли фрагменты керамических изделий; довольно часто регистрировались каменные предметы и очень редко обломки костяных, стеклянных и металлических[4]. Характерно, что хотя вынули значительное количество грунта (около 750 $м^3$), не обнаружили ни одного монетного кружка. Заметна также крайняя скудость орнаментов на немногочисленных глиняных сосудах, грузилах, пряслицах, которые были украшены только зигзагообразными линиями и пунсонами.

По характеру керамического материала четко установлено два комплекса гончарной посуды. Первый из них представлен многочисленными обломками нижних частей, главным образом, ножек бокалообразных сосудов. Почти все черепки покрыты красным ангобом, несколько фрагментов — темно-коричневым. Профилировка ножек говорит о том, что форма бокалообразных сосудов здесь очень разнообразна. Несомненно, они накопились за очень продолжительный период существования поселения. К сожалению, из большого числа разрозненных обломков не только не удалось собрать хотя бы один целый сосуд, но даже составить вместе одну пару черепков. Этот первый, наиболее старый из выявленных здесь комплексов керамических изделий может быть датирован первыми веками нашей эры. Поздние предельные даты его бытования остаются еще не совсем ясными: М. Г. Воробьева при анализе форм керамики Хорезма античного периода подобные бокалообразные сосуды помещает в разделе керамики кангюйского времени, т. е. с IV в. до н. э. по I в. н. э.[5]

Ко второму керамическому комплексу относится значительно большее число сосудов различных форм; в него включены и другие глиняные изделия: светильники, пряслица и отвесы. Кроме многочисленных обломков, в этот комплекс почти полностью входят уцелевшие сосуды, например, хумы.

1. Хумы отличаются яйцеобразной формой с круто расширяющейся верхней частью корпуса и постепенно сужающейся

---

[4] Из металла зарегистрированы только находки обломков медного кольца и небольшого железного ножа.

[5] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода ТХАЭЭ, т. IV, М., Изд-во АН СССР 1959, стр. 114—115, рис. 17, 21.

нижней. Венчик с наружной стороны отмечен лишь неглубокой закраинкой; характерно отсутствие шейки. Форма эта сохраняется, по-видимому, до VI—VII вв.

2. Котлы горшкообразного вида, лепные, толстостенные, с ручками различной формы (вертикальными, горизонтальными, рогулькой и проч.), небольшого размера, с прямым и округлым дном. Почти все обломки котлов имели сильно закопченную наружную стенку.

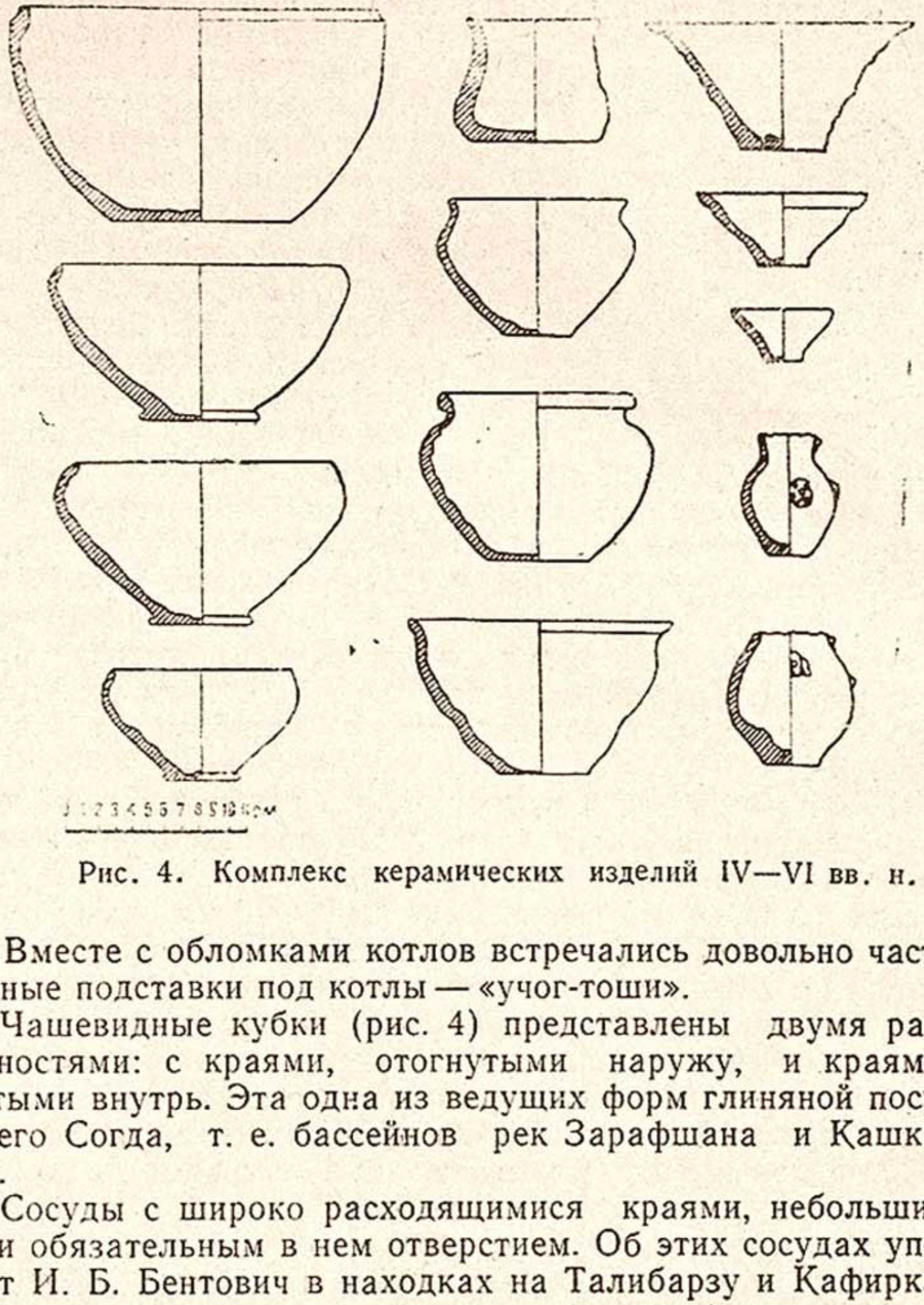


Рис. 4. Комплекс керамических изделий IV—VI вв. н. э.

3. Вместе с обломками котлов встречались довольно часто глиняные подставки под котлы — «учог-тоши».

4. Чашевидные кубки (рис. 4) представлены двумя разновидностями: с краями, отогнутыми наружу, и краями, загнутыми внутрь. Эта одна из ведущих форм глиняной посуды всего Согда, т. е. бассейнов рек Зарафшана и Кашкадарьи.

5. Сосуды с широко расходящимися краями, небольшим дном и обязательным в нем отверстием. Об этих сосудах упоминает И. Б. Бентович в находках на Талибарзу и Кафирка-

ле; по ее мнению, они «скорее всего служили воронками»[6]. Следует отметить, что на многих памятниках V—VI вв., найденных в среднем течении рек Зарафшана и Кашкадарьи, мы встречаем эти сосуды. Позднее они совсем выходят из употребления. Назначение их все еще остается загадкой. В находках на Киндаклитепа эти сосуды размером от 3,3 до 8 *см* высоты представлены в значительном количестве.

6. Кувшинчики с носиком и ручкой небольшого размера употреблялись, по-видимому, чтобы поить детей. Подобного типа посуда встречается во многих памятниках и бытует у местного населения очень продолжительное время.

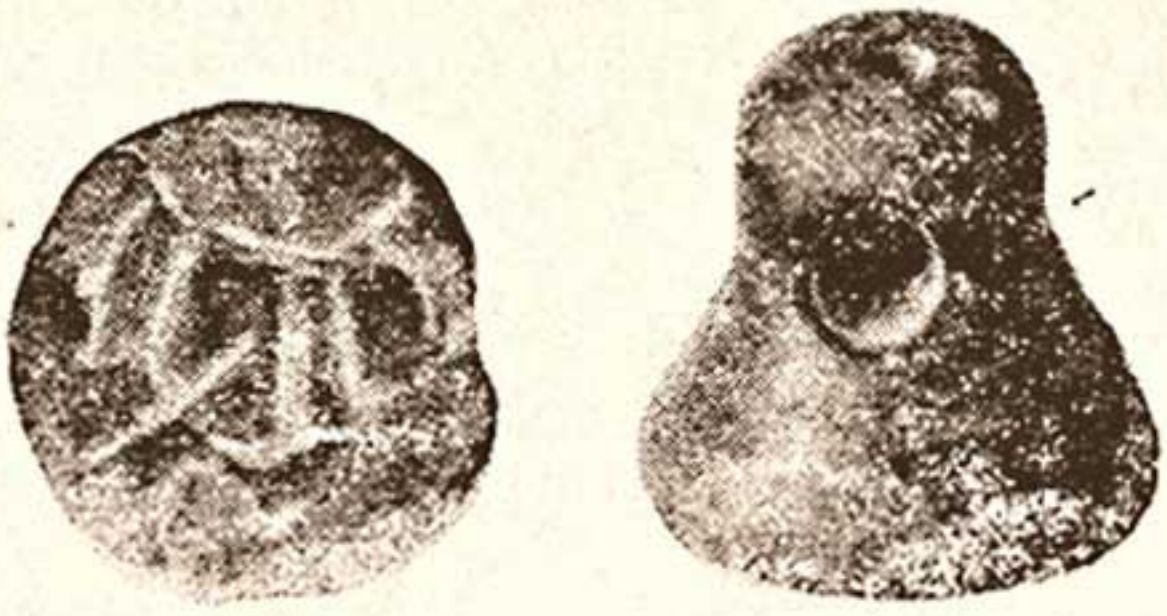


Рис. 5. Терракотовая печать с изображением четвероногого животного.

7. Кувшинчики вытянутой формы — с одной ручкой, обычно с небольшим неустойчивым дном. По количеству находок они имели здесь массовое распространение, такое же, как котлы и хумы.

8. Светильники в виде неглубокой плошки на толстой ножке, с ручкой и без нее, — довольно грубой работы. Зарегистрировано два обломка от терракотовых изображений коней.

Из уникальных находок следует отметить круглую небольшую терракотовую печать-штамп с отверстием для шнурка. На печати схематично изображено четвероногое животное (рис. 5).

В особую группу можно выделить различного типа терракотовые грузила, употреблявшиеся для ткацких станков, и пряслица. Грузила (грушевидные, прямоугольные в виде четырехгранного брусочка, округлые и дискообразные), множество пряслиц (терракотовые и каменные — колесообразные, округлые, конические и биконические), обнаруженные, главным образом, при вскрытии северо-южных помещений юго-восточного сектора вала, указывают на существование здесь ткацкого производства, несомненно, одного из основных занятий обитателей этого поселения. Остатками какого-то производства являются и многочисленные каменные терки из из-

---

[6] И. В. Бентович. Керамика Пянжикента, МИА, 37, М., Изд-во АН СССР, стр. 142—143.

вестняка, порфирита, диорита и прочих пород, зарегистрированные при вскрытии вместе с грузилами и пряслицами[7]. Обнаружено и значительное количество терракотовых пуговиц, последние иногда трудно отличить от пряслиц.

Из производственного инвентаря найдены обломки гончарных штырей (керамическое производство) и два тигля небольшого размера с толстыми глиняными стенками и дном. По количеству находок совершенно ясно, что в юго-восточном секторе вала производственный инвентарь преобладает над бытовым; больше всего здесь зарегистрировано предметов, относящихся к ткацкому ремеслу; пряслица различных форм, грузила, круглые каменные подкладки с отверстием посередине и бруски. Кроме того, во многих пунктах обнаружены обломки каменных терок, зернотерок и ручных жерновов.

Жители (и первого и второго периодов), судя по инвентарю, вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и ремеслом. Так как поселение было покинуто и продолжительное время находилось в полном запустении, на полу помещений успели образоваться почти метровые наслоения. Затем часть его была освоена заново новыми пришельцами, которые не возводили уже никаких капитальных сооружений: они только приспосабливали для своих нужд строения, относящиеся ко второму периоду. Четкий керамический комплекс изделий этого последнего третьего периода не установлен. К нему принадлежат, по-видимому, грубые, ручной лепки котлы и горшки. Обломки последних мы находим во многих местах вместе с разрушенными очагами в верхних наслоениях.

Датировка разновременных остатков сооружений и установление их связи с находками в наслоениях встречают большие затруднения: так, например, плотный глиняный раствор, заполнявший округлое в плане помещение, в котором были обнаружены многочисленные и разнообразные по своей форме ножки бокалообразных сосудов, был положен значительно позже, чем постройка самого сооружения. В этом растворе находились также и ошлакованные обломки от стенок гончарных печей, указывающие на наличие в этом пункте керамического производства, которое подтверждается также находками штырей. Во время заполнения раствором округлых в плане помещений гончарные печи были разрушены, а неко-

---

[7] В наслоениях VI в. в Пянджикенте отмечался «обильный набор прясел и грузиков от ткацких станков». А. М. Беленицкий. Результаты работ Пянжикентского отряда в 1957 г. «Труды АН ТаджССР», т. CIII, вып. V, 1959, стр. 48.

торые черепки, попавшие в раствор, носили следы долгого пребывания на поверхности.

Из наиболее распространенных форм глиняной посуды, относящейся ко второму периоду, кроме хума, можно отметить чашеобразные сосуды, с загнутыми внутрь краями и конусообразные — с отверстием в дне. Посуда этого типа отмечалась почти на всех обследованных памятниках, где зарегистрированы сооружения из крупного сырцового нестандартного кирпича продолговатой формы, размеры которого несколько варьируют в пределах от 54×30×11 до 48×27×9 *см*³.

Обследование устанавливает два четко выраженных периода подъема в жизни этого поселения. Они ясно прослеживаются и по остаткам капитальных сооружений, и по керамическим материалам — двум комплексам, характерным для двух разных периодов. Первый из этих периодов, как было уже отмечено, относится к первым векам до и после н. э. Второй, представленный большим числом различных форм глиняной посуды, по времени бытующий вместе с существованием квадратных в плане помещений, выявленных на центральном бугре и на валу, вероятно, следует отнести к V—VI вв.[8] До конца своих дней поселение сохраняло свою планировку: вокруг большого здания был расположен замкнутым кольцом ряд капитальных сооружений с производственными помещениями. Вскрытое частично поселение было одновременно производственным и укрепленным пунктом: кольцевой, замкнутый план его и наличие с наружной стороны стены вала двух похожих по форме на бойницы отверстий указывают на приспособленность этого поселения к обороне. Никакой внезапной катастрофы с обитателями этого поселения не произошло: из помещений была вынесена вся утварь и нигде не отмечено следов насильственного разрушения. Поселение было покинуто, по-видимому, в связи с недостатком воды для орошения на прилегавшей к нему территории. Несомненно, памятник этот представляет исключительный интерес как объект для изучения истории древних поселений данного района, и полное вскрытие его крайне желательно.

Глубокая археологическая разведка памятника не дала материалов для окончательного решения вопроса о назначении округлых в плане помещений. И как один из возможных

---

[8] Соответствующие слои на Джангальтепа (также на территории Чимкурганского водохранилища), датированные С. К. Кабановым III—V вв. н. э., дают возможность отнести к этому же времени и средний слой Кендаклитепа (Ред.).

ответов на этот вопрос хочется высказать предположение: не являлись ли они в один из первоначальных периодов своего существования культовым сооружением, вокруг которого и образовалось поселение лиц, занятых в его хозяйстве. Дальнейшие работы по изучению этого историко-археологического объекта, в первую очередь полное вскрытие его, могут дать материалы для решения и этого вопроса.

Выявленные комплексы керамики двух периодов существования поселения Кендаклитепа совершенно определенно указывают, что данная территория в культурно-бытовом отношении является частью Согда. Особенно четко это прослеживается для второго периода, представленного значительно большим количеством различных форм глиняной посуды — сосудами со смятым сливом, коническими сосудами с отверстием в дне и другими, которые так хорошо известны нам по материалам Талибарзу, Кафиркалы и Пянджикенту. Вместе с тем на материале нельзя не отметить налет «периферийности» — удаленность от больших центров, степная, сельская обстановка наложили на все свой глубокий отпечаток.

Т. АГЗАМХОДЖАЕВ

ПОДЗЕМНЫЕ КАМЕННЫЕ НАУСЫ ОКОЛО г. АНГРЕН

В 1960 г. сотрудники Института истории и археологии АН УзССР проводили археологические работы[1] в долине р. Ахангаран по обследованию памятников, находившихся в зоне новостроек. Подверглись исследованию наусы — подземные склепы, расположенные в 2—3 *км* к северо-западу от г. Ангрен, в местности Апартак. Они находятся на второй террасе всхолмленной местности. Всего вскрыто десять склепов. Пять из них находились на сравнительно небольшом холме, на расстоянии от 5 до 20 *м* друг от друга, остальные пять были расположены на других холмах, отделенных промоинами. В этой же местности, примерно в 1 *км* к востоку, расположены еще три склепа, которые не были вскрыты. По внешним признакам они аналогичны раскопанным.

Поверхность склепов покрыта кустарником или травой, поэтому обнаружить их трудно.

Приведем описание раскопов.

Наус № 1. Поверхность выложена большими окатанными камнями. Диаметр каменной укладки — 16 *м*, высота — 1,4 *м*. Раскоп заложен в центре насыпи. Когда сняли три верхних слоя камней, появился контур верхней части свода, сложенного из круглых и частично обработанных камней. После удаления обвалившихся с купола камней на глубине 2,4 *м* от дневной поверхности выявлено основание прямоугольного в плане помещения размером 2,5×2,25 *м*. Стены его, заглубленные в землю, выложены довольно крупными окатанными плоскими каменными плитами на глиняном растворе, в кото-

[1] В работах принимали участие архитектор В. А. Нильсен и лаборант Г. Н. Новиков.

рый добавляли мелкий камень и щебень. Перекрытие выполнено путем постепенного напуска камней внутрь помещения. Для перехода к куполу напуск камней в углах помещения начинается на высоте 1,25 *м*. Верхняя часть купола обрушилась. Входная галерея находится в середине юго-восточной стены. Высота входа — 0,9 *м*, ширина — 0,6, длина — 5,2 *м*. Камни в большинстве случаев имеют следы обработки. Размеры камней, перекрывающих сверху вход, от 1 до 1,5 *м*. Стены входа также выложены камнями. На полу входа — плоские каменные плиты, щели между которыми засыпаны гравием; пол устлан слоем песка толщиною 5—10 *см*. Внутренняя поверхность стен, а также боковые стенки входа-галереи оштукатурены глиной с примесью большого количества песка. Пол помещения находится на одном уровне с полом входа-галереи. Снаружи вход был заложен большими камнями и поверхность его засыпана землей вперемешку с гравием, так что он оставался совершенно незаметным.

На полу склепа найдены три раздавленных скелета, лежащих на спине, головы их были обращены в разные стороны. Первый скелет, находящийся с правой стороны от входа, под восточной стеной склепа, головой ориентирован на север. Второй — напротив входа, под северной стеной, голова его обращена на запад. Голова третьего, лежащего у западной стенки, обращена на юг. На грудной клетке у последнего скелета найдены 102 пастовых бусинки различной величины, утолщенно-круглой, пирамидальной и квадратной формы синего, зеленого и белого цветов и цилиндрические бусинки разных размеров и цветов: желтого, зеленого, серого. Найдены и двенадцатигранные бусинки синего цвета, неправильной шаровидной, бочкообразной и круглой формы зеленого цвета. Часть бус имеет очень узкий канал. Рядом с этим скелетом найдены каменная палочка для подведения бровей и кусочек графита. Около левого бедра второго скелета лежала небольшая железная пряжка с круглым ободком и прямоугольной площадкой. Через середину площадки продет язычок с загнутым концом. Диаметр ободка — 2,7 *см*, длина площадки — 3 *см*. В конце площадки сохранилась железная скобка для прикрепления пряжки к ремню. Около левого бедра лежала сломанная железная однолезвийная бритва, на ее черенке сохранилась продетая шпилька для крепления ручки.

Внутри склепа около скелетов найдены три кувшина (один из них расписной), расписной горшок, чашка и две кружки. На одной из кружек ручка изображает голову барана с закрученными рогами и хорошо выраженными глазами и ртом.

Наус № 2. На глубине 2,25 *м* от дневной поверхности обнаружено почти квадратное помещение размером 2,25×2,5 *м*, почти правильно ориентированное по странам света.

Вход-галерея находился в середине южной стены, высота его 1,1 *м*, ширина — 0,6 *м*, длина — 4,25 *м*. Стены помещения сохранились на высоту 2,1 *м*. С правой стороны от входа, около восточной стены склепа, лежал скелет на спине, в вытянутом положении, головой на юг. У западной стены обнаружен скелет женщины в том же положении, обращенный головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища. На полу склепа найдено шесть сосудов: пять кувшинов (три из них расписные) и одна кружка с зооморфной ручкой.

Наус № 3. Помещение размером 2,75×2,70 *м*; ориентировано с север-северо-востока на юг-юго-запад, сооружено на глубине 2,2 *м*. Каменные стены и часть купола сохранились на эту же высоту. Входная галерея находилась почти в середине юг-юго-западной стены. Высота входа — 1,15 *м*, ширина — 0,75 *м*, длина — 5,5 *м*. Вход был заложен снаружи на 2 *м*.

Под север-северо-восточной стеной лежал на спине скелет мужчины в вытянутом положении, головой на север, руки вытянуты вдоль тела. С правой стороны, около тазовых костей, стояли расписной кувшин с носиком и кружка с зооморфной ручкой.

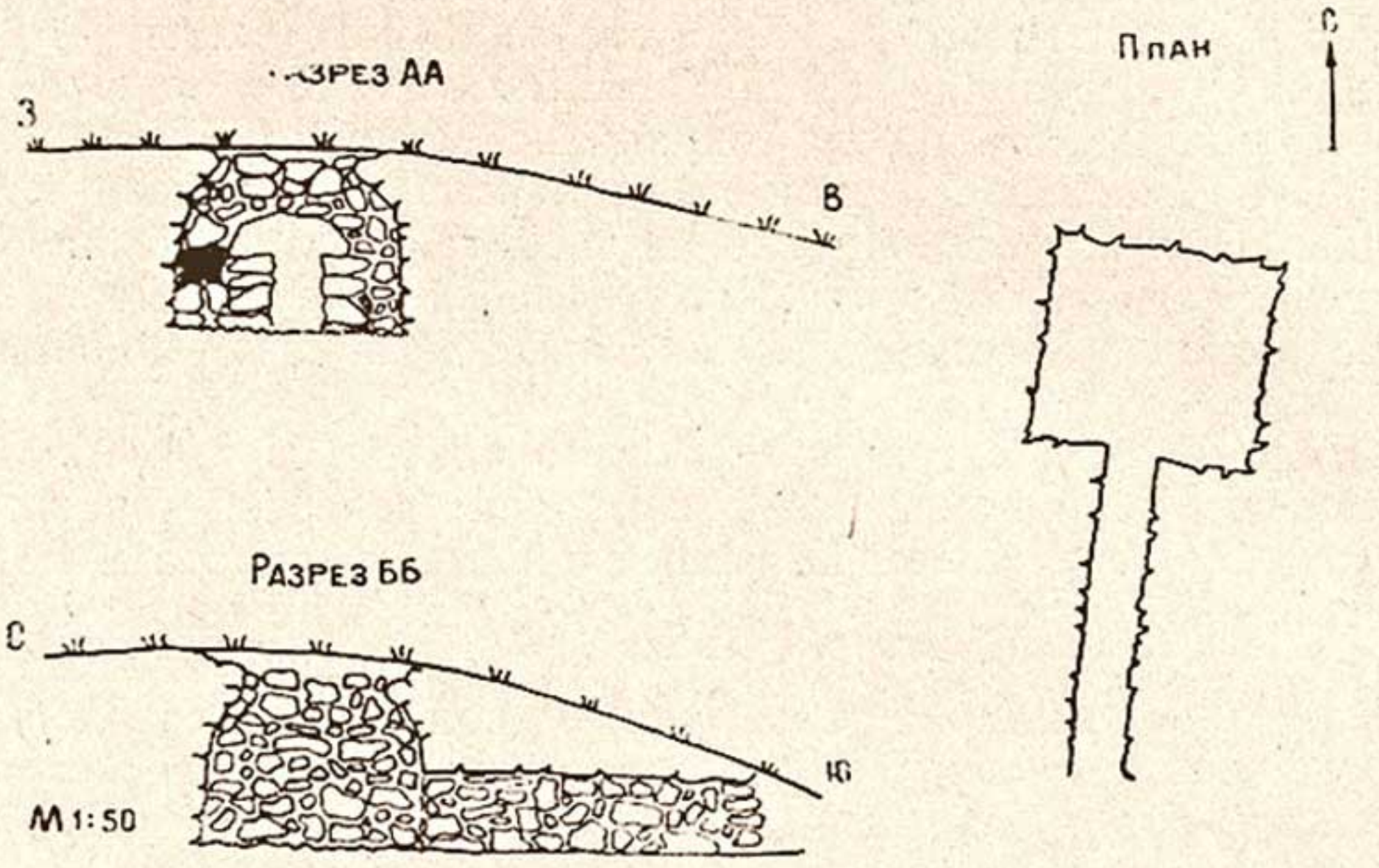
Слева от входа найдены отдельные человеческие зубы и мелкие кости конечностей. Здесь же стояли кувшин и горшок. Около этих сосудов лежали бусы (82 шт.) различной формы и размеров.

Наус № 4. Помещение размером 2,2×2,25 *м*, ориентировано сторонами с северо-востока-востока на юго-запад-запад, на глубине 2,3 *м*. Входная галерея находится почти в середине юго-запад-западной стены. Высота его — 1,1 *м*, ширина — 0,5 *м*, длина — 5,2 *м*. Вход был заложен камнями; толщина закладки — около 1,5 *м*. Стена и часть купола сохранились на высоту 2 *м*. С правой стороны от входа лежал раздавленный скелет мужчины головой на юг-юго-запад. В северо-восточном углу склепа стоял оссуарий с крышкой, обращенный к входу орнаментированной стороной. Около оссуария стояли четыре сосуда, а в середине склепа — один. Из пяти сосудов два кувшина с ручкой и сливом, покрыты орнаментом. Около кувшинов найдены бусы и бусинки различной формы и кольцо с овальным щитком из медной пластинки.

Наус № 5. Помещение почти квадратное на глубине 2,35 *м*, размером 2,25×2,2 *м*, ориентированное с север-северо-востока на юго-запад-запад. Входная галерея находится в середине

юго-запад-западной стенки. Высота входа — 1 *м*, ширина — 0,6 *м*, длина — 4,5 *м*. Вход снаружи был заложен камнями. Внутри склепа, с правой и левой сторон от входа, лежали мелкие человеческие кости рук и ног, остальные кости отсутствовали. Здесь же стояли три сосуда: расписной кувшин с ручкой и сливом, горшок и кувшин грушевидной формы. Около кувшинов найдена бронзовая иголка.

Наус № 6. Помещение размером 2,15×2,25 *м* расположено на глубине 2,5 *м*, ориентировано сторонами с север-северо-востока на юго-юго-запад. Вход находится в середине юго-юго-западной стенки. Высота входа-галереи — 0,9 *м*, ширина — 0,6 *м*, длина 4,2 *м*. Вход заложен снаружи на толщину 1,7 *м*.



Склеп № 7.

Кладка стенки и часть купола сохранились на высоту около 2,2 *м*. На полу, слева от входа, лежали мелкие человеческие кости рук и ног. В склепе найдено шесть сосудов; три из них — расписные. Около северо-восточной стенки склепа найдены две железные пряжки.

Наус № 7 (рисунок). Прямоугольное помещение размером 2,5×2,25 *м*, на глубине 2,25 *м*, входная галерея находилась в середине юго-юго-западной стены. Высота входной галереи — 0,8 *м*, ширина — 0,6 *м*, длина — 4,85 *м*. Снаружи вход был заложен камнями на толщину около 1 *м*. С правой стороны от входа на полу лежали раздавленные мелкие человеческие

кости. Внутри склепа найдено семь сосудов, бусинки, каменное пряслице, каменная палочка и графит.

Наус № 8. Прямоугольное помещение (2,55×2,2 *м*) находится на глубине 2,5 *м*, ориентировано с северо-востока на юго-запад. Входная галерея находится в середине юго-западной стенки. Высота входа — 1,15 *м*, ширина — 0,6 *м*, длина — 4,8 *м*. Напротив входа, у стены, лежал скелет на спине, головой на юго-восток. Череп и кости конечностей раздавлены камнями, упавшими со свода. С левой стороны, около плечевых костей обнаружено два кувшина, у входа — еще два. Тут же найдены каменная палочка и графит. На одной из сторон графитной палочки проделано сквозное отверстие.

Наус № 9. Почти квадратное помещение размером 2,5×2,35 *м*, расположено на глубине 2,4 *м*. Входная галерея находится в середине юго-западной стены. Высота входа — 1,1 *м*, ширина — 0,6, длина — 3,1 *м*. Снаружи вход был заложен на 2 *м*. Стенки и часть купола сохранились на высоту около 2,2 *м*. Напротив входа, у северной стены, лежали два скелета, положение которых установить не удалось, так как они были раздавлены упавшими камнями с купола. В склепе найдено четыре кувшина, перламутровая серьга, каменная палочка и графит.

Наус № 10. На глубине 2,6 *м* находится прямоугольное помещение размером 2,8×2,6 *м*. Входная галерея расположена почти в середине юг-юго-западной стены, высота — 1,1 *м*, ширина — 0,7 *м*, длина — 4,84 *м*. Вход был заложен камнями на 1,6 *м*. С правой стороны от входа, под стеной, лежал скелет женщины на спине, в вытянутом положении, головой на юг-юго-восток. С левой стороны, под черепом, найдена серьга из олова, бронзовая шпилька, бронзовое зеркало. На груди костяка найдены бусы и бусинки из разного материала и различной формы, подвески, две серебряные застежки, три золотые броши. Возле ног обнаружен бисер (свыше 200 шт.). Напротив входа лежал скелет в вытянутом положении головой на север. Череп и кости разбиты обвалившимися камнями. На тазобедренной кости найдена железная пряжка. С левой стороны скелета около тазовых костей лежал железный однолезвийный нож. Здесь найдены железная пластинка и мелкие гвоздики из серебра, а около голени правой ноги — шесть железных черешковых наконечников стрел разной формы. Рядом со стрелами лежала железная пряжка с серебряными гвоздиками, около северной стены — однолезвийный железный нож, железный диск и небольшая железная пила. В склепе найдено семь сосудов.

Исследованные нами склепы одинаковы как по технике

возведения, так и по планировке; различны лишь размеры внутренних помещений, длина входных галерей и ориентация.

Наусы строились на склоне холма. Для сооружения их копались прямоугольные ямы с отвесными стенками размером 2,5×3—3,5 *м* и глубиной 2—3 *м*. Для входа в горизонтальном направлении выкапывали открытую траншею длиной от 4,5 до 6 *м*. Пол входа-галереи находился на одном уровне с полом склепа. Полы устилали большими плитами и сверху засыпали мелким гравием. Образовавшиеся между плитами щели заполняли гравием, и пол помещения приобретал вид ровной площадки. Стенки помещений выкладывали довольно крупными окатанными и плоскими плитами на глиняном растворе. При кладке купола напуск камней в углах помещения начинался на высоте 1,25—1,5 *м*. Высота помещений сохранилась до 2,5 *м*, но, по-видимому, до обрушения была около 3-х *м*. Стенки входных галерей выкладывали также валунами и перекрывали плоскими плитами, а сверху засыпали гравием и землей.

Внутреннюю поверхность стен, а также входные галереи штукатурили глиной с примесью крупного песка. После похорон входы-галереи закладывали крупными валунами и засыпали мелким гравием вперемешку с землей, чтобы вход был незаметным.

Сверху склепы покрывали двумя или тремя рядами валунов и засыпали землей. Такой метод, по-видимому, применялся для равномерного распределения нагрузки на свод и предохранения помещений от проникновения дождевых вод.

Во время строительства склепов определенной ориентации не придерживались, так же как в наусах Пенджикента и Тюябугуза.

Покойников укладывали на полу, на спине, в вытянутом положении, без определенной ориентации, в одежде и украшениях. У мужчин были, вероятно, кожаные пояса с железными пряжками и небольшими ножами на левом боку. Оружие клали редко, только в одном случае около покойника найдено шесть стрел. Женщин хоронили с серьгами, серебряными застежками на воротниках, золотыми брошками, бусами и бусинками, железными и бронзовыми кольцами на кистях рук. Около них клали чаще всего каменные палочки с графитом, в одном случае найдено бронзовое зеркало и красная краска. В другом — в ногах женского костяка найден бисер, который, по-видимому, украшал обувь или нижнюю часть шаровар покойницы. Женские скелеты редко сопровождались предметами, связанными с хозяйственной деятельностью, лишь в одном случае найдено каменное пряслице.

Все найденные сосуды в склепах одинаковы по форме и орнаментации.

После истления мягких покровов тела кости покойников, вероятно, собирали и укладывали в оссуарий, мелкие же кости пальцев рук и ног оставляли в склепе. Заполненные оссуарии ближайшие родственники выносили в особые места для окончательного захоронения в земле.

Сопровождающий покойников инвентарь — посуда, ножи и другие предметы — оставался в склепе. Подтверждением такого вывода может служить указание на ранние массовые и одиночные находки оссуариев в разных районах долины Чирчика, около Ташкента и в долине Ахангарана около Тойтепа.

Существование у зороастрийцев подземных погребальных сооружений находит подтверждение в предписании Авесты[2], где говорится, что трупы должны быть отделены от земли камнями, и для этой цели нужно строить специальные сооружения — дахмы[3].

Автор словаря Гияс-ал-лугат XVI в. объясняет дахму как «подземное погребальное сооружение, в котором неверные Аджама хоронят мертвые тела»[4].

Конструкция и размеры ангренских наусов вполне совпадают с размерами помещения для мертвых, о которых говорится в зороастрийском предписании Вендидата: склеп должен быть достаточно велик, чтобы человек не стукнулся головой или ногами, если он встанет, вытянет ноги и расставит руки[5].

Ангренские склепы по своей планировке и размерам помещения сближаются с надземными наусами Тюябугуза. Для тех и других характерно одинаковое устройство длинных входных галерей и отсутствие единой ориентировки помещений, прослеживается общность в погребальном обряде. Укладывали умерших так же, как и в наусах Тюябугуза[6], с раз-

---

[2] Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский, С. П. Радцыг и В. Н. Стерлигов. Древний мир в памятниках его письменности, ч. I, М., 1915, стр. 156.

[3] А. О. Маковельский. Авеста, Баку, Изд-во АН Азерб. ССР, 1960, стр. 130.

[4] Ркп. хранится в Институте востоковедения АН УзССР; см. также А. Я. Борисов. О значении слова «Наус», ТОВЭ, т. III, М.—Л., 1940, стр. 305.

[5] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская Пянджикентский некрополь, МИА 37, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 90.

[6] Т. Агзамходжаев. Тюябугузские наусы, Сб., «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 76.

личной ориентацией. В обоих погребальных комплексах имеет место коллективность захоронения мужчин и женщин в одном склепе (2—3 чел.); сходны предметы, сопровождавшие погребальные обряды, — ножи, подвески, бусы, приколки для волос, предметы косметики.

Склепы Ангрена представлены бо́льшим количеством керамических сосудов и их форм, чем наусы Тюябугуза. Небольшая высота и узость входных галерей, по-видимому, были специально рассчитаны строителями, чтобы покойника могли вносить только два человека. Это подтверждается зороастрийским предписанием Авесты, где говорится, что носильщиков трупов должно быть не больше двух[7]. В таком случае покойника могли вносить лишь в согнутом положении, на узких носилках, или без них, поддерживая со стороны головы и ног.

Внутрь склепа, вероятно, входили только ближайшие родственники покойников, они же выбирали место для него и ставили сопровождающий инвентарь.

В склепах, кроме различных находок личного обихода, найдено 47 керамических сосудов, половина из них расписные.

Обнаружен также расписной прямоугольной формы керамический оссуарий с крышкой. В каждом склепе находилось большое количество фрагментов прямоугольных оссуариев и человеческих костей.

Для датировки склепов могут служить упомянутый расписной прямоугольный оссуарий с крышкой, большое количество фрагментов оссуариев и посуда. Подобные прямоугольные оссуарии датированы исследователями некрополя Пянджикента V—VI вв.[8] Следовательно, обследованную нами группу памятников можно датировать V—VI вв. н. э.

Очевидно, последователи зороастризма Чача в V—VIII вв. хоронили своих покойников в трех видах погребальных сооружений: надземных кирпично-пахсовых наусах (Тюябугуз), подземных лессовых склепах (Катартал) и рассмотренных каменных склепах (Ангрен).

---

[7] История таджикского народа, т. 1, М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 185.

[8] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь, стр. 95.

С. К. КАБАНОВ, К. А. ШАХУРИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ВЕРХОВЬЯХ р. КАШКАДАРЬЯ

Река Кашкадарья, прежде чем выйти на обширную равнину древних оазисов Кеша и Нахшеба, проложила свое русло в горах, в разломах Зарафшанского и Гиссарского горных хребтов. Некоторые данные о памятниках, выявленных в горной части бассейна Кашкадарьи (Таджикистан), уже известны в научной литературе[1], но горная часть долины в пределах Узбекистана в археологическом отношении до весны 1963 г. оставалась белым пятном. Возможно, памятники этой части долины, расположенные в 25—30 *км* к северо-востоку от Китаба, еще долго пребывали в полной неизвестности, если бы не одно случайное обстоятельство.

Осенью 1962 г. в ряде республиканских и областных газет Узбекистана появились статьи и заметки любителей-краеведов о библиотеке Улугбека, будто бы хранящейся в специально устроенном подземелье в верховьях Кашкадарьи, в кишл. Хазрет-Башир; эта библиотека якобы была вывезена из Самарканда известным астрономом Али-Кушчи после убийства Улугбека в 1449 г. В исторических источниках не сохранилось никаких данных о судьбе библиотеки Улугбека, однако в публикациях любителей-краеведов была сделана заявка на важное открытие, к которой общественность проявила большой интерес. Необходимо было провести в указанном районе археологическую разведку.

Весной 1963 г. Институт истории и археологии АН УзССР направил в верховья Кашкадарьи небольшой экспедиционный отряд в составе археологов С. К. Кабанова, К. А. Шахурина (научного сотрудника музея истории УзССР), А. А. Аскарова

---

[1] О. И. Смирнова. Археологические разведки в бассейне Зарафшана в 1947 г., «Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции», т. I, МИА, 15, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 79.

и лаборанта А. Н. Кобзева для выявления и изучения памятников, сохранившихся в кишл. Хазрет-Башир и в его окрестностях, а также с поручением выяснить реальность данных, на которых основывались утверждения о сокрытии в этом кишлаке библиотеки Улугбека. На место работ совершили кратковременный выезд научные сотрудники Института востоковедения АН УзССР А. Джуванмардыев и Т. Негматов, чтобы ознакомиться с эпиграфическими памятниками и книгами исторического содержания, которые могли быть найдены у местного населения.

Кишлак Хазрет-Башир находится в месте впадения в Кашкадарью небольшого притока — Юганcая; в этом месте горы как бы слегка расступаются, оставляя место для небольшой возвышенности с крутым и высоким обрывом к Юганcаю, протекающему севернее, и с относительно пологими склонами к Кашкадарье, протекающей южнее. С этой стороны расположен кишлак вдоль по течению реки; вершину возвышенности занимает Ниязтепа, с которого весь кишлак и его окрестности видны, как на ладони.

На южном склоне возвышенности, у ее основания, в вековой фисташковой роще расположено кладбище с каркасным зданием мазара, в котором находится деревянное, довольно грубой работы надгробие над могилой «святого» Хазрет-Башира (в переводе — «его преосвященство провидец»; имя неизвестно). Около юго-восточного угла мазара находится надгробный камень из мраморовидного известняка, почти сплошь покрытый выгравированными надписями преимущественно религиозного содержания; из них две — на торцовых сторонах камня — содержат имя погребенного и дату его смерти. Надписи прочитаны А. Джуванмардыевым и Т. Негматовым. Установлено, что имя покойного — Амир Саид ал Абтари... Джахангир (одно слово не прочитано), умер в 829 г. х. (1426 г.). Судя по богатой отделке камня и надписи, он положен в память феодала — удельного правителя округи во времена Тимуридов.

В самом мазаре, у входа, лежит другой камень с надписью — стихами элегического содержания, без указания имени и даты.

У основания обрыва, на вершине которого находится мазар, рядом с выбивающимся из-под камня мощным родником — искусственная пещера (чилля-хона), предназначавшаяся для сорокадневных молений. В самом кишлаке есть еще развалины мечети (XVIII—XIX вв.).

Основным предметом наших исследований было Ниязтепа. Однако прежде чем приступить к раскопкам этого памятника, надо было попытаться выяснить, насколько реален рассказ о подземелье, в котором якобы спрятана библиотека.

Легенда была основана на рассказе местных жителей — Шамурата Шарипова и Малика Талибова — в возрасте около 70 лет о том, что в детстве они видели, как при постройке стойла для скота был обнаружен колодец, закрытый большим камнем; в этом колодце, по показаниям первого, был обнаружен ход в сторону Ниязтепа, а по воспоминаниям второго, — два хода: один из них вел в сторону мазара Хазрет-Башир, а другой — к Кашкадарье. Ни один из осведомителей не связывал это подземелье с библиотекой Улугбека.

Известно, что сказания о подземных ходах нередки в местностях, где есть древние памятники.

В 1962 г. доцент Самаркандского Государственного Университета А. Э. Хатыпов (по специальности математик) в поисках подземелья заложил «раскоп» в 150 *м* к юго-западу от Ниязтепа, ниже последнего по склону на 40 *м*, по указанию одного из уже названных старожилов — Ш. Шарипова. Этот «раскоп» был нами, с разрешения А. Э. Хатыпова, значительно расширен и углублен до материкового грунта, но признаков каких-либо ходов или колодца с ходами, о которых нам говорили осведомители, не было обнаружено. Найдены лишь остатки каркасных стен в виде крупных камней, которые могли служить основанием для деревянных стоек, две полусгнившие обрушенные балки, а также обломки керамических изделий конца XIX — начала XX в. Нами вскрыта площадка размером в 60 $м^2$, вдвое превышающая площадку, в пределах которой осведомители указывали место искомого колодца с ходами.

Все это говорит о том, что надо исследовать Ниязтепа. Этот памятник, если смотреть на него с юга, воспринимается как двухъярусное в рельефе тепа, однако впечатление оказалось ошибочным: в небольшом раскопе, заложенном на поверхности нижнего яруса, к востоку от Ниязтепа, культурный слой не обнаружен. Основанием для сооружения здания, развалинами которого, как выяснилось после раскопок, являлось Ниязтепа, послужил небольшой округлый в плане бугор, расположенный на высоком обрывистом берегу Юганcая (рис. 1). В плане памятник — слегка вытянутый по оси с северо-запада на юго-восток бугор, куполообразный, сглаженный осадками и ветрами, для которых руины открыты со всех сторон. Длина тепа у основания — около 35 *м*, ширина 30, высота 7 *м*.

Поверхность тепа была разбита на квадраты размером 2×2 *м*² (в плане они обозначены по краю рис. 1); была намечена контрольная полоса шириною в 2 *м* в направлении с севера на юг, проложенная через вершину тепа с тем, чтобы

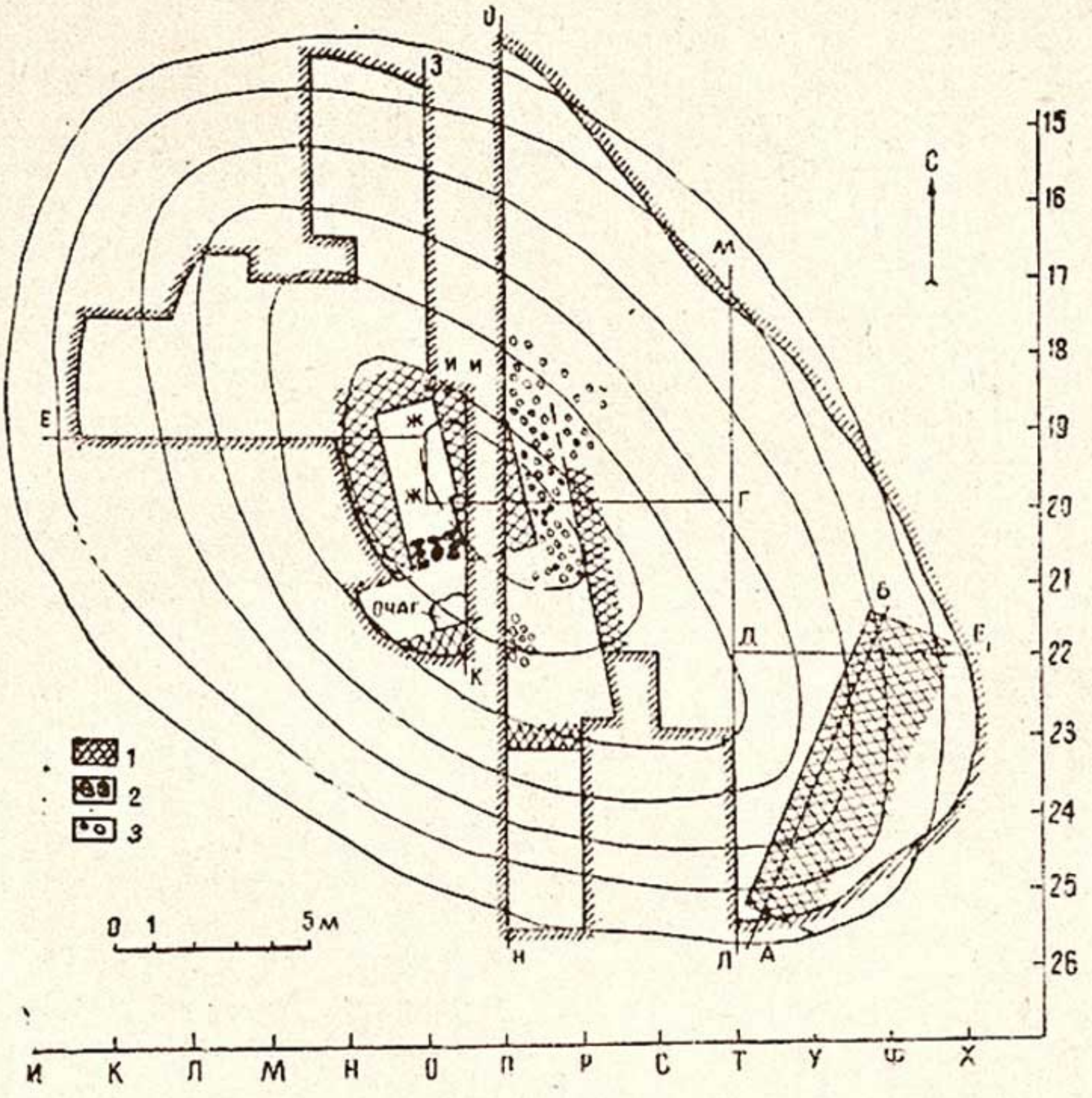


Рис. 1. План раскопа на Ниязтепа:

1—пахсовая кладка; *2*—камни; *3*—галька.

сохранить уровень ее верхней площадки. Раскопки велись одновременно на двух участках: к западу от контрольной полосы — С. К. Кабановым, к востоку — К. А. Шахуриным.

В западной части тепа под дерновым слоем и слоем рыхлой глины серовато-желтого цвета была обнаружена массивная кладка из пахсы (рис. 2, *Ж—Е*). На этой же глубине наметились и очертания помещения, как потом выяснилось, единственного в данном памятнике, которое можно оконтурить полностью. Помещение было заполнено глиной серовато-

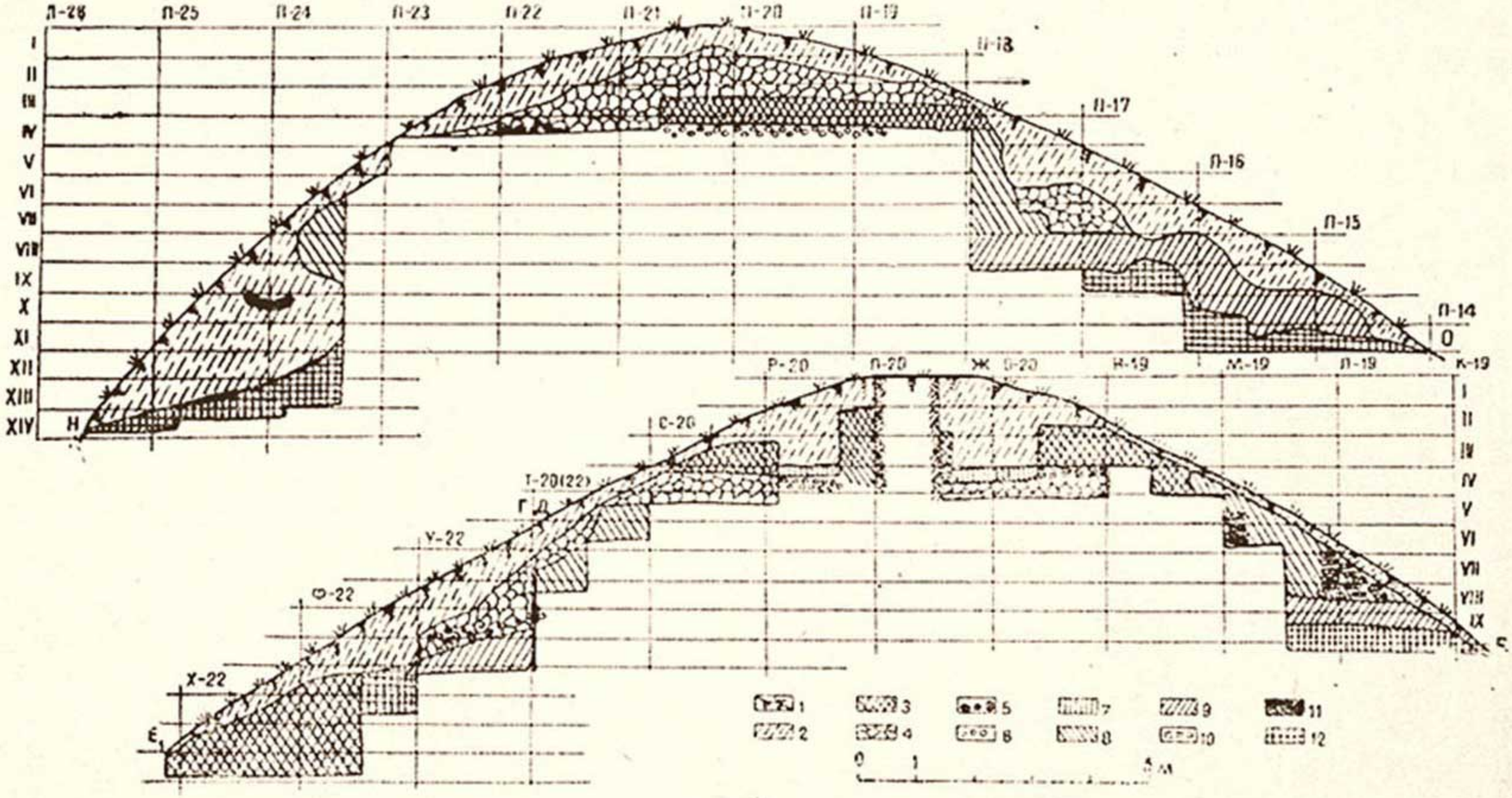


Рис. 2. Основные разрезы раскопа на Ниязтепа:

1—дерновый слой; *2*—рыхлая глина серо-желтого цвета; *3*—пахсовая кладка; *4*—кладка из крупных кусков глины; 5—камни; *6*—галька; *7*—плотная глина с угольками; *8*—уплотненная глина светло-желтого цвета; *9*—глина темно-бурого цвета; *10*—обожженная земля; *11*—зола; *12*—материковый лесс.

желтого цвета, только около самого основания стен обнаружена довольно плотная прослойка глины с угольками, несомненно, — пол помещения; под полом — кладка из плотных комков пахсы. На уровне пола в пахсовой кладке стены помещения обнаружен один ряд сырцового кирпича размером 47 × ? × 8 *см* — видимо, прямоугольный ранне-средневековый кирпич.

Длина помещения — 2,8 *м*, ширина — 1,6 *м*, стены сохранились в высоту на 90 *см*. Дверной проем, почти равный ширине комнаты, был устроен в южной стене и соединял помещение с коридором или другим помещением, стены которого выявлены уже на грани выклинивания. На полу сохранившейся части этого второго помещения обнаружено пятно обожженной земли, видимо, от очага. Оба помещения в последний период пользования ими разделены кладкой из крупных камней, положенных у входа первого из них.

От помещения раскоп был расширен вниз по склону в западном и северном направлениях (рис. 1). Внешние поверхности стен не обнаружены несмотря на то, что их пахсовую кладку можно было проследить в ширину до двух *м*. В глубину эта пахсовая кладка сохранилась пластом толщиною до 1,2 *м*. Под пахсой в обоих направлениях (к западу и северу от помещения) обнаружен слой светло-желтой глины с включением кладок из небольших блоков темно-бурого, средней плотности грунта, местами в разрезе имеющих вид правильной кирпичной кладки; четкой формовки этих блоков не было: в горизонтальных разрезах они выявляются как комья. Толщина этого слоя, подстилавшего пахсовую кладку, местами достигает 2 *м*. Ниже, уже на материковом лессе, выявлена прослойка толщиною до 50 *см*, состоящая из такого же грунта темно-бурого цвета, который выше представлен лишь в виде комьев, включенных в светло-желтую глину.

На глубине 4—4,5 *м* от вершины тепа обнаружен материковый лесс естественной возвышенности, на которой было построено здание. Бугор, видимо, был неправильной округлой формы, поэтому при закладке фундамента к нему делали накладки из глины; такая накладка с закругленной внутренней поверхностью выявлена в северной части раскопа у основания тепа, над обрывов к Юганскаю.

Перейдем к описанию вскрытия восточной части тепа (к востоку от контрольной полосы, см. рис. 1).

На уровне пола помещения, вскрытого в западной части тепа, обнаружен пол коридора, который отделен от первого мощной пахсовой стеной толщиною в 1,85 *м*. Ширина коридора всего 1,05 *м*. С восточной стороны коридор также ограничен пахсовой стеной, сохранившейся в высоту до 50 *см* и в длину

примерно в 5 *м;* толщина этой стены уже не восстанавливается. Ориентировка коридора совпадает с ориентировкой помещения — вытянутость с севера на юг со смещением против часовой стрелки. Пол коридора устлан мелкой галькой, на нем обнаружены следы кострищ.

Ниже по склонам в восточном и северном направлениях от коридора не видно четких конструктивных элементов; здесь прослеживаются оплывы, состоящие из светло-желтой и темно-бурой глины, кусков пахсы, т. е. по составу те же элементы субструкции здания, что и в западной части, но не в горизонтальном, а в наклонном залегании (рис. 2, E_1—$Г$) Здесь же встречаются кострища, камни. Подобное залегание и состав наслоений к востоку от коридора объясняются, по-видимому, тем обстоятельством, что здесь был пандус — подъем к зданию, плохо сохранившийся, покрытый осыпавшимися частями субструкции.

Совсем неожиданно, уже на уровне материкового лесса, в юго-восточной части тепа, у его основания, была обнаружена плотная глинобитная платформа с ровной заглаженной поверхностью; обнаруженные боковые поверхности также заглажены и четко отделяются от прилегающих завалов. Длина платформы 8,4 *м,* высота с внутренней стороны сохранилась на 1,75 *см,* толщина прослежена на 3,3 *м.* Платформа эта на 3 *м* ниже уровня пола здания, развалины которого обнаружены на вершине тепа и, надо полагать, не имеют к нему никакого отношения; принять ее за накладку, которая укрепляла основание здания, нельзя, так как в других местах, как уже указывалось, такие накладки были обнаружены; они менее плотны, более темного цвета, в них нет четко отделяющихся поверхностей. Это, видимо, остатки существовавшего здесь до постройки здания другого, более древнего сооружения.

Нами описаны в общем незначительные конструктивные остатки, вскрытые при раскопках. Рассмотрим теперь немногочисленные находки керамических изделий.

Большая часть сосудов найдена в мелких обломках, однако некоторые из них удалось восстановить полностью. При изготовлении сосудов преобладала техника ручной лепки из глины слабого (кострового) обжига; в глине — значительная примесь мелко дробленного кварцитового сланца и известковых включений (по определению Н. С. Гражданкиной). Ангоб сероватого цвета, очень тонкий, сквозь него проступают чешуйки сланца.

Почти полностью сохранились только два сосуда — узкогорлый кувшинчик и курильница. Кувшинчик (рис. *3, 4)* почти шаровидный, с крутыми плечиками, с легкой вытяну-

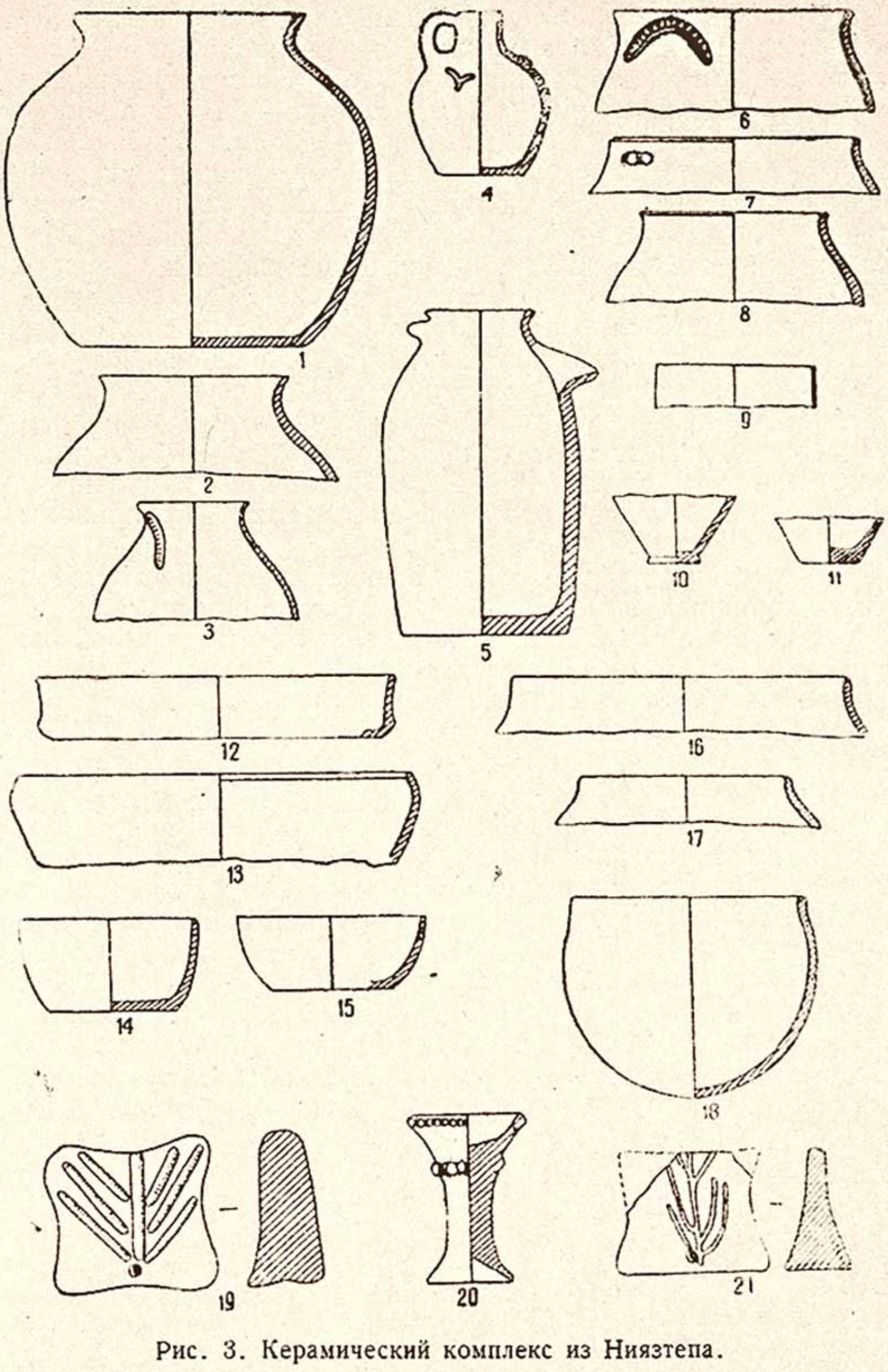


Рис. 3. Керамический комплекс из Ниязтепа.

тостью к плоскому неровному дну. Горлышко цилиндрическое, очень узкое, ручка кольцевидная, круглая в срезе. На плечиках три налепа в виде рогов козла, расположенные через одинаковые интервалы таким образом, что средний из них находится против ручки. Высота сосуда — 14 *см,* диаметр корпуса — 11, устья — 4 *см,* донышка — 7,3 *см.* Ближайшая аналогия описанному сосуду — узкогорлые кувшинчики, найденные в средней части долины Кашкадарьи в наслоениях Малого Кызтепа[2] III—V вв., а также в соседней долине Магиандарьи в развалинах Калаи-муг[3], относящихся к V в. н. э.

Найдена курильница на высоком стержне, довольно грубой лепки (рис. 3, *20);* относительно хорошо сформована в виде чаши верхняя рабочая часть сосуда, украшенная снаружи, по краю и у основания каймой шиповидных налепов. Подставкой сосуда служит утолщенная часть стержня с неровным выемом на нижней поверхности. Высота сосуда — 15 *см,* диаметр чаши — 10, подставки — 7 *см.* Подобные курильницы широко распространены, ближайшая аналогия — курильницы из Джангальтепа, III—V вв.[4]

Реставрирован также сосуд в виде очень вытянутой в высоту кринки. (рис. 3, *5).* По своей форме он близок к цилиндру со слегка суженной верхней частью и широким горлышком. Края устья слегка отогнуты наружу, на слабо выраженных плечиках сделано отверстие со сливом; против слива — выступ, рудимент ручки. Высота сосуда — 27 *см,* диаметр устья — 10, корпуса — 17 *см.* Толщина стенок — 1 *см,* в днище — до 1,8 *см.*

Описанный сосуд относится, видимо, к типу кринок, широко известных в раннесредневековых памятниках Согда[5], однако это изделие домашней работы сильно отличается от ранее известных сосудов этого вида грубостью изготовления, а также сильной вытянутостью.

В крупном фрагменте сохранился сосуд в виде миски с прямыми стенками и плоским дном (рис. 4, *14).* Обжиг — неравномерный, в глине большая примесь шамота.

Почти полностью восстановлен большой котел из глины слабого обжига (рис. 3, *1).* Стенки сосуда относительно тон-

---

[2] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI вв., СА, 1963, № 1, стр. 221, рис. 2, *27—29.*

[3] Б. Я. Ставиский. Археологические работы в бассейне Магиндарьи в 1957 г., сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», вып. V, Душанбе, 1959, стр. 78, рис. 7.

[4] С. К. Кабанов. Указ. статья, стр. 221.

[5] Б. Я. Ставиский. Указ. статья, стр. 76—77.

кие, ровные, возможно, при его изготовлении применялся ручной гончарный круг. Корпус — объемистый, почти шаровидный, дно — плоское, горловина — суженная. Высота сосуда — 28,5 *см.*, диаметр корпуса — 34, устья и дна — 24 *см.*

Другой котел, также восстановленный полностью, отличается от первого круглодонностью и относительно широким устьем (рис. 3, *18*). У края устья снаружи сохранился один выступ — упор; видимо, их было два или три. Высота сосуда 18 *см*, диаметр устья 20,5, толщина стенок — до 0,8 *см*. Этот сосуд по своей форме выпадает из комплекса находок раннесредневекового времени; вероятно, эта керамическая форма — признак более древнего культурного слоя.

Другие сосуды лепной работы встретились лишь в мелких фрагментах; один из признаков их — ручки котлов в виде подковообразных накладок (рис. 3, *6*); неожиданной оказалась находка нескольких фрагментов сосудов явного гончарного брака.

Находки фрагментов сосудов станковой работы очень немногочисленны: наиболее характерен обломок кубковидной чаши (рис. 3, *10*), широко распространенный в памятниках Согда V—VII вв.[6] Найден также обломок кубка более древней формы (рис. 3, *9*).

К описанному комплексу, который в широких хронологических рамках может быть датирован III—VII вв. (за исключением круглодонного котла и фрагмента кубка), относятся и две очажные подставки, каждая из которых украшена по обеим сторонам схематическими изображениями веток (рис. 3, *19, 21*).

Кроме раскопок на Ниязтепа, были проведены и археологические разведки в окрестностях кишл. Хазрет-Башир. Специальную задачу выявления и обследования памятников доклассовых обществ принял на себя А. А. Аскаров. В результате интенсивных двухнедельных поисков ему удалось обнаружить лишь один памятник, содержащий элементы культуры каменного века. В пещере Шейх-Хаваль-II, находящейся примерно в 2 *км* к северо-западу от кишл. Хазрет-Башир в шурфе, заложенном в пещере, был найден скребок и пять отщепов, относящихся к позднему палеолиту. В верхних наслоениях были обнаружены фрагменты керамики VIII—IX вв.

Признаки культуры эпохи бронзы в горах, окружающих кишл. Хазрет-Башир, вообще не были выявлены, однако попутно А. Аскаров обследовал некоторые памятники, отно-

---

[6] С. К. Кабанов. Указ. статья, стр. 223.

сящиеся к более поздним эпохам. Так, при обследовании одного из обнажений, примерно в 1-м *км* к западу от кишлака, возле дороги, он нашел фрагмент кубка с красным лощением, который можно отнести к первым векам до н. э. Позднее это место было обследовано нами. К северу от обрыва, осмотренного А. Аскаровым, по распаханному, довольно пологому склону были найдены фрагменты керамики, тонкостенной, красноангобированной, а также фрагменты котлов лепной работы. Несомненно, что здесь было древнее поселение, свидетельствующее о том, что эта часть долины Кашкадарьи была обжита в первые века до н. э.

Вслед за А. Аскаровым мы осмотрели памятники горного урочища Сарфарос, находящегося вверх по течению Кашкадарьи, к востоку от кишл. Хазрет-Башир. Самым дальним из них (примерно в 10 *км* восточнее названного кишлака) было Манзаддахшахтепа. Это небольшое, прямоугольное в плане тепа; протяженность с севера на юг — 18 *м*, с запада на восток — 22 *м*, высота до 3—5 *м*, в зависимости от рельефа площадки, на которой воздвигнуто это укрепление. У подножья тепа со всех сторон, кроме обрывистой южной, расположена площадка шириной до 20 *м*. Весь тепа порос густой травой, подъемной керамики почти не было, кроме нескольких фрагментов сосуда лепной работы, по которым датировать его невозможно.

Примерно в 3-х *км* западнее вышеописанного памятника находится второй — Малик-шах-тепа — укрепление, возведенное на выступе, возвышающемся над Кашкадарьей. Этот тепа — подпрямоугольный в плане, с относительно возвышенной северо-западной частью и очень пологим южным склоном. Высота — 9—10 *м*, протяженность с востока на запад — 32, с севера на юг — 20 *м*. Найдено несколько малохарактерных фрагментов сосудов лепной работы.

Третий тепа в урочище Сарфарос — Камаль-шах-тепа, — расположено в 5—6 *км* к востоку от кишл. Хазрет-Башир. Этот тепа также занимает вершину естественного бугра; культурный слой его, судя по рельефу, не превышает 2-х *м*. В плане тепа прямоугольный, протяженностью примерно 40 *м* с севера на юг, и 45 — с запада на восток; местами оно сливается со склонами возвышенности. На поверхности найдено несколько фрагментов керамики, среди которых наиболее характерны крышки довольно грубой работы, но с орнаментированной верхней поверхностью; они напоминают собой крышки сосудов XI—XII вв.; при изготовлении применялся штамп. Эта находка показывает, что осмотренные памятники — не очень древние; скорее всего это были укрепления домонгольского периода, имевшие чисто хозяйственное

назначение — служить жилищем для пастухов и воинов, охранявших стада в летнее время.

Таким образом, выяснено, что в пещере Шейх-Хаваль II, расположенной высоко над Юганcаем, встречаются признаки наслоений эпохи палеолита; здесь возможно проведение стационарных археологических раскопок. Поиски наслоений этого же времени возможны и в расположенной рядом более крупной пещере Шейх-Хаваль I.

Памятники эпохи бронзы не обнаружены; возможно, они не сохранились из-за непрерывного использования в течение длительного времени очень ограниченных поливных земель, годных для земледелия.

Земледельческое освоение горной части долины установлено для времени, близкого к началу нашего летоисчисления. Возможно, что на возвышенности, где нами исследованы остатки здания III—VII вв. (Ниязтепа), существовало более древнее сооружение, признаком которого можно считать глинобитную платформу у основания тепа, а также фрагменты круглодонного котла и кубка.

Вскрытый замок по своему положению и назначению очень напоминает уже известный нам на горе Муг; последний также был построен среди гор, с большим обзором окрестностей. Предназначался он, видимо, для временного пребывания одного из местных феодалов в летнее время: для постоянной жизни он был не удобен, так как воду и все необходимое нужно было доставлять на крутую возвышенность. Попутно следует отметить, что у входа в горную часть долины, около кишл. Варганза, находится четко выраженный в рельефе, прямоугольный в плане крупный искусственный бугор; возможно, что именно здесь в будущем следует искать постоянную резиденцию согдийского владетеля.

В самом кишл. Хазрет-Башир совсем не обнаружены признаки обитания в IX—XII вв. Позднее, уже при Тимуридах, здесь, надо полагать, был центр небольшого феодального владения, о чем свидетельствует отмеченный выше надгробный камень первой половины XV в. у здания позднего мазара.

Для того, чтобы исчерпать вопрос о мнимой перевозке библиотеки в район кишл. Хазрет-Башир, необходимо дать еще небольшое разъяснение. Предполагается, что Али-Кушчи направился с библиотекой в этот район потому, что сам был оттуда родом. Основанием для этого предположения явилось грубое искажение названия одного из соседних кишлаков: вместо Кутчи, как в действительности называется кишлак, расположенный примерно в 3 *км* к западу от кишл. Хазрет-Башир, увлеченные любители стали называть его «Кушчи». Между тем, название этого кишлака издавна известно как

«Кутчи»[7]. В этом кишлаке А. А. Аскаров обнаружил еще одну чилля-хона. Наконец, не находит своего подтверждения и сам факт поспешного бегства Али-Кушчи после смерти Улугбека из Самарканда. Известно, что Али-Кушчи еще в 1470 г., т. е. через 21 г. после смерти Улугбека, владел домом в Самарканде[8]. Из Самарканда Али-Кушчи уехал только в 1471 г. Это указание содержится в книге «Машагири-ислам»— литографии, изданной в Стамбуле и хранящейся в фондах Института Востоковедения Академии Наук УзССР[9].

Известно, что Али-Кушчи после отъезда из Самарканда жил около двух лет в Тебризе, а затем, с родственниками и свитой, прибыл в Стамбул[10], где и умер в 1474 г. Все эти факты никак нельзя увязать с представлением о бедном изгнаннике, который увез горными тропами библиотеку Улугбека.

Таким образом, вопрос, заинтересовавший широкую общественность, получил негативное решение. Однако надеемся, что нами сделан положительный вклад в дело изучения памятников одного из горных районов области Кеша.

---

[7] А. А. Куи. Очерки Шагрисебзского бекства, «Записки РГО», Отделение этнографии, т. VI, СПб., 1880, стр. 206; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 1, под ред. С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзона, Н. А. Кислякова, М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 275.

[8] О. Д. Чехович. Из источников по истории Самарканда XV в., Сб. «Из истории эпохи Улугбека», Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1965, стр. 350.

[9] Инв. № 15014. Указанием на книгу и на факт отъезда Али-Кушчи из Самарканда в 1471 г. авторы обязаны научному сотруднику Института Востоковедения А. Насырову.

[10] А. Ирисов, А. Носиров, И. Низомиддинов. Ўртаосиёлик қирқ олим, Тошкент, 1961, 84-бет.

И. АХРАРОВ

КУХОННАЯ КЕРАМИКА ФЕРГАНЫ IX– вв.

Среднеазиатская кухонная керамика эпохи средневековья с ее разновидностями форм и орнаментов не изучалась как обособленная группа керамических изделий, раскрывающих многие стороны быта того времени. Между тем среди керамических материалов, добываемых при археологических раскопках, какую-то часть всегда составляет кухонная керамика. До сих пор отсутствует хронологическая классификация форм и орнаментация этих керамических изделий[1]. Поэтому руководитель Кувинского археологического отряда проф. Я. Г. Гулямов поставил перед участниками экспедиции задачу: специально изучить кухонную керамику Ферганы. Многие образцы кухонной керамической посуды[2] были подвергнуты химико-технологическому анализу.

Исследованиями выяснено, что основным материалом для котлов служили лесс и дробленный известняк. Например, некоторые ахсикетские котлы содержат 49% лесса, 51% известняка, а в некоторых кувинских котлах лесс составляет 70%, а известняк — 30%[3].

---

[1] В археологической литературе хронологическая классификация поливной и неполивной керамики отражена еще далеко не полно и не для всех районов Средней Азии.

[2] Анализы сделаны сотрудниками лаборатории археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР под руководством канд. техн. наук Н. С. Гражданкиной.

[3] Еще в 1950 г. В. И. Ездаковым были подвергнуты химико-технологическому анализу самаркандские кухонные керамические изделия, найденные в Афрасиабе. См. В. И. Ездаков. Об изготовлении жаростойкой посуды в древнем Самарканде, журн. «Природа», М., Изд-во АН СССР, № 8. 1951, стр. 74. Ф. А. Бурнашева в специальной работе, посвященной химико-технологическому методу изучения котлов, не упоминает о работе В. И. Ездакова, как о работе, проделанной до нее, по данному вопросу. См. Ф. Бурнашева. К вопросу использования химико-технологических

Проведенные химико технологические исследования котлов позволяют, по заключению Н. С. Гражданкиной, утверждать, что котлы, состоящие из смеси лесса и дробленного известняка, могли быть использованы для приготовления пищи с доливанием холодной воды во время варки, но при условии, что температура нагрева котлов не должна была превышать 500°, что вообще соответствует бытовым условиям.

Как известно, керамическая (глиняная) посуда почти всех видов в той или в иной степени жаростойка. Она выдерживает медленный, постепенный нагрев до 200—300° и последующее равномерное охлаждение. Однако при варке пищи могла нарушиться постепенность нагрева котлов, поэтому состав кухонной керамики не был идентичным материалу керамических изделий, имеющих другое назначение в быту. Произведенные анализы определили не только состав теста кухонной керамической посуды средневековой Ферганы, но и пригодность ее для варки пищи.

Кухонные керамические изделия IX в. почти не отличаются по форме и орнаментации от кухонной посуды X в., поэтому мы рассматриваем их вместе. Однако это не означает отсутствия каких-либо своеобразных черт, характеризующих кухонные изделия IX и X вв. Например, лепная посуда в IX в. была распространена больше, чем в X в., стенки сосудов IX в. толще. В котлах X в. мы видим круговой выем венчика для устойчивости крышки, а в котлах IX в. он встречается редко. Орнаментальные мотивы кухонной посуды X в. в основном растительные и геометрические. В IX в. они более архаичны (стилизованные лепные изображения козлов, архаров, змей, каких-то знаков и т. д.).

Кухонные керамические изделия IX—X вв. немногочисленны по своим видам: в основном это котлы, сковороды, кумганы и др.

Почти все котлы, в фрагментах или целые, покрыты снаружи копотью, причем характерно, что днище чистое, а копоть появляется на некотором расстоянии от дна. Причиной этого была, видимо, система очага, где котел своим дном непосредственно стоял на раскаленных углях, а стенки его обволакивались дымом. В некоторых котлах на внутренних стенках обнаружены остатки пищи в виде кожицы пшеницы, прилепившейся к стенкам сосуда.

Следует отметить некоторые характерные черты, свойственные всем типам котлов: серовато-красный ангоб снару-

---

методов при изучении бытовой керамики (котлов) средневековья. История материальной культуры Узбекистана, вып. 4, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1964, стр. 168.

жи, а иногда и внутри. Стенки лепной посуды с обеих сторон сглажены мягким материалом (хлопчатобумажным или шерстяным) еще тогда, когда сосуд был сырой. Иногда на дне котла встречается песок. Стенки сосуда к венчику и донцу утончаются, в то время как середина тулова и часть, ближняя к донцу, утолщаются.

По размерам и вместительности котлы разнообразны: большие, средние и маленькие. Установлено пять типов.

Первый тип — лепные и станковые котлы горшкообразной формы (рис. 1, *а, б*).

Второй тип — котлы сферической формы, лепные или станковые (рис. 2, *а, б*).

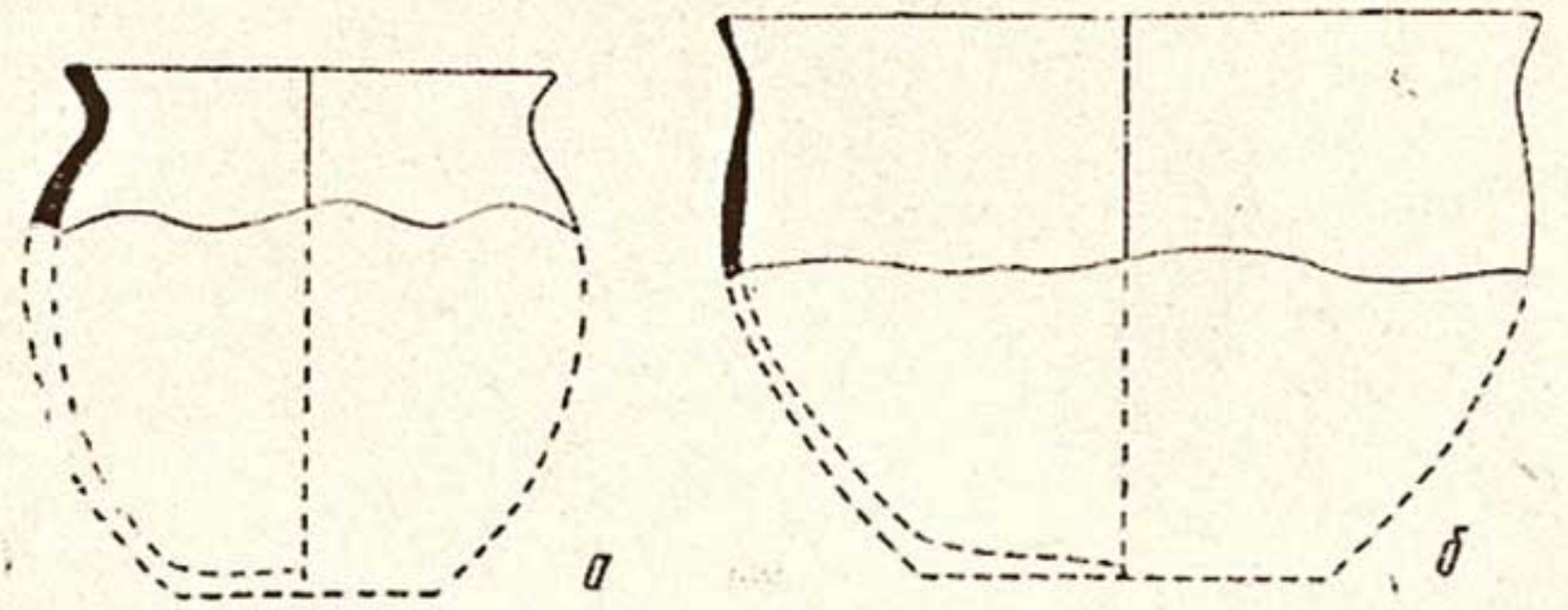


Рис. 1. Образцы кухонной керамики Ферганы IX—X вв. (*а, б*)

Третий тип — котлы шаровидной формы, с плавно расширяющейся кверху горловиной, заканчивающейся утонченным венчиком, загнутым снаружи (рис. 3).

Четвертый тип — котлы по форме приблизительно сфероидальные, со срезанным сегментом, двусторонним венчиком, небольшим кольцевым донцем. На таких котлах встречается круговой орнамент, а также выпуклый след «ножки курицы», являющийся как бы орнаментом, а возможно, представляющий собою какой-то знак, связанный с культом петуха. Котлы эти имеют широкий плоский венчик, на поверхности которого круговой выем для опоры края крышки (рис. 4).

Пятый тип — котлы шаровидной формы с крутыми плечиками, от которых резко поднимается расширяющаяся кверху короткая горловина, заканчивающаяся слегка отмеченным венчиком. По нашей реконструкции, они имели плоские донца (рис. 5. *а, б*).

Котлы четвертого и пятого типов сделаны на гончарном круге.

В слоях земли, относящихся к IX—X вв., найдено еще несколько сотен фрагментов от котлов, у которых нет ни вен-

чиков, ни донца, но зато в их стенках около плечиков имеются подковообразные ручки (рис. 6). Поверхность последних иногда украшается поперечными черточками.

Встречаются фрагменты кухонных кувшинов, так называемые кумганы, у которых снаружи видны украшения в виде петли (рис. 7. *а, б*).

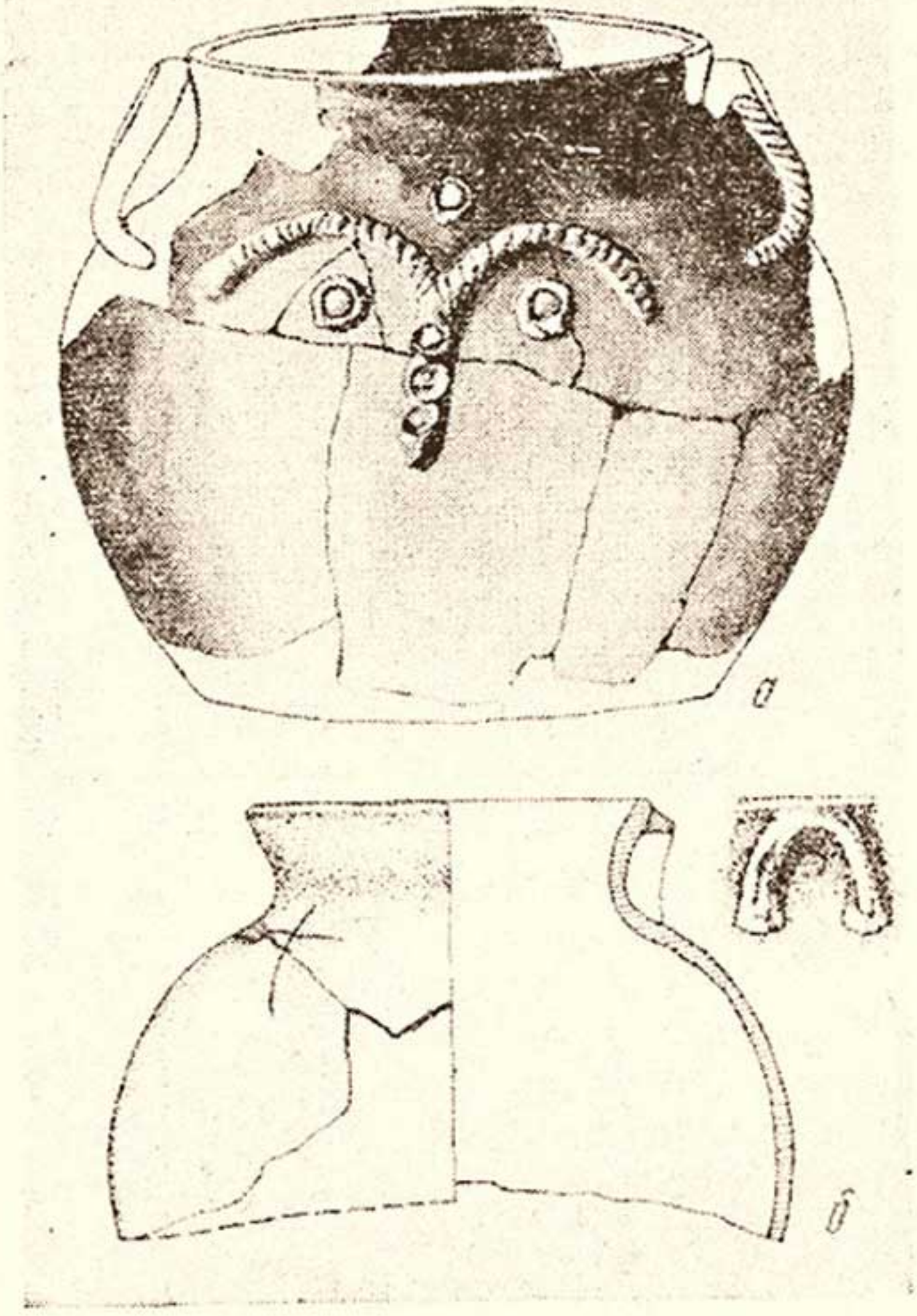


Рис. 2. Второй тип кухонной керамики.

Кухонные кумганы (чайджуши) предназначались для кипячения воды. На некоторых таких кувшинах на поверхности ручки около венчика расположены украшения в виде змей (рис. 7, *б*). Иногда на ручках мы наблюдаем налепные лепешечки.

Сковороды встречаются редко. В основном они малого размера, с невысокими бортиками, отличаются массивностью,

бо́льшей толщиной донца и бортов по сравнению с другими видами кухонной посуды IX—X вв. Таковы основные керамические кухонные сосуды IX—X вв., известные нам.

При всей разнотипности котлов в целом бросается в глаза два основных вида: горшковидные и шаровидные или котлы с округлым туловом. Котлы того и другого вида следует характеризовать как котлы закрытой формы, т. е. горло их и венчик сужены, иногда есть и крышки. Такая форма приспособле-

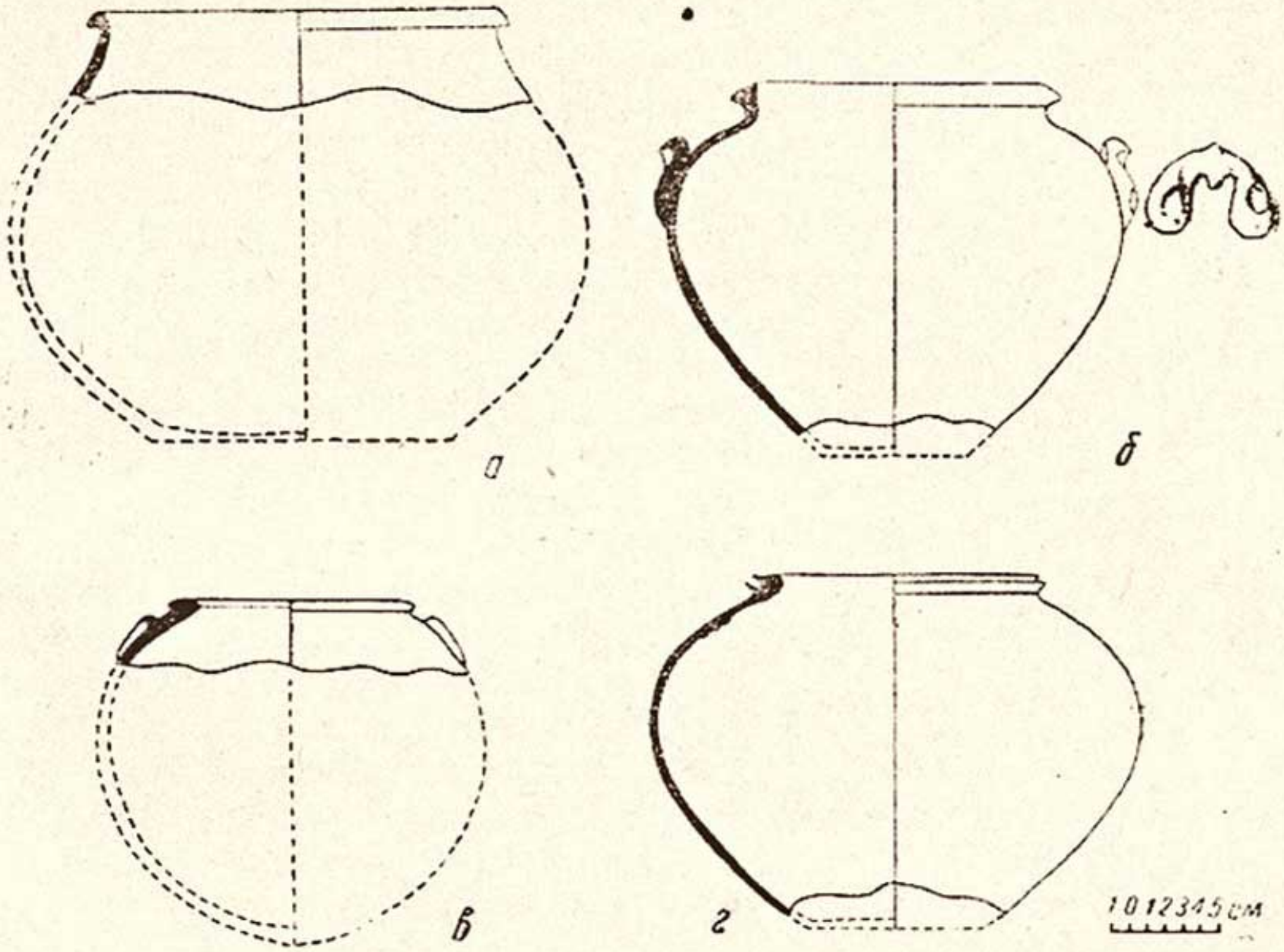


Рис. 3. Третий тип кухонной керамики.

на, главным образом, для варки жидкой пищи. В таких котлах можно варить и густую пищу. Изредка встречаются котлы более открытой формы (рис. 1, *а, б;* рис. 4), приспособленные для варки густой пищи.

Емкость котлов IX—X вв. в основом рассчитана на небольшую семью — из 3—5 чел., но есть и большие — на 8—10 чел.

Аналогичные котлы обнаружены археологами, которые вели археологический надзор во время строительства Большого Ферганского канала[4].

---

[4] Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве БФК, «Труды Ин-та истории и археологии», т. IV, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1951, стр. 102; В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда, там же, стр. 64 и др.

А. Н. Бернштам, изучавший киргизскую часть Ферганской долины, Чуйскую и Таласскую, также отмечает находки кухонных изделий. Например, в одной из своих работ он приводит рисунки двух шаровидных по форме котлов[5]. Описания этих котлов автор не дает, датирует их X—XII вв. Эти котлы своей шаровидной формой, круглым дном и двумя ручками вблизи венчика (при этом венчики грубые, очень невыразительные) совпадают с нашими котлами (рис. 6). Следовательно, на наш взгляд, их можно датировать X в.

В Самарканде котлы обнаружил В. Л. Вяткин. Он отмечает, что они «имеют довольно закругленное, плоское дно, несколько выпученные бока...». Однако ничего определенного об их датировке автор не говорит[6]. Там же, в Самарканде, котлы IX—X вв., подобные нашим, обнаружил А. И. Тереножкин[7].

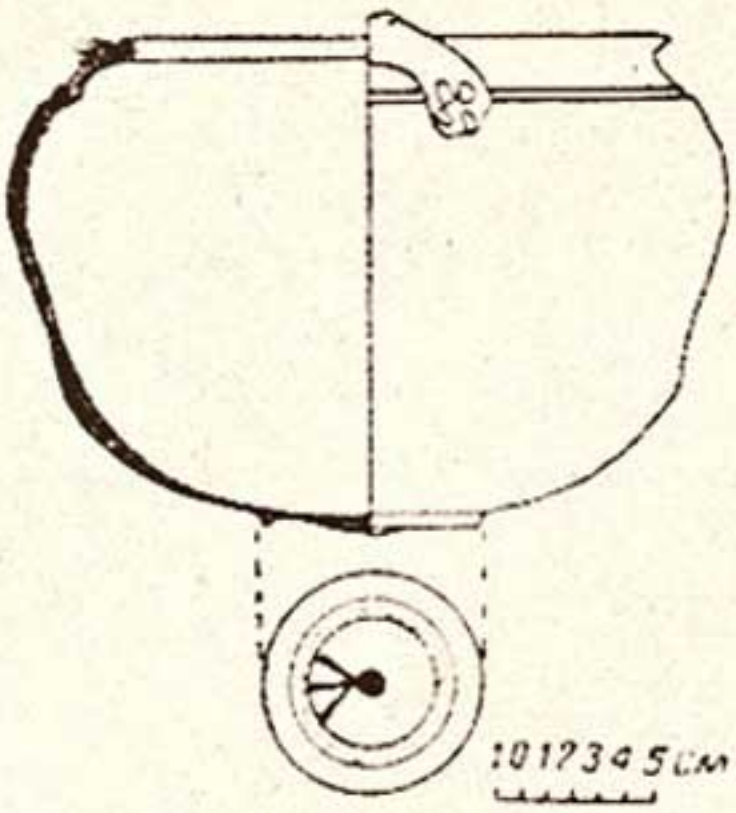


Рис. 4. Четвертый тип кухонной керамики.

Кухонные изделия найдены также в Хорезме. Н. Н. Вактурская называет их кухонными горшками. На наш взгляд, описываемый ею сосуд скорее всего является котлом[8]. Характерная черта горшкообразных котлов Хорезма—наличие широкой но невысокой прямой шейки, узких округлых плеч, слегка выпуклого, суживающегося ко дну корпуса и плоского дна. Такими же чертами отличаются и наши котлы IX—X вв. (рис. 2, *а*; рис. 3, *б*). Н. Н. Вактурская датирует отмеченные выше хорезмские горшки IX—X вв.

Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич описывают котлы, обнаруженные при раскопках поселений и городов Южного Казахстана. Они отмечают у них шаровидное тулово, полусферическое дно и две полуовальные ручки около закраины. Однако их иллюстрации авторы не приводят[9].

---

[5] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, № 14, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 156, табл. XXIX, 3, 4.

[6] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб былого Самарканда, Ташкент, Изд-во «Главнаука» Наркомпроса УзССР, 1927, стр. 36—37.

[7] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, вып. 23, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 153—154.

[8] Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), Труды Хорезмской археологоэтнографической экспедиции, т. IV, М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 284—285, рис. 3, 4, стр. 279.

[9] Е. И. Агеева и Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии», т. V, Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1958, стр. 192.

Что касается других видов кухонных изделий (кувшины, сковороды IX—X вв.), каких-либо аналогий в литературе нами не встречено.

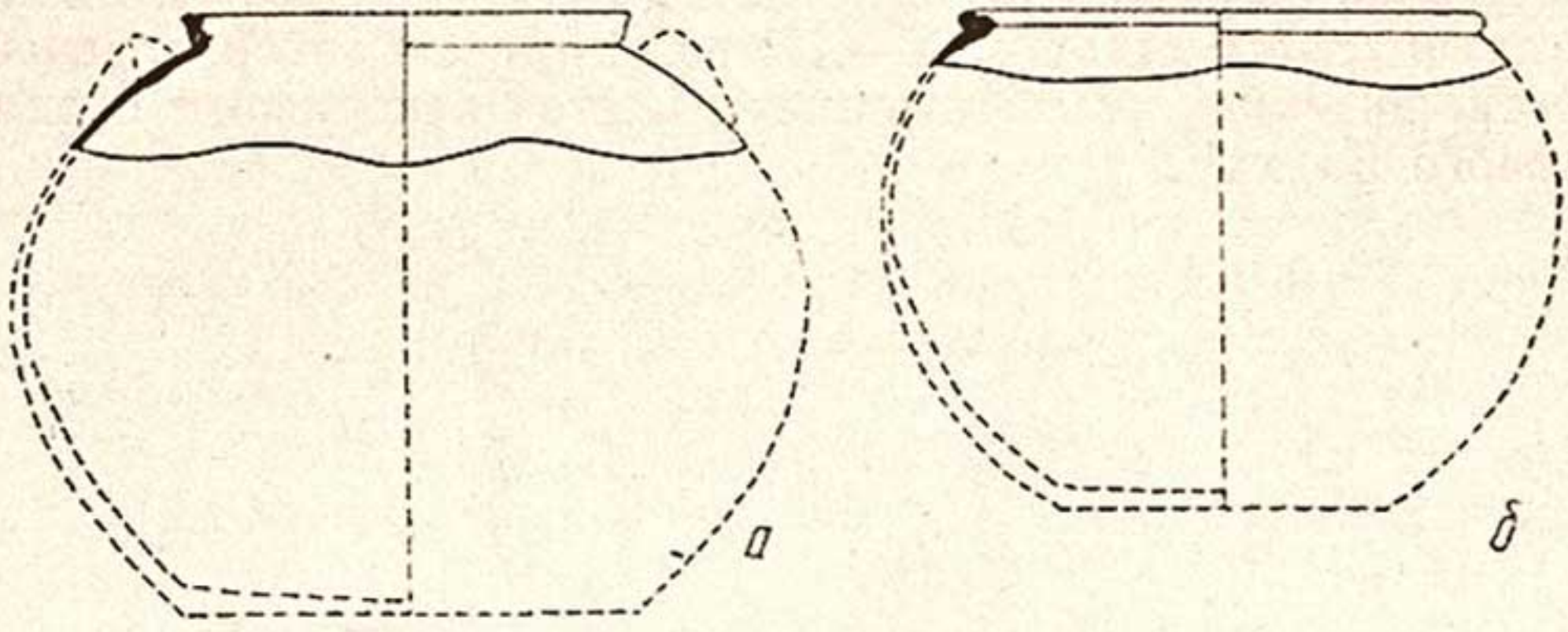


Рис. 5. Пятый тип кухонной керамики.

Кухонная керамика, как правило, очень мало орнаментирована. Это и понятно: специфика применения таких сосудов в быту не вызывала необходимости украшать их.

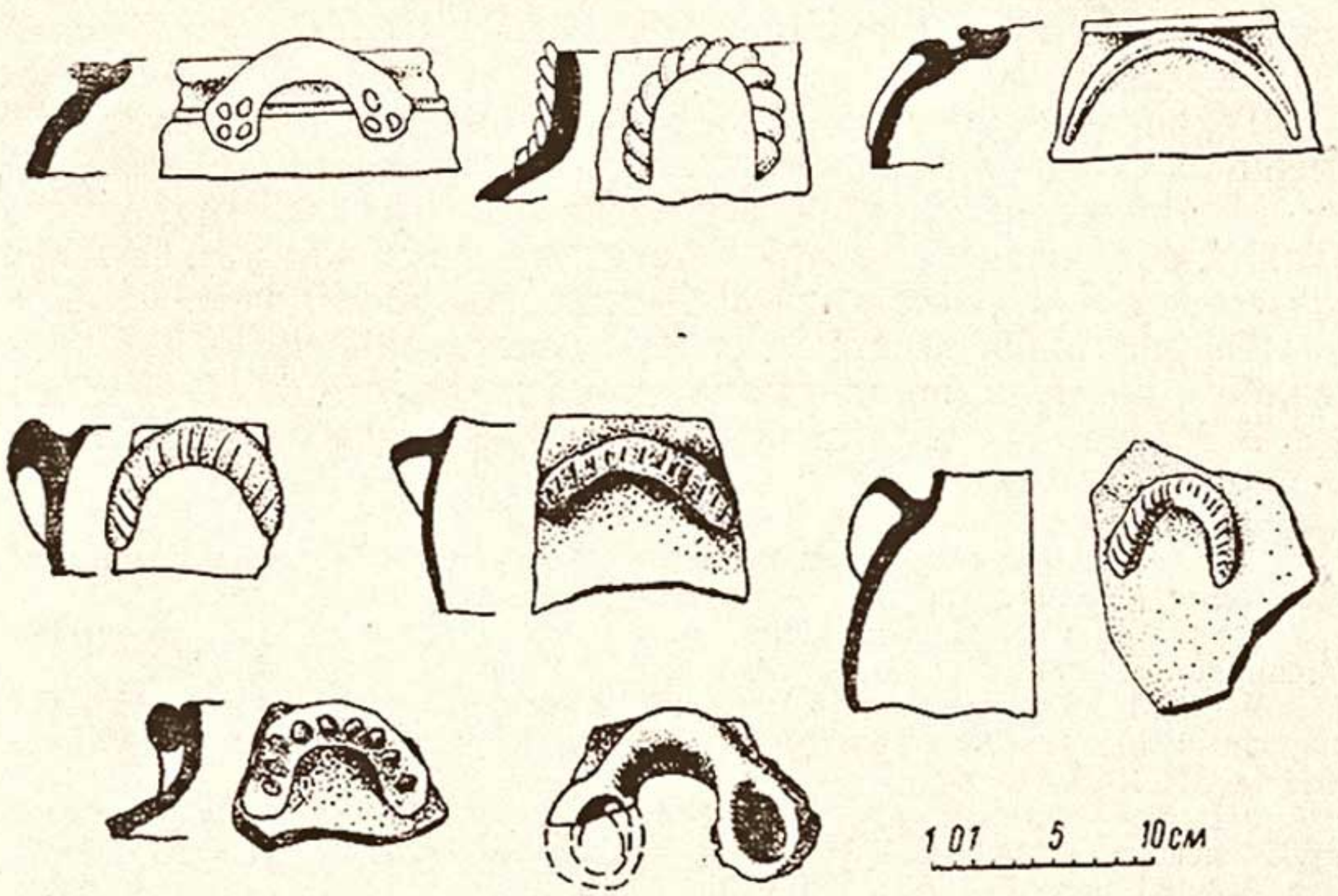


Рис. 6. Ручки кухонных котлов.

Орнамент кухонных изделий IX—X вв. представляет собой изображение отдельных частей тел животных, геометрические линии, штрихи или маленькие налепы-лепешечки.

Интересно отметить стизилованное изображение головы архара (рис. 2, *а*). Рога выполнены техникой «барботин». Точно такое же изображение, но более реалистичное, чем наше, было обнаружено на котле в одном из тепа Афганистана, датируемого автором X—XII вв.[10], причем автор отмечает, что аналогичное изображение имеется в керамике средневекового Балха[11].

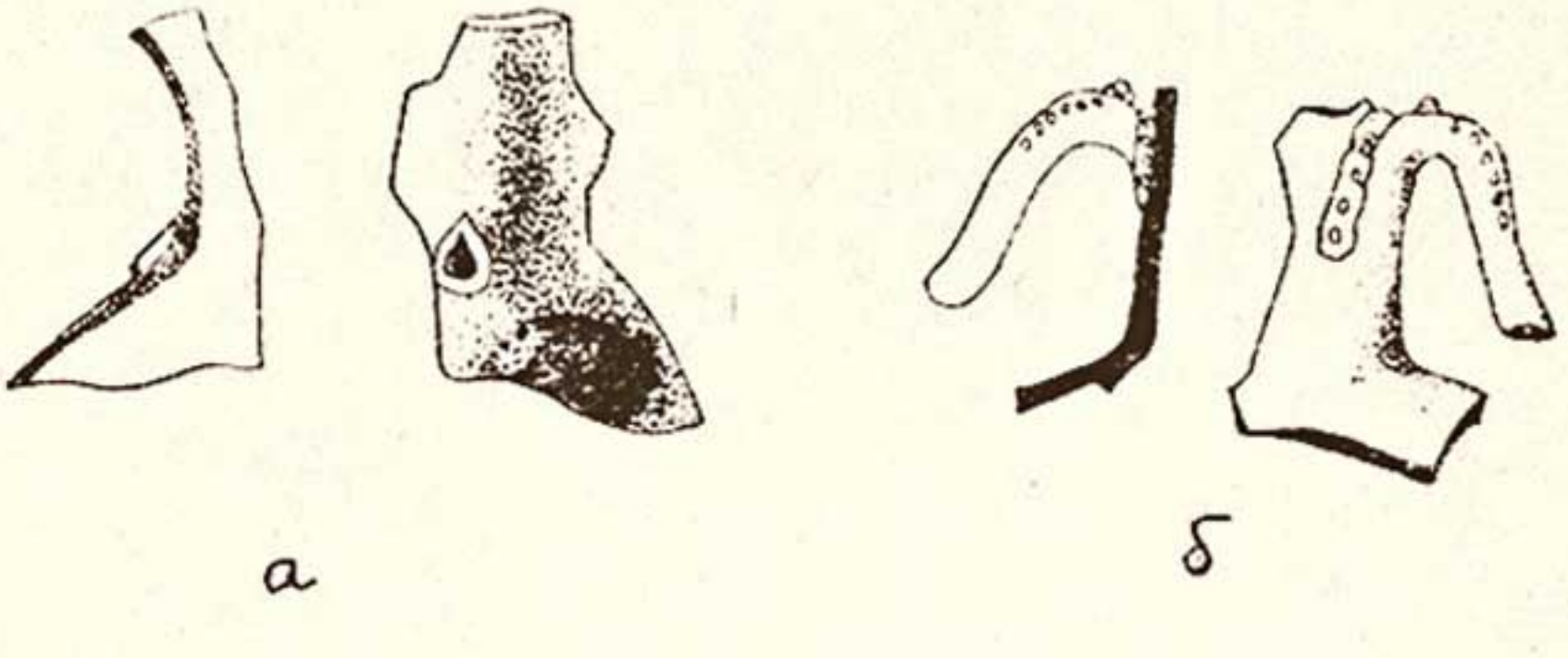


Рис. 7. Кумганы.

Изображение рогов барана характерно для археологических материалов Ирана VI—VIII вв., на что указывает М. М. Дьяконов[12].

Техника «барботин» была характерна для предарабского периода Средней Азии, например, для керамики Согда[13].

Изображение архара встречается в мотивах геральдики. Так, изображение архара в середине распахнутого крыла известно в раннефеодальном Иране во дворце Киша[14].

Терракотовая голова архара была найдена и в Афрасиабе[15], которую, по-видимому, следует отнести к VI—VII вв.

В Мерве среди штампованной керамики обнаружены головки горных козлов[16].

---

[10] A. Pope, F .Ackerman. Pre—achaemenid styles. A. Survey of Persian art, London and New-Jork, 1938, т. I , стр. 304.

[11] Gardin J. C. Ceramiques de Baefres Memvires de la dilegation archiologique française en Afganistan, т. XV, Paris, 1957, стр. 46.

[12] М. М. Дьяконов. Бронзовый водолей 1206 г. н. э., III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1939, стр. 43.

[13] Г. В. Григорьев. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда, КСИИМК, вып. XII, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946. стр. 94—103, рис. 47.

[14] Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, Гослитиздат УзССР, 1961, стр. 97, рис. 35.

[15] В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда, Ташкент, Изд-во «Главнаука» Наркомпроса УзССР, 1927, стр. 26, рис. 25.

[16] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII века, «Труды ЮТАКЭ», т. XI, Ашхабад, Изд-во АН ТуркмССР, стр. 316, рис. 56.

Изображение архара, когда-то реалистическое, со временем переходит в схему[17].

Правильно отметила Е. М. Пещерева, что у узбеков и таджиков бараны считались животными, обладающими «благодатью» — барака. Изображение барана как оберега и символа изобилия встречается у племен Южного Казахстана, Ташкента и Ферганы еще в III—VI вв. н. э. и позже.

Среди украшений кухонной керамики встречается и изображение змеи. Как мы отмечали выше, на одном кухонном кувшине между венчиком и ручкой имеется орнамент в виде стилизованного налепа змеи: как бы брошенное тело змеи висит с обеих сторон на горловине кувшина. На теле ее острым инструментом сделаны мелкие ямки, имитирующие пятнистость.

Символический образ змеи с древнейших времен известен в мифологии народов Востока. В фольклоре встречается гигантская змея, охраняющая тот или иной город или источник воды. Естественно, что изображение змеи встречается и в керамике. Этому вопросу посвящена специальная литература[18].

Небольшую группу составляют котлы, на которых изображены иксообразные знаки. Их наносят на корпус сосуда еще до обжига с помощью острых инструментов (рис. 3, *б*). Знаки в виде крестов встречаются не только на кухонной посуде, но и на других керамических изделиях. Кресты изображались на сосудах не для украшения. И правильно, на наш взгляд, подметила Е. М. Пещерова, что эти знаки были знаками собственности, а также знаками магической охраны (обереги).

Но с конца IX в., когда керамические изделия стали поставляться на рынок, знаки сами по себе исчезли.

Таким образом, можно сказать, что орнамент на кухонных изделиях IX—X вв. связан с домусульманскими верованиями и представлениями; орнаментальные мотивы кухонных изделий были зооморфными, а также играли роль оберегов, когда гончарное ремесло было домашним.

Таковы в общих чертах кухонные керамические изделия Ферганы IX—X вв.

---

[17] Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении, Труды АН КазССР, № 46, Серия археологическая, вып. 1, Алма-Ата, Изд-во КазССР, 1948, стр. 53—54.

[18] Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Вишапы, Л., Изд-во АН СССР, 1933, стр. 66, 85, 96 и др.; Б. Б. Пиотровский. Вишапы, Изд-во АН СССР, 1939, стр. 19. А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II, М., Изд-во АН СССР, 1868, стр. 512—551 и др.

М. Н. ФЕДОРОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ КАРАХАНИДОВ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XI в. (ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

Изучение истории Караханидов осложняется тем, что до нас дошли недостаточные, отрывочные, иногда противоречивые сведения, имеющиеся в трудах по истории других династий — газневидов, сельджуков и хорезмшахов. Поэтому важное значение приобретает нумизматический материал, который нередко является единственным источником изучения того или иного аспекта в истории Караханидов. Настоящая работа является третьей в задуманном автором цикле статей по истории Караханидов в свете нумизматических данных. Первые две статьи освещают промежуток времени между 996 и 1025 гг.[1]

Период с 1025 по 1050 гг. является наиболее сложным и малоизученным в истории Караханидов XI в., однако нумизматический материал позволяет нам выяснить ряд вопросов, необычайно важных для воссоздания политической истории Средней Азии II четверти XI в. Этот период характеризуется правлением Али Тегина 415—426 (1025—1035 гг.) и его сыновей, продержавшихся в Мавераннахре не позднее 435/1043—1044 г. и вытесненных Бури Тегином.

Известно, что Али Тегин находился в плену у Мухаммада б. Али Арслан Хана, затем бежал в Бухару, захватил город и заключил союз с Арсланом, сыном Сельджука. Вероятно, и захват Бухары произошел с помощью Арслана б. Сельджука. Против Али Тегина выступил «Илек, брат Арслан

---

[1] М. Н. Федоров. Клад караханидских дирхемов начала XI в. из Ташкента, История материальной культуры Узбекистана, вып. V, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964 г. Он же. Новые факты из истории Караханидов 1 четверти XI в. в свете нумизматических данных. Сб. «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, стр. 44—55.

Хана», однако Али Тегин и союзные ему туркмены разбили это войско и закрепились в Бухаре[2].

К сожалению, время побега Али Тегина и захвата им Бухары не указано. Для уточнения этих дат прибегнем к нумизматическому материалу. Имя и титул Мухаммада б. Али Арслан Хана впервые появляются на монетах Бухары в 403/1012—1013 г.[3] после смерти Насра б. Али, произошедшей не в 401 и не в 406, а в 403 г. х.[4]. В 404 г. х. на монетах Бухары чеканится титул Мухаммада б. Али, а в 406 и 407 г. х., помимо титула Арслан Хана, чеканится и титул его вассала Сейф ад-Доуле Джагра Тегина, полная титулатура и имя которого — (Сейф ад-Доуле Джагра Тегин ал-Эмир ас-Саид ал-Музафар ал-Хуссеин бен ал-Мансур) есть на другой монете Бухары 406 г. х.[5]. С 407 г. х. по 411 г. х. Джагра Тегин бьет монету в Тункете также на правах вассала Арслан Хана Мухаммада б. Али[6]. Джагра Тегин Хуссейн б. Мансур был сыном пятого «Алида», упоминаемого О. Прицаком и Е. А. Давидович[7], Мансура б. Али и племянником Мухаммада. Сначала дядя дал своему племяннику в удел Бухару, а с 407 г. х. — Тункет.

Бухара переходит во владение к Мансуру б. Али, где он чеканит монету на правах вассала Арслан Хана Мухаммада б. Али[8].

В Самаркандском музее есть медный фельс, битый в 407 г. х., на аверсе которого имя Мансур б. Али[9]. Название города на монете к сожалению, не сохранилось, но учитывая. что в 407 г. х. Джагра Тегин был уже в Тункете, а в 410 г. х. Бухарой владел Мансур, можно сделать вывод, что перед нами монета Бухары, битая в год ее перехода к Мансуру, отцу Хуссейна Джагра Тегина. В 411 г. х. в Бухаре чеканили монету с титулами и именами: Арслан Хан Падишах, Илек ал-Мансур и Ахмад б. Илек[10] (титул сюзерена, титул и имя Мансура и имя его второго сына Ахмада). В 411 г. х. выпущены монеты с именем Ахмад Илек и Ахмад б. Илек; в

---

[2] В. В. Бартольд. Соч., т. I, М., ИВЛ, 1963, стр. 342.

[3] А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 226, № 227.

[4] М. Н. Федоров. Клад караханидских дирхемов начала XI в. из Ташкента..., стр. 108.

[5] А. К. Марков. Инвентарный каталог, стр. 227; № 230, 231; стр. 850, № 231а.

[6] Там же, стр. 231—232, № 258,—265.

[7] Е. А. Давидович. Клад караханидских монет XI в. из Таджикистана, С. А., Изд-во АН СССР, 1957, № 3, стр. 258.

[8] А. К. Марков. Инв. каталог..., стр. 236, № 282, 283.

[9] Самаркандский музей, № 9615.

[10] А. К. Марков. Инв. каталог..., стр. 438, № 299.

412 г. х. — с титулом Арслан Хан Падишах (сюзерен) и ал-Музаффар Илек ал-Мансур[11]. И, наконец, с 411 по 415 г. х., т. е. одновременно с монетами, имеющими имя Мансура б. Али и его сына Ахмада, выходят монеты с титулами Арслан Хан Падишах и Беха ад-Доуле Бига Тегин[12] (возможно тюркский титул Мансура). Поэтому понятно сообщение Ибн ал-Асира о том, что против Али Тегина выступил «Илек брат Арслан Хана» — это был Мансур б. Али, решивший отвоевать свои законные владения у захватчика. Таким образом, мы видим, что Бухара находилась в руках Арслан Хана и его вассалов вплоть до 415 г. х. Следовательно, побег Али Тегина и захват Бухары произошли не раньше 415 г. х., т. е. в последний год жизни Арслан Хана Мухаммада б. Али.

Далее мы узнаем, что вызывающая, независимая политика Али Тегина, не пускавшего послов Махмуда Газневидского к «тюркским царям», разгневала последнего, и он, перейдя Амударью по мосту из лодок, вступил в Мавераннахр в 416/1025 г. В то же время со стороны Кашгара в Мавераннахр вторглись войска Кадыр Хана Юсуфа, отец которого Богра Хан Харун сын Сулеймана был первым завоевателем Бухары в 381/992 г. Кадыр Хан стоял в то время во главе караханидской династии. Он дошел до Самарканда, который в это время был уже в руках Али Тегина. Последний бежал в степь, а его обоз, жена и дочери попали в руки газневидов. Под Самаркандом произошла дружественная встреча 2-х могущественных правителей — Махмуда и Кадыр Хана. Они заключили договор, согласно которому объединенные силы союзников должны были отнять у Али Тегина Мавераннахр и отдать его Яган Тегину Мухаммаду, второму сыну Кадыр Хана. Яган Тегин должен был жениться на дочери Махмуда Зейнаб, а сын Махмуда Газневидского Мухаммад — на дочери Кадыр Хана. Однако Махмуд не торопился с окончательным разгромом Али Тегина. Сначала он разгромил союзных Али Тегину туркмен, взял в плен сельджука Исраила и заточил его в крепость в Индии.

Газневидам было выгодно иметь в Трансоксиане две враждующие караханидские династии — это развязывало им руки для походов в Индию. Под предлогом похода в Индию Махмуд несколько позже отказал Яган Тегину в совместном походе на Бухару и Самарканд, выразив надежду, что его союзники сами справятся. Несмотря на то, что Кадыр Хану и его сыновьям было отказано в помощи, поход против Али Тегина все же состоялся; причем в одном из сражений был убит брат

---

[11] А. К. Марков. Инв. каталог..., стр. 238—239, № 300—302 и стр. 142, № 329.

[12] Там же, стр. 244—245, № 332—344.

Али Тегина—Туган Хан[13]. В общем военные действия окончились для Кадыр Хана неудачно, так как Али Тегин остался правителем Бухары и Самарканда вплоть до своей смерти в 426 г. х. Однако Кадыр Хан и его сыновья добились определенных успехов: еще до похода против Али Тегина они вытеснили Туган Хана, брата Али Тегина, из Баласагуна[14]. 30 апреля 1030 г. Махмуд Газневидский умер. Сын его Мас'уд обратился к Али Тегину за помощью в борьбе против своего брата Мухаммада, законного наследника престола, обещая отдать Али Тегину область Хутталь в качестве вознаграждения. Однако, обойдясь без помощи Али Тегина Мас'уд не выполнил данного слова. Али Тегин был обижен, говорил «вздорные речи» и даже «снаряжал рать». Чтобы избежать опасности нападения, Мас'уд повелел Хорезмшаху Алтунташу, бывшему полководцу Махмуда Газневидского, которого Махмуд посадил на трон Хорезма еще в 1017 г., начать поход против Али Тегина. Весной 423/1032 г. Алтунташ вторгся в Мавераннахр. Бухара была взята, Али Тегин отошел к Дабусии, где к нему присоединились туркмены с сельджуками во главе. В битве при Дабусии Алтунташ был смертельно ранен. Везир Хорезмшаха скрыл это от врагов и поспешил заключить мир с Али Тегином. После этого Али Тегин вернулся в Самарканд. Харун, сын Алтунташа, стал Хорезмшахом. Весной 1034 г. брат Харуна погиб при дворе Мас'уда, которого Харун обвинил в убийстве, и восстал против него. Он заключил договор с Али Тегином и сельджуками и начал готовить поход против Мас'уда[15]. Вскоре (в конце 1034 — начале 1035 г.) Али Тегин умер. На престол вступил его старший сын. Сыновья Али Тегина продолжали выполнять договор с Харуном: осадили Термез, но в это время Харун был убит подкупленными наемниками, и сыновья Али Тегина ушли из владений Мас'уда.

В 1036 г. сыновья Али Тегина отправили послов к Мас'уду. Илек (т. е. старший сын Али Тегина) просил выдать за него одну из Газневидских принцесс и принять в жены наследника Мас'уда сестру Илека, а также, чтобы Мас'уд был посредником в споре между сыновьями Али Тегина и Арслан Ханом Сулейманом б. Юсуфом, который после смерти своего отца, Кадыр Хана Юсуфа, в 1032 г. стал главой династии Караханидов. В свою очередь, Илек обещал Мас'уду помощь в его борьбе с сельджуками[16].

В 1038 г. на политической сцене появляется Абу Исхак

---

[13] Бейхаки. История Мас'уда, пер. А. К. Арендса, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1962, стр. 467.

[14] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 344, 346 и 347.

[15] Там же, стр. 357—359.

[16] Там же, стр. 362.

Бури Тегин Ибрахим б. Наср (впоследствии правитель Мавераннахра до 460/1067—1068 г. с титулом Тамгач Хан Ибрахим). Сын Насра б. Али — первого караханидского правителя Мавераннахра, — Ибрахим находился в плену у сыновей Али Тегина, откуда вырвался с отрядом вооруженных всадников и ушел в Фергану. Оттуда он пишет письмо к везирю Мас'уда, очевидно, с просьбой о помощи. Везир, передавая письмо Мас'уду, характеризовал Ибрахима как человека умного, энергичного, которого надо остерегаться, «дабы не произошла смута». Мас'уд велел ответить Бури Тегину, что де «наш дом — ваш дом», однако письмо должно быть написано так, чтобы, попав к сыновьям Али Тегина, не причинило бы вреда[17]. Между тем Ибрахим был вынужден уйти из Ферганы, «поскольку для него у брата своего Айн ад-Доуле места не оказалось»[18].

Бури Тегин нашел убежище в стране Кумиджиев и набрал там войско в 3000 человек. Кумиджии жили в Кумеде (бассейн Каратагдарьи и верховья Кафирнигана); Макдиси причислял их к тюркам[19]. Отряд стал производить грабежи в Вахше, Хуттале и окрестностях Хульбука. Мас'уд выслал войско против Бури Тегина, тот поспешно отступил в Кумед. Мас'уд, не слушая везиря, который доказывал, что достаточно поручить разгром Бури Тегина сыновьям Али Тегина и правителю Саганиана и что зима не время для похода, приказал навести мост через Амударью и в декабре 1038 г. со своей армией вышел против Бури Тегина. Войско очень пострадало от холодов, к тому же Мас'уд узнал, что сельджуки собираются разрушить мост и лишить его средства связи со своим государством, и поспешно отступил. Бури Тегин извлек из этого выгоду, разграбив обоз Мас'уда.

В раджабе 430 г. х. (апрель 1039 г.) Бури Тегин прислал Мас'уду письмо, прося извинения и доброго ответа. В письме сообщалось, что «поскольку владетель Саганиана умер молодым и сына от него не осталось, то он (Бури Тегин) пошел и с поддержкой кумиджиев захватил Саганиан, и между ним и сыновьями Али Тегина поднялась очень сильная и открытая вражда»[20]. Используя ресурсы Саганиана, опираясь на кумиджиев и туркмен, Ибрахим б. Наср к осени 1039 г. одержал несколько побед над сыновьями Али Тегина и отнял у них значительную часть их владений. В 431 г. х. Ибрахим уже чеканил монету в Кеше, а в 433 г. х. — в Бухаре, помещая на

---

[17] Бейхаки. История Мас'уда, стр. 485—486.
[18] Там же, стр. 495.
[19] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 121.
[20] Бейхаки. История Мас'уда, стр. 502—504.

монетах титул Богра Хана II Мухаммада б. Юсуфа (второй сын Кадыр Хана)[21]. Признавая своим сюзереном Богра Хана, владения которого были отделены от владений Бури Тегина той частью Мавераннахра, которую еще удерживали сыновья Али Тегина, Ибрахим, очевидно, искал у Богра Хана поддержки против сыновей Али Тегина. К 435, в крайнем случае 438 г. х., Ибрахим захватил весь Мавераннахр.

Такова историческая обстановка в период с 415 по 438 г. х. Краткий обзор этих событий облегчит дальнейшую работу с нумизматическим материалом, который, в свою очередь, уточнит и дополнит имеющиеся у нас сведения.

Самым интересным и невыясненным остается вопрос о происхождении Али Тегина. Средневековые историки дают о нем противоречивые сведения. Ибн ал-Асир, писавший свой труд около двух столетий спустя после интересующих нас событий, называет Али Тегина братом завоевателя Мавераннахра (т. е. Насра б. Али)[22], а следовательно всех остальных «Алидов», в том числе и Туган Хана I (умершего в 408/1017—1018 г.). Современник Али Тегина, Бейхаки, называет его братом Туган Хана II, которого к 417/1026—1217 г. Кадыр Хан Юсуф и его сыновья вытеснили из Баласагуна[23] В. В. Бартольд ставит под сомнение известие Ибн ал-Асира и, основываясь на монетах Кармининии и Дабусии, где есть имя Али б. Хусейн, высказывает предположение, что Туган Хан II и Али Тегин были сыновьями Туган Хана I, мусульманское имя которого могло быть Хусейн[24]. Скорее всего Али Тегин был сыном Туган Хана I и, следовательно, племянником Арслан Хана Мухаммада б. Али, от которого и бежал в 415 г. х.[25] В. В. Бартольд высказал также предположение, что сына Али Тегина могли звать Юсуф.

По утверждению Бейхаки Али Тегин был в Мавераннахре уже во время Насра б. Али. Так в 423/1032 г. везир Мейменди говорил султану Мас'уду, что Али Тегин «ловок и хитер, он

---

[21] А. К. Марков. Инв. каталог..., стр. 255, № 396 и стр. 256, № 399.
[22] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 342.
[23] Бейхаки. История Мас'уда, стр. 108 и 466—467.
[24] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 343—344.
[25] О Прицак считает Али Тегина сыном ал-Хасана (Харуна) Богра Хана, первого завоевателя Бухары. См. В. В. Бартольд. Собр. соч., т. II, ч. I, М., 1963, примеч. 62, стр. 569. Это вряд ли возможно, ибо в таком случае и Али Тегин и Туган Хан II были бы родными братьями Кадыр Хана Юсуфа, вытеснившего Туган Хана II из Семиречья, а затем и из Ферганы, предпринявшего военный поход против Али Тегина и вынашивавшего план захвата владений Али Тегина с целью передачи их своему II сыну Мухаммаду. Скорее всего Али Тегин принадлежал к западной ветви караханидов, будучи сыном Туган Хана I и внуком Али б. Мусы, родоначальника западной ветви.

уже 30 лет, как обретается там»[26] (т. е. в Мавераннахре). С 415 г. х. Али Тегин — самостоятельный правитель, но нет ни одной монеты, где было бы выбито его имя и титул в том варианте, в каком они приводятся в рукописях. Да это и понятно: Али Тегин был врагом газневидов, и поэтому Бейхаки не было нужды перечислять подробно все титулы и почетные эпитеты Али Тегина: он был известен как Али Тегин — князь Али. Однако в Мавераннахре Али Тегин именовался по-другому. Нет также монет правителя, имя отца которого было бы Али Тегин. Титулатура Али Тегина и его сыновей на монетах, битых в Бухаре и Самарканде, которыми они владели, была иной, чем в рукописи Бейхаки. Обратимся непосредственно к самим монетам. Были тщательно изучены монеты Мавераннахра, чеканенные между — 414 и 438 г. х., и особенно в Самарканде и Бухаре.

Бухара 416, 419, 422 г. х. чеканит фельсы с титулом Илек[27]. Бухара 417, 418, 423 г. х. бьет монету с титулом Арслан Илек и именем Юсуф[28]. В 421 г. х. в Бухаре биты фельсы с титулом Тархан Илек[29], в 423 г. х. — Шемс ад-Доуле Арслан Хан и в 425 г. х. — Шемс ад-Доуле Тангач Хан Арслан Тегин[30]. Так как Бухара между 415 и 426 г. х. принадлежала Али Тегину, на монетах Бухары в той или иной форме непременно должен быть титул Али Тегина. Наиболее распространенным титулом Али Тегина на монетах Бухары (кстати этот титул есть и на монетах Самарканда 420 г. х.)[31] является титул Арслан Илек, а наиболее полной формой титулатуры Али Тегина — Шемс ад-Доуле Тангач Хан Арслан Тегин. В 418 г. х. Самарканд бьет фельсы с титулом ал-Амир, ал-Джалил, ал-Саид... падишах и именем Юсуф б. Али; в 420 г. х. с титулом Арслан Илек, в 424 г. х. с титулом Тафгач Кутб ад-Доуле Богра Хан ал-хан ал-Аджел ас-Саид ал-Мелик ал-Мансур Маула амир ал-Муменина[32]. Во время правления сыновей Али Тегина в Самарканде в 429 г. х. били фельсы с титулатурой Арслан Илек ал-Амир ал-Аджел ас-Саид ал-Мелик ал-Музаффар и именем Юсуф б. Тафгач[33] (т. е. Юсуф сын Тафгача). В 418 г. х. в Самарканде была бита монета с именем Юсуфа б. Али, т. е. Али Тегин поместил имя своего сына и наследника на монете вме-

---

[26] Бейхаки. История Мас'уда, стр. 307.
[27] А. К. Марков. Инв. каталог..., стр. 248, № 360—363.
[28] Там же, стр. 249, № 366—371.
[29] Там же, стр. 250, № 375—379.
[30] Там же, стр. 251, № 381, 382.
[31] Там же, стр. 253, № 387.
[32] А. К. Марков. Инв. каталог..., стр. 248, № 359, стр. 253, № 387, стр. 252, № 384.
[33] Там же, стр. 254, № 391—392.

сте со своей титулатурой, что практиковалось довольно часто. Несомненно, Юсуф б. Али был сыном Али Тегина и Юсуф б. Тафгач и Юсуф б. Али — одно и тоже лицо. Титул Арслан Илек перешел к Юсуфу по наследству. В свое время В. В. Бартольд, рассказывая о походе Хорезмшаха Алтунташа против Али Тегина в 423 г. х., осуществленном по приказу Мас'уда Газневидского, писал, что этот поход заставил Али Тегина «теснее сблизиться со своими родственниками и признать над собой их главенство; в Бухаре и Самарканде стали чеканить монеты с именем Арслан Хана и Богра Хана. Кроме того, Али Тегин через 2 г. нашел себе нового союзника в лице правителя Хорезма»[34].

С этим предположением нельзя не согласиться. Однако необходимо внести некоторые поправки. Дело в том, что титул Тафгач (Тангач, Тамгач) Богра Хану не принадлежал. Исходя из того, что Юсуф б. Али и Юсуф б. Тафгач — одно и то же лицо, сын Али Тегина, мы уже говорили, что Али Тегин имел титул Тафгач (или Тамгач). Однако В. В. Бартольд склонен считать, что титул Тафгач (Тамгач) принадлежал Богра Хану[35]. Он основывается на монете Самарканда 424 г. х. с титулатурой Тафгач Кутб ад-Доуле Богра Хан ал-хан ал-Аджель ас-Саид ал-Мелик ал-Мансур Маула Амир ал-Муменина и на монете Ибрахима б. Насра, битой в Бухаре 433 г. х., где он, пытаясь привлечь Богра Хана на свою сторону, помещает его титул на своей монете и признает его, таким образом, своим сюзереном. Титулатура там следующая: Тамгач Бугра Кара Хакан Хакан Ибрахим б. Наср. Разберемся в этих противоречиях. На монетах Богра Хана, чеканенных в его собственных владениях, титул Тамгач Хан не встречается. Наиболее распространенная титулатура Богра Хана: Ал-Мелик ал-Музаффар Богра Кара Хакан Мелик ал-Ислам Куввам ад-Доуле[36], встречаются также титулы Насыр ад-Доуле и Султан ад-Доуле[37]. Вместе с тем титул Тангач (Тамгач или Тафгач) появляется задолго до того, как Богра Хан стал государем: в 415 г. х. на монетах Ахсикета впервые появляется этот титул[38], причем расположение титула заставляет думать, что Тангач был сюзереном Ахсикетского правителя Айн ад-Доуле Мухаммада б. Насра. Очевидно, после того, как Али Тегин утвердился в Бухаре и Самарканде, Айн ад-Доуле счел благоразумным признать его своим сюзереном. В 418 г. х. в Ахси-

---

[34] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 358.
[35] А. К. Марков. Инв. каталог..., стр. 258, № 414.
[36] В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 367.
[37] Самаркандский музей, № 5501 и 307.
[38] А. К. Марков. Инв. каталог..., стр. 245, № 347.

кете опять на монетах чеканится титул Тангач[39], причем последний выступает в качестве сюзерена правителя с титулом Моиз ад-Доуле. Предположение В. В. Бартольда о том, что, стараясь найти опору против Мас'уда, Али Тегин поместил на Самаркандских монетах 424 г. х. титул Богра Хана, признав его своим сюзереном, — вполне приемлемо. Но титул Тафгач на этой монете принадлежал не Богра Хану, а Али Тегину. Что касается монеты Бухары 425 г. х. с титулом Шемс-ад-Доуле Тангач Хан Арслан Тегин, то здесь и намека нет на титул старшего сына Кадыр Хана — Арслан Хана. В 425 г. х. у Али Тегина появился надежный союзник против Мас'уда в лице Хорезмшаха Харуна, что не замедлило отразиться на чекане Али Тегина, предпочитавшего быть самостоятельным правителем, а не вассалом, И, наконец, монета Бухары 433 г. х. с легендой Тамгач, Бугра Кара Хакан, Хакан, Ибрахим б. Наср. Но ведь титул Тамгач — это наиболее распространенный и, очевидно, любимый титул Ибрахима б. Насра, который и в историю-то вошел как Тамгач Хан Ибрахим.

Отсюда можно сделать заключение, что в обоих случаях титул Тамгач (Тангач или Тафгач) Богра Хану не принадлежал. На обоих монетах, будучи встречен с титулом Богра Хан, он все же принадлежит разным лицам. Сначала этот титул принадлежал Али Тегину, сын которого, Юсуф б. Али, подчеркивал, что он является сыном Тафгача (Юсуф б. Тафгач), а затем Ибрахиму б. Насру Тамгач Хану[40].

Для полноты картины необходимо сказать еще несколько слов о других караханидских правителях этого периода. Кадыр Хан Юсуф был сыном первого караханидского завоевателя Бухары (в 992 г.) Богра Хана Харуна б. Сулеймана и, следовательно, троюродным братом «Алидов»: Насра, Ахмада, Мухаммада, Мансура и Туган Хана, сыновей Али б. Мусы. Харун и Али были родоначальниками двух главных ветвей Караханидов, между которыми с переменным успехом шла борьба. Кадыр Хан Юсуф вытеснил Туган Хана I из Кашгара уже к 401 г. х.[41]. Туган Хану I осталось только Семиречье, где он умер в 408 г. х. Затем до 416 г. х. там правил Туган Хан II, очевидно, сын Туган Хана I. Он был братом Али Тегина. К 417 г. х. Кадыр Хан и его сыновья — Сулейман Богра Тегин и Мухаммад Яган Тегин — вытеснили Туган Хана II из Семиречья. Последний еще 2 г. удерживал власть над Ахсикетом,

---

[39] А. К. Марков. Инв. каталог..., стр. 247, № 357—358.

[40] Тамгач, Тангач, Тафгач и даже Табгач — все это разночтения одного и того же слова.

[41] Монеты Кашгара 401 г. х. с титулом Кадыр Хан описаны в статье Е. А. Давидович «Клад караханидских монет XI в. из Таджикистана», С. А. 1957, № 3, стр. 257 и 259.

где местный правитель Моиз ад-Доуле выступал в качестве его вассала.

В 1032 г. (конец 423 — начало 424 г. х.) Кадыр Хан умер. К этому времени в состав его государства входили Восточный Туркестан, Семиречье, Шаш, Исфиджаб и Тараз. Столицей его был Кашгар. Старший сын Юсуфа, Сулейман, наследовал Восточный Туркестан, Семиречье и титул верховного правителя Караханидов; он принял титул Арслан Хан. Второй сын Юсуфа, Мухаммад получил Исфиджаб, Тараз, а затем Шаш и Илак.

Дело в том, что в 425 г. х. в Шаше некоторое время чеканил монету третий сын Кадыр Хана Юсуфа — Джебраил. Он выступал как вассал самого старшего из братьев Арслан Хана— Сулеймана б. Юсуфа и непосредственный вассал Богра Хана (монета найдена в Ташкенте на Чорсу в 1963 г.). Однако позже Шаш находился непосредственно в руках Богра Хана. С братом у него сложились враждебные отношения, особенно после 1034 г., когда Арслан Хан поддержал Мас'уда Газневидского в его споре с Богра Ханом. В 1056 г. Богра Хан захватил владения Арслан Хана, а его самого взял в плен. В плену Арслан Хан умер. Богра Хан, однако, пережил своего брата всего на 15 месяцев, он был отравлен женой в 449/1057—1058 г. Последняя хотела, чтобы ее малолетний сын Ибрахим был наследником престола, а Богра Хан назначил своего старшего сына — Джагра Тегина Хуссейна. Ибрагим все-таки сделался ханом, но погиб через два года в войне с барсханским правителем Йнал Тегином. Затем к власти пришел IV сын Кадыр Хана Юсуфа — Тогрул Кара Хан Юсуф 451—467 (1059—1074)[42].

Остается еще одна очень интересная и очень сложная проблема в истории караханидов II четверти XI в. — вопрос об удельных правителях Ферганы этого периода. В «Истории Мас'уда» из правителей Ферганы упоминается только один и то всего 2 раза. Это брат Бури Тегина — Айн ад-Доуле Мухаммад б. Наср. В 429 г. х. к нему бежал Бури Тегин, но затем был вынужден уйти, а в 431 г. х. Айн ад-Доуле упомянут среди караханидских правителей, которым сельджукид Тогрул послал известие о своей победе над Мас'удом[43]. Еще один правитель упомянут в надписи из Варухского ущелья[44] и, наконец, нумизматические данные дают нам свидетельство еще о нескольких правителях.

---

[42] В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. I, М., ИВЛ, 1963, стр. 44.

[43] Бейхаки. История Мас'уда, стр. 495 и 554.

[44] Б. А. Литвинский. Северная надпись в Варухском ущелье, КСИИМК, 61, М., 1956.

Анализируя чекан Ферганы (имеется в виду вся область) по городам в хронологической последовательности, можно установить ряд интересных данных. Ниже предлагается таблица, составленная на основе данных «Инвентарного каталога мусульманских монет Эрмитажа» А. К. Маркова (I), статьи Б. А. Литвинского «Северная надпись в Варухском ущелье» (II) и кладов, хранящихся в Институте истории и археологии АН УзССР, найденного в 1940 г. на СФК (III) и в 1957 г. на городище Кува (IV).

О чем же говорят эти данные? Только две монеты имеют известный по Бейхаки лакаб и одна имя Мухаммада б. Насра (Ахсикет 415, Ходжент 434 и монета неизвестного города, битая после 422 г. х.). Варухская надпись приводит полную титулатуру и генеалогию еще одного правителя: Моиз ад-Доуле Арслан Тегин Абу-л-Фазл ал-Аббас сын Мовейд ал-Адль Илека, сына эмира Насра, сына Али Саид Хана[45].

Интересная работа по истории Ферганы II четверти XI в. проделана Б. А. Литвинским. Основываясь на данных нумизматики и Варухской надписи, он делает ряд интересных выводов: I. Правитель, упомянутый в Варухской надписи — сын Бури Тегина; II. Титул Мовейд ал-Адль (титул Насра б. Али) в разное время носили оба сына Насра: сначала Мухаммад (424 и 425 г. х.), а затем Бури Тегин Ибрахим; Ш. Мухаммаду б. Насру принадлежит титул Кич Тегин[46]. Нам известно, что титул Кич Тегин носил другой сын Ибрахима б. Насра — Дауд. Тем не менее нужно признать, что в данном случае этот титул на разных этапах принадлежал двум разным лицам: сначала Мухаммаду б. Насру, а позже Дауду, б. Ибрахиму. Только приняв предположение Б. А. Литвинского, можно разобраться в сложной и противоречивой обстановке, сложившейся в Ферганской долине к этому времени[47]. Допустим, что титул Кич Тегин принадлежал II сыну Ибрахима, тогда получилось бы, что Фергана (во всяком случае ее крупнейшие города — Ахсикет, Узгенд и Касан) находилась в руках двух сыновей Бури Тегина: Моиз ад-Доуле Аббаса и Кич Тегина Дауда. Сосредоточив такой удел в своих руках, они по праву могли считаться крупнейшими правителями

---

[45] Е. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, Институт истории, археологии, этнографии АН ТаджССР, Труды, т. XXXV, Душанбе, Изд-во АН ТаджССР, 1955, стр. 141.

[46] Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 116—119.

[47] Первоначально автор статьи считал, что лакаб Моиз ад-Доуле принадлежал Мухаммаду б. Насру (см. М. Н. Федоров. К истории караханидов второй четверти XI в., «Общественные науки в Узбекистане», 1965, № 3, стр. 53.

Таблица*

Ахсикет	Узгенд
415 г. х. Айн ад-Доуле, ал-Мелик Танфадж Каан ملكان и مهدبن ملكان (1, стр. 245, № 347). 417 г. х. Моиз ад-Доуле и ал-Мелик Туган Хан Илек (1, стр, 246, № 352). 418 г. х. то же (1. стр. 246, № 353). 418 г. х. Моиз ад-Доуле и ал-амир ал-Адль ал-Мелик б. Сейф ад-Доуле (1, стр. 247, № 354). 418 г. х. Моиз ад-Доуле и Мелик Тангач Каан Илек (1, стр, 247, № 354). 420 г. х. Моиз ад-Доуле и Кадыр Хан Мелик ал-Мошрек (1, стр. 250, № 373). 427 г. х. Агд ад-Доуле Кич Тегин и Кадыр Хан Мелик ал-Мошрек (1, стр. 253, № 385). 428 г. х. Моиз ад-Доуле Абу-л-Музаффар Мелик и Кадыр Хан (III, № 207 и др.). 430 г. х. Моиз ад-Доуле Абу-л-Музаффар Мелик (III, № 20 и др). 431 г. х. то же (III, № 8 и др.). 432 г. х. то же (III, № 58 и др.). 433 г. х. Ал-Амир ал-Аджел Моиз ад-Доуле Мелик	416 г. х. Сейф ад-Доуле, Калыр Хан Мелик ал-Мошрек, Кич Тегин (1, стр. 246, № 348). 422 г. х. Кадыр Хан Мелик ал-Мошрек, Агд ад-Доуле Кич Тегин (III, № 45). 423 г. х. Кич Тегин (II, стр. 117, примеч. 1). 424 г. х. Ал-Мовейд ал-Адль (II, стр. 116, примеч. V). 424 г. х. Ал-Мовейд ал-Адль Кич Тегин (II, стр. 116, примеч. XI). 425 г. х. Ал-Мовейд ал-Адль (II, стр. 116, примеч. V). 426 г. х. قيج (Кич) Насыр ал-Хак и Кадыр Хакан (I, стр. 849—855, № 384*а*). 428 г. х. ал-Мелик ал-Адль قيج (Кич) и Кадыр Хакан (I, стр. 849—855, № 384*б*). 429 г. х. по Бейхаки Айн ал-Доуле владеет Узгендом.
Ходжент	Касан
434 г. х. Айн ад-Доуле и ал-Мелик ал-Адль Арслан Хан (1, стр. 256, № 401).	423 г. х. Моиз ад-Доуле и ал-Амир ал-Джалил ас-Саид Мелик б. Маула Амир ал-Муменина ملكان (1, стр. 251, № 380). 427 г. х. Моиз ад-Доуле Абу-л-Музаффар Мелик и Кадыр Хан (III, № 81.). 430 г. х. Моиз ад-Доуле абу-л-Музаффар Мелик (III, № 9 и др.). 431 г. х. то же (III, № 2). 432 г. х. Ал-Амир ал-Аджед Моиз ад-Доуле Мелик (III, № 25 и др.). 433 г. х.
Наименование города не сохранилось	
после 422 г. х. Шихаб ад-Доуле, Арслан Хан, Мухаммед б. Наср (1, стр. 255, № 393).	

Примечание. Для краткости вводится условное обозначение каждого источника I, II, III и IV.

Ферганской долины. Однако средневековые источники утверждают обратное: по Бейхаки, Айн ад-Доуле был наиболее значительным правителем Ферганы, владевшим столичным

городом Узгендом. У Айн ад-Доуле было достаточно сил, чтобы заставить Бури Тегина бежать из Ферганы в 429 г. х.

С другой стороны, принимая предположение Б. А. Литвинского, что в данный отрезок времени титул Кич Тегин принадлежал Мухаммаду, мы получаем очень интересные данные к истории Ферганы II четверти XI в.

Итак, в 415 г. х. Айн ад-Доуле владеет Ахсикетом на правах вассала двух правителей: Мелика ملكان مهدبن (сын и непосредственный сюзерен) и Тангадж Каана ملكان (отец и верховный сюзерен). До 415 г. х. Ахсикет входил в состав государства Мухаммада б. Али Арслан Хана, который в 410 г. х. передал этот город в удел своему племяннику Ахмаду б. Мансуру. Очевидно, воспользовавшись смертью Арслан Хана I и войной между Али Тегином и Мансуром б. Али, Айн ад-Доуле захватил Ахсикет, причем, когда победителем вышел Али Тегин, Айн ад-Доуле поспешил признать его своим верховным сюзереном, поместив на своих монетах титул Тангадж, который, как мы доказали, принадлежал Али Тегину. Однако в 417 г. х. Айн ад-Доуле теряет Ахсикет. К 417 г. х. Кадыр Хан Юсуф и его сыновья вытеснили брата Али Тегина Туган Хана из Семиречья и последний захватил Ахсикет. Чтобы придать своим действиям законный характер, Туган Хан II помещает на своих монетах лакаб Моиз ад-Доуле, который, как установил Б. А. Литвинский, принадлежал сыну Бури Тегина — Аббасу. Таким образом, Туган Хан II выступал как сюзерен и опекун Аббаса, который, будучи внуком Насра б. Али, имел законное право на владение Ахсикетом. Возможно, что Моиз ад-Доуле оказал помощь Туган Хану в захвате этой части Ферганы. Бури Тегин, очевидно, в это время уже находился в плену у Али Тегина, откуда ему удалось бежать лишь в 429 г. х. Дело в том, что Бури Тегин в 409—411 и, вероятно, до 415 г. х. владел частью Илака на правах вассала своего дяди Арслан Хана Мухаммада б. Али[48]. В 415 г. х. Али Тегин, бывший в плену у Арслан Хана, бежал и захватил Бухару, который на правах вассала и соправителя Арслан Хана владел его брат Мансур б. Али. Последний собрал большое войско, чтобы наказать узурпатора, но был разбит в окрестностях Бухары. Бури Тегин со своей дружиной, очевидно, принял участие в этом походе и был захвачен в плен. Впоследствии он мог находиться при дворе Али Тегина в качестве заложника, которых немало было у Мас'уда и других правителей этого времени.

Туган Хан был убит в середине 418 г. х., так как в этом

---

[48] А. К. Марков. Инв. каталог..., стр. 237, № 291.

году Моиз ад-Доуле выступает сначала как вассал Туган Хана, а затем как вассал его брата Тангач Каана Али Тегина. Однако в 420 г. х., когда перевес был на стороне Кадыр Хана, Моиз ад-Доуле признает себя вассалом последнего. В 423 г. х. в Касане Моиз ад-Доуле чеканит монету на правах вассала правителя, именующего себя Меликом, сыном ملكان. Исходя из того, что на монете Ахсикета 415 г. х. ملكان имеет титул Тафгач, можно утверждать, что ملكان — одно из неизвестных нам ранее (очевидно, тюркских) имен или прозвищ Али Тегина. Следовательно, правитель Мелик ملكا بن — сын Али Тегина. Действительно, в 422 г. х. Кадыр Хан умер, Айн ад-Доуле пытается стать независимым и, очевидно, захватить всю Фергану[49]. Моиз ад-Доуле вынужден был искать защиты у династии, к которой принадлежали Туган Хан, Али Тегин и его сын Мелик ملكان بن, которого Моиз ад-Доуле и признает своим сюзереном. Возможно, что в это время Моиз ад-Доуле теряет Ахсикет, во всяком случае в 427 г. х. Ахсикетом владеет Кич Тегин (по Б. А. Литвинскому, Кич Тегин — второй титул Айн ад-Доуле), который выступает как вассал покойного Кадыр Хана, избегая необходимости признавать себя вассалом кого-либо из сыновей Кадыр Хана и в то же время считаясь вассалом этой династии.

Что касается Моиз ад-Доуле, то он удерживается в Касане, где в 427 г. х. чеканит монету на правах вассала покойного Кадыр Хана, т. е. фактически самостоятельно. Трудно судить, каким путем, но в 428 г. х. Моиз ад-Доуле снова появляется и бьет монету в Ахсикете как вассал Кадыр Хана. В 429 г. х. его титул исчезает с монет Ферганской области. Очевидно, в это время Кич Тегин Айн ад-Доуле усиливает нажим, и Моиз ад-Доуле вместе со своим отцом Бури Тегином, бежавшим от сыновей Али Тегина, вынужден был покинуть Ферганскую область. Однако в 430 г. х., когда Бури Тегин захватил Саганиан, выиграл несколько сражений с сыновьями Али Тегина и представлял уже значительную политическую силу, положение в Фергане меняется: Моиз ад-Доуле снова чеканит монету (430—433 г. х.) как в Ахсикете, так и в Касане.

Айн ад-Доуле, потеряв в 417 г. х. (а может быть и в 416) Ахсикет, закрепился в Узгенде.

В 416 г. он чеканил в Узгенде монету на правах вассала Кадыр Хана, помещая свой титул — Кич Тегин. Однако в том же 416 г. х. в Узгенде на правах вассала Кадыр Хана чеканит

---

[49] Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 117.

монету Сулейман б. Шихаб ад-Доуле[50] (возможно, это было до захвата Узгенда Кич Тегином). В 422 г. х. Узгенд у Кич Тегина. В 423 г. х. Кич Тегин в Узгенде выступает как самостоятельный правитель. В 424 г. х. и 425 г. х. Кич Тегин выступает с новым громким титулом Мовейд ал-Адль, который по мнению Б. А. Литвинского, был юридическим оформлением новой независимой политики Кич Тегина, бывшего раньше вассалом Кадыр Хана. Однако вскоре Кич Тегин — Айн ад-Доуле был вынужден отказаться от этой политики. Айн ад-Доуле снова признает себя вассалом, но вассалом покойного Кадыр Хана. Таким образом, избежав необходимости признать себя вассалом кого-либо из сыновей Кадыр Хана, Мухаммад б. Наср признавал свою лояльность правящему дому, родоначальником которого был Кадыр Хан. В 426 г. х. в Узгенде правитель с лакабом Насыр ал-Халк бьет монету также на правах вассала Кадыр Хана. Если учесть, что лакаб Насыр ал Халк — самый распространенный лакаб отца Мухаммада и что однажды Мухаммад уже носил другой лакаб своего отца— Мовейд ал-Адль, то станет ясно, что эта монета выбита Мухаммадом б. Насром. В 428 г. х. в Узгенде выходят монеты قيج (Кич) Мелика ал-Адля, который выступает как вассал Кадыр Хана — это, несомненно, тоже чекан Мухаммада, который по-прежнему предпочитает оставаться вассалом покойного Кадыр Хана. И, наконец, по Бейхаки, в 429 г. х. Узгендом владел Айн ад-Доуле Мухаммад б. Наср. Таким образом, мы можем утверждать, что в 416 и. с. 422 по 429 г. х. (а возможно, что и с 416 по 429 г. х.), Айн ад-Доуле Кич Тегин Мухаммад б. Наср владел Узгендом, столицей Ферганы. Причем, в 427 и, возможно, в 429 г. х. он владел Ахсикетом, вытеснив оттуда Моиз ад-Доуле Аббаса б. Ибрахима. Таким образом, получается, что Айн ад-Доуле владел Узгендом и был наиболее значительным из правителей Ферганы, проводя независимую и экспансивную политику. Здесь нет никаких разногласий с данными Бейхаки. Итак, в разное время Мухаммад б. Наср владел Узгендом (не менее 8—9, а может быть и все 15 лет), Ахсикетом (не менее 2,5—3 лет) и Ходжендом (не менее 1 года). Начиная с 430 г. х., политическая обстановка изменяется для Айн ад-Доуле в худшую сторону. Бури Тегин, бежав из Ферганы, захватил Саганиан и, выиграв несколько сражений с сыновьями Али Тегина, отбирает у них сначала Кеш (431 г. х.), а затем Бухару (433 г. х.). Очевидно, уже в

---

[50] На одной из монет, битых после 422 г. х. (см. А. К. Марков. Инв. каталог, стр. 255, № 398) Мухаммад б. Наср имеет лакаб Шихаб ад-Доуле. Вполне возможно, что Сулейман б. Шихаб ад-Доуле — сын Мухаммада б. Насра.

430 г. х. Бури Тегин был крупной политической силой, с которой Айн ад-Доуле вынужден был считаться, так как уже в 430 г. х. Моиз ад-Доуле Аббас б. Ибрахим опять владеет Касаном и Ахсикетом, а в середине 433 г. х. к его владениям прибавляется и Исфара. Айн ад-Доуле, очевидно, теряет значительную часть своих владений и вынужден к 434 г. х. довольствоваться Ходжендом, которым, возможно, раньше и не владел, а получил его в обмен за определенную часть своих владений (может быть, той же Исфары).

Клад, найденный в цитадели Кувы (IV) и «Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа» (I) дают нам интересный материал, иллюстрирующий проникновение Бури Тегина в Фергану и захват ее. В 439 и 440 г. х., а, возможно, и раньше (около 433—434 г. х.) в Маргинане самостоятельно чеканит монету правитель Ал Мелик ал Мовейд Тига Хан (IV, № 12, 13 и др.; III, № 228). Учитывая, что титул Тига Тегин принадлежал отцу Ибрахима и зная, что на этом периоде лакаб ал Мовейд ал Адль или просто ал Мовейд принадлежал Ибрахиму, можно сделать вывод, что Маргинан в это время уже принадлежал Ибрахиму б. Насру и что отцовский титул Тига Тегин или Тига Хан был им использован в данном случае. В Ахсикете в 440, 441 и 444 г. х. чеканит монету Джелал ад-Доуле Тига Тегин, но на правах вассала Бугра Кара Хакана (I, стр. 259, № 417—423). Есть монета Маргинана, битая в 4.... г. х. Джелал ад-Доуле (т. е. здесь опущено Тига Тегин) также на правах вассала Богра Хана (1, стр. 260, № 426). И, наконец, в 440—444 г. х. выходят монеты Азад ад-Доуле Бури Тегина, который в данном случае выступает как вассал Арслан Хана (IV, № 3; 21 и др.). К сожалению, круговые легенды на монетах сохранились очень плохо, поэтому можно лишь высказать предположение о месте их чекана — это или Ходженд, или Ахсикет. Итак, в процессе захвата Ферганы Ибрахим б. Наср выступал то как самостоятельный правитель, то как вассал одного из двух восточно-караханидских государей — Богра Хана или Арслан Хана. К началу 40-х гг. V в. Хиджры Бури Тегин уже владел западной частью Ферганской долины, в том числе Маргинаном и Ахсикетом. Возможно, восточная часть долины находилась в то время еще в сфере влияния Арслан Хана и Богра Хана. Большой интерес представляют монеты, чеканенные, вероятно, в восточной части Ферганской долины в 44.... г. х. Они выбиты от лица правителя Харуна б. Али, вассала Арслан Тегина (Арслан Хана). Скорее всего это младший сын Али Тегина, который выжил в борьбе с Бури Тегином. Старший, которого звали Юсуф, очевидно, погиб в одном из сражений. Харун б. Али, потеряв Бухару, Самарканд и другие владения отца, бежал на восток.

найдя убежище и защиту у Арслан Хана, который пожаловал ему в удел какой-то город на западных границах своего царства. Несомненно, именно Харун б. Али был сыном Али Тегина, которому, по рассказу Ибн ал-Асира, в 435 г. х. Сулейман б. Юсуф Арслан Хан II при разделе своих владений между родственниками выделил Бухару, Самарканд и «другие земли» (фактически уже завоеванные Бури Тегином). Эта акция была предпринята для поощрения реваншистских устремлений Харуна б. Али, мечтавшего отвоевать владения своего отца. Однако, это, как показала история, ему не удалось.

Такой в свете нумизматических данных выглядит история Караханидов II четверти XI в.

Н. Б. НЕМЦЕВА

РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ МАВЗОЛЕЯ «БЕЗЫМЯННЫЙ № 2» В КОМПЛЕКСЕ ШАХИ-ЗИНДА

Мавзолей XIV в., известный под названием «Безымянный № 2», из ансамбля Шахи-Зинда как наименее изученный, а также ввиду его аварийности одним из первых был включен в план исследовательских и реставрационных работ, проводимых Комитетом по охране памятников материальной культуры при Совете Министров УзССР[1].

Памятник разрушился давно. Уже в 70-е годы прошлого столетия, судя по дошедшей до нас фотографии в «Туркестанском альбоме», он выглядел примерно так же, как и сейчас[2]. Кому принадлежал мавзолей, неизвестно. Правда, в «Туркестанском альбоме» он назван, видимо, со слов шейхов, мавзолеем Эмира Ассада (Абдуль Каюма)[3], а в справочной литературе начала XX в. появляются сведения из того же источника, что мавзолей построен над могилой племянницы Тамерлана[4]. Последним же чтением надписей в портальной нише установлено, что ни имени захороненного, ни даты сооружения мавзолея в них не указано[5]. Время постройки мавзолея на основании стилистических данных декора большинством исследователей определяется 80-ми годами XIV в.[6]

---

[1] С октября 1964 г. переименован в Управление по охране памятников материальной культуры Министерства культуры УзССР.

[2] Туркестанский альбом, часть археологическая, т. VII, СПб., 1870, стр. 39.

[3] Там же.

[4] Г. А. Панкратьев. Исторические памятники Самарканда, Самарканд, 1910, стр. 21.

[5] В. А. Шишкин. О мнимом мавзолее «Улуг Бегим», в Шахи-Зинда, «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 11, стр. 66—67.

[6] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры», 1939, стр. 162; Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, ГИХЛ УзССР, 1961, стр. 232.

В 1959 г. автор статьи и архитектор Ю. З. Шваб провели археолого-архитектурные исследования мавзолея «Безымянный № 2» для получения исходных данных к проекту консервации. На перспективность изучения этого уникального памятника указывали и остатки более древнего сооружения, как бы вмурованного в кладку портала, которое, судя по декору, могло относиться к XI—XII вв.

Археологический раскоп был заложен на месте разрушенного интерьера, западнее руин портала; площадка разбита на квадраты 2×2 *м*. Вертикальная фиксация материалов велась по ярусам (50 *см*). В результате проведенных работ были вскрыты остатки стен двух последовательно существовавших на одном месте мавзолеев, практическая консервация которых была исключена ввиду их незначительной сохранности.

Мавзолей XIV в. От мавзолея, кроме его портала сохранилась часть северной стены высотой 0,5 *м*, частично вымостка пола со следами надгробий и местами плинтус из голубых профилированных изразцов по периметру стен. На восточной стене (главный фасад) со стороны интерьера была расчищена неглубокая ниша с заложенным входным проемом и следами панели (рис. 1). Все это позволило восстановить план мавзолея и судить в какой-то мере о его верхних конструкциях[7].

Мавзолей «Безымянный № 2» — типичное для ансамбля Шахи-Зинда однокупольное сооружение с близким к квадрату внутренним планом (8×8,3 *м*), но несколько большие, чем другие усыпальницы XIV в. Наружные габариты — 11,2×1,3 *м*, толщина стен — 1,5 *м*. Стены выложены камуфлетной кладкой из квадратного кирпича $25^2 \times 5$ и $26^2 \times 5$ *см* на лессовом растворе.

Склепа мавзолей не имел. Это необычное явление в строительной практике XIV—XV вв., г. Самарканда, когда подпольное погребальное помещение (склеп) становится неотъемлимой составной частью парадной надземной усыпальницы[8], видимо, в данном случае было вызвано наличием остатков более древнего мавзолея, нежеланием тревожить останки предков.

Захоронения были произведены в обычных грунтовых ямах. Количество их не удалось установить из-за нарушенности интерьера поздними могилами. На полу обнаружены следы трех намогильников. Один из них ступенчатой формы, оштукату-

---

[7] Ю. З. Шваб. Мавзолей «Неизвестный № 2» из ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде, «Строительство и архитектура Узбекистана», 1963, № 3, стр. 23.

[8] Все 13 мавзолеев XIV — XV вв. ансамбля Шахи-Зинда, обследованных нами, в том числе вновь вскрытые, имели склепы.

ренный ганчем, частично сохранил выполненную тушью арабскую кораническую надпись, по стилю отнесенную М. Е. Массоном к XV в. Этому намогильнику под полом, на глубине 1,7 *м* соответствовала могильная камера, выложенная сырцо-

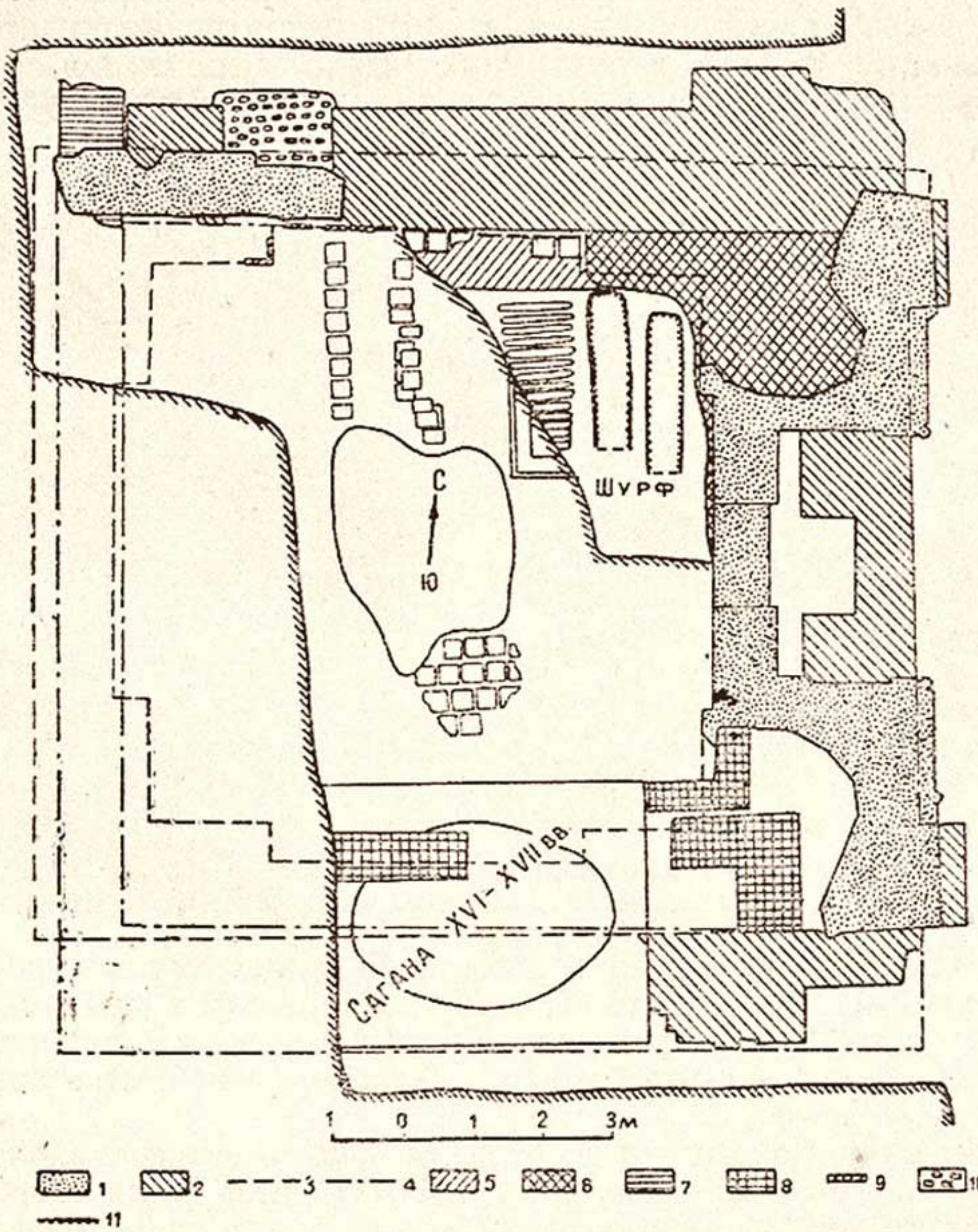


Рис. 1. План раскопа с остатками стен двух последовательно существовавших мавзолеев XII и XIV вв.:

1—существующие и вскрытые части стен мавзолея XIV в.; *2*—вскрытые части стен мавзолея XII в.; *3*—схема плана мавзолея XIV в.; *4*—схема плана мавзолея XII в.; *5*—выступ фундамента мавзолея XII в.; *6*—фундамент портальной стены мавзолея XIV в.; *7*—стена примыкающая без перевязки к мавзолею XII в.; *8*—ремонтные кладки (XVII—XIX вв.); *9*—голубой плинтус панели мавзолея XIV в; *10*—закладка проема мавзолея XII в.; *11*—могильные ямы в слое лессовых заливок на уровне фундамента мавзолея XII в.

вым и жженым кирпичом, сверху перекрытая деревянным накатом.

Пол мавзолея был завален огромным количеством фрагментов декора, в основном представленного майоликой. Это позволило мысленно реконструировать характер оформления интерьера[9]. Здесь найдены фрагменты шестигранных плит от облицовки панелей и стен, сталактиты от оформления яруса арочных парусов (рис. 2), слегка вогнутые плиты с крупным

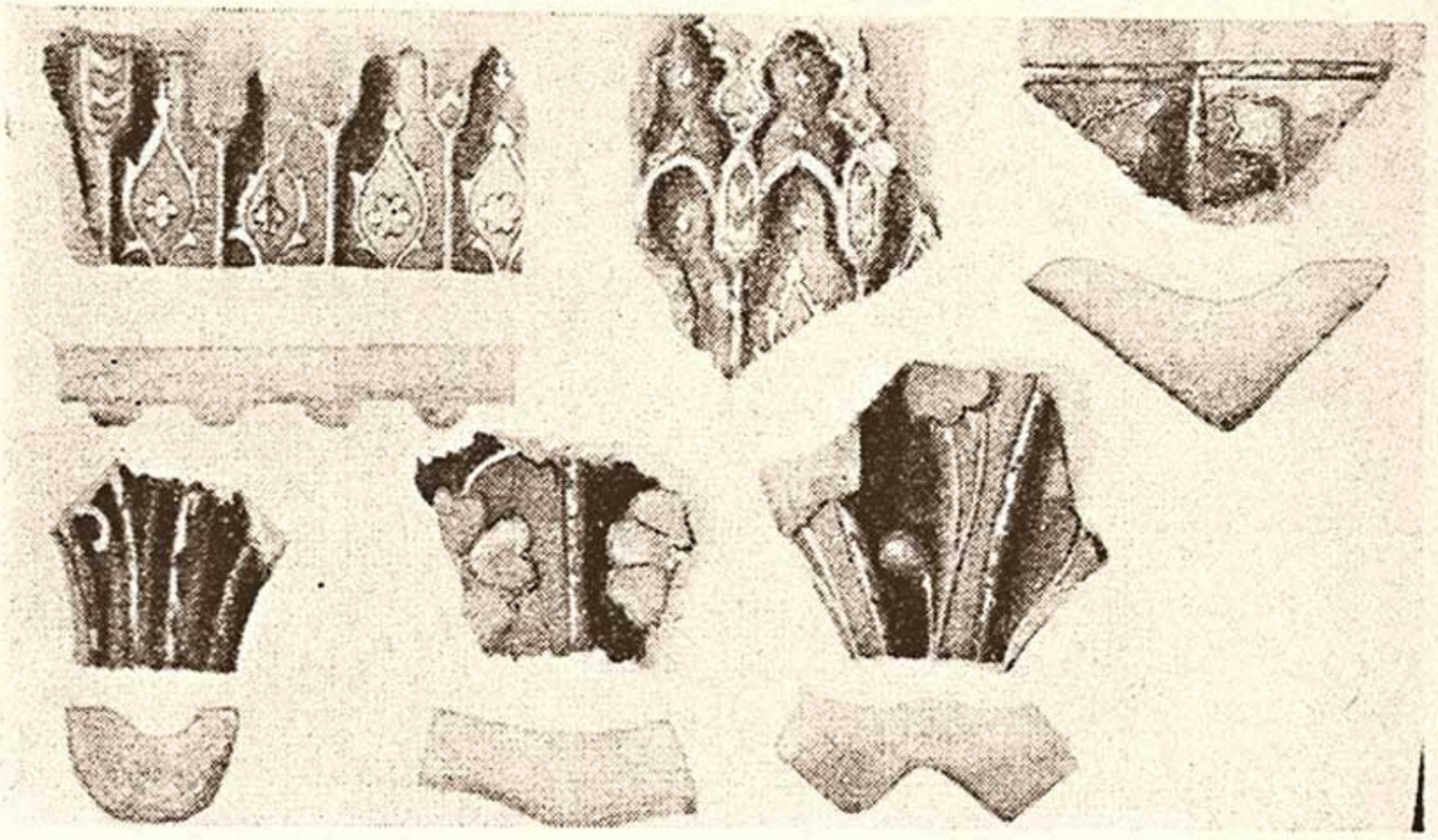


Рис. 2. Фрагменты майоликовых сталактитов от облицовки яруса парусов в интерьере мавзолея XIV в. (рис. выполнен Ю. З. Шваб).

гирихом от облицовки внутреннего купола, идентичные декору купола в мавзолее Шади-Мульк-ака, а также фрагменты плиты от верхней части четверика с крупной арабской надписью, сделанной в терракоте глубоким рельефом и покрытой золотом по кобальту.

Характер найденного декора, цветовое сочетание майолик, их сочная яркая полихромная гамма, характер стилизованно-растительного орнамента, выполненного в слегка рельефной, выпуклой технике — все это находит много общего с декором интерьеров мавзолея Шади-Мульк-ака и мавзолея «Безымянный № 1», построенного усто-Али из ансамбля Шахи-Зинда, что связывает эти памятники хронологически и подтверждает предложенную ранее датировку — 80—90-ые годы XIV в.

---

[9] Детальная характеристика декора мавзолея опускается, так как уже явилась предметом публикации Ю. З. Шваб, указ. статья, стр. 24—25.

Наблюдения на раскопках показали, что исследуемый мавзолей существовал примерно 150—200 лет. В слое мусора, перекрывающем завал облицовочного материала, на полу мавзолея была найдена медная монета, отнесенная М. Е. Массо-

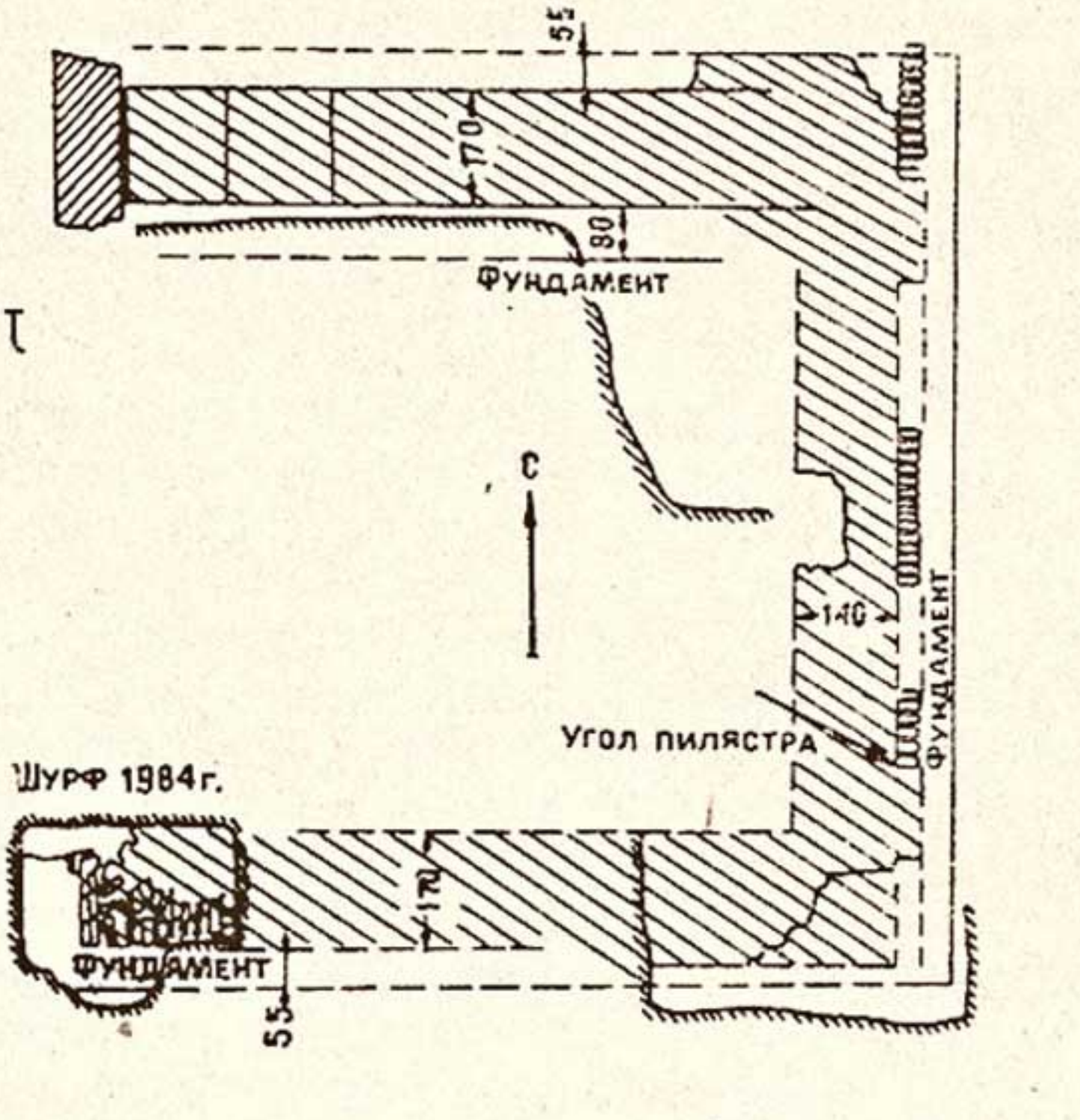


Рис. 3. План мавзолея XII в. (I) и разрез фундаментов главного фасада (II):

1—стены мавзолея XII в.; *2*—фрагмент стены 2-го строительного периода; *3*—фундамент из чупанатинского сланца.

ном к XVI в. Косвенным свидетельством непродолжительности существования усыпальниц может служить прекрасная сохранность позолоты на майоликах, которая от длительного пребывания на воздухе начинает шелушиться и опадать. Сплошной слой облицовки на полу свидетельствует о внезапном обрушении мавзолея, видимо, происшедшем по какой-то

внешней причине, скорее всего землетрясения, чему безусловно, предшествовало потенциальное конструктивное неблагополучие.

Мавзолей XI — XII в. Большой интерес представляют остатки сооружения XI—XII вв., на стенах которого, как указывалось выше, был построен мавзолей XIV в. Кирпич кладки стен этого здания прямоугольный — 28 — 33 × 16—18 × 3—5 *см*, раствор лессовый.

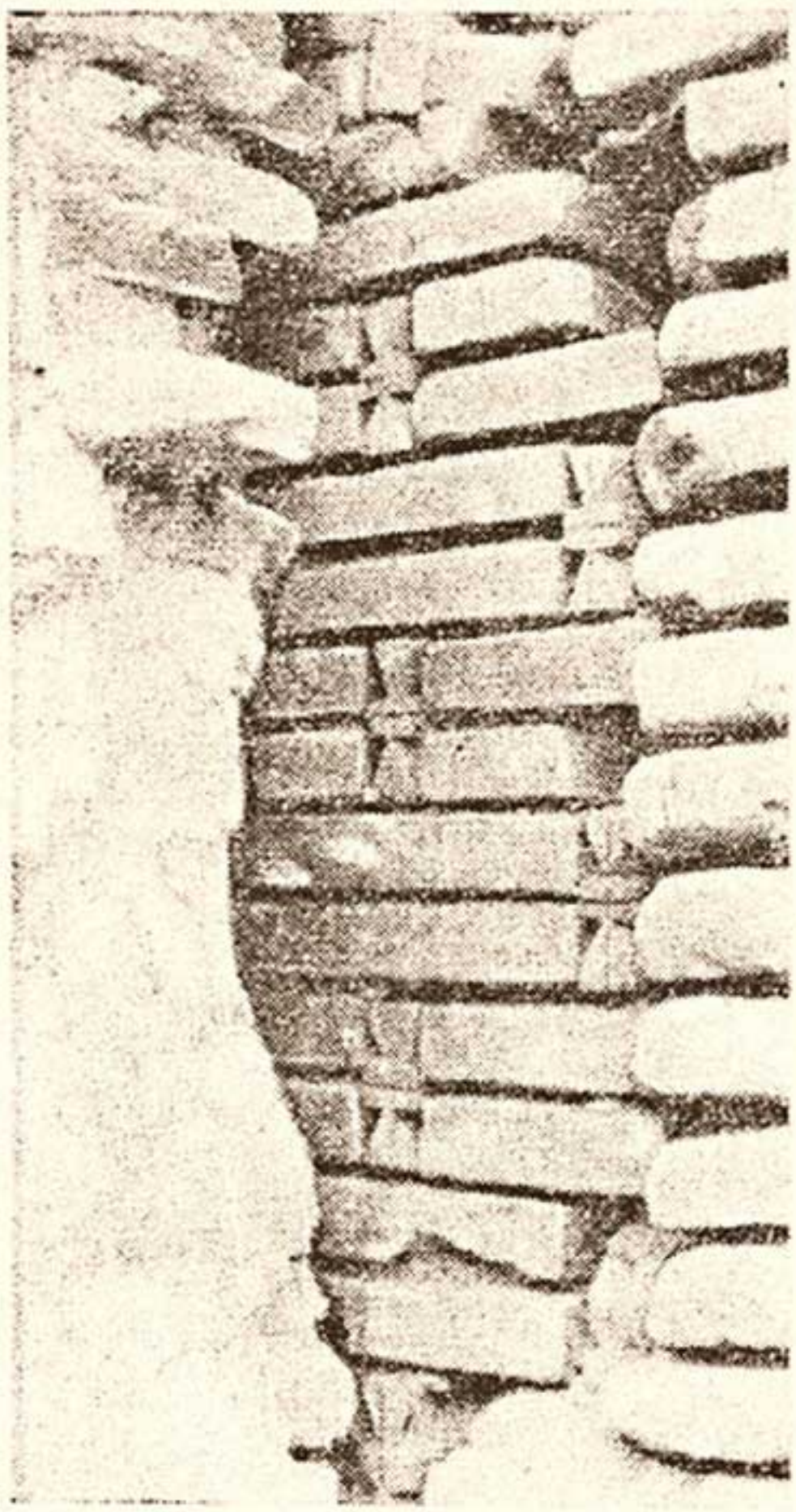


Рис. 4. Облицовка главного фасада мавзолея XII в.

Полностью вскрыта северная стена шириной 1,7 *м*, сохранившаяся на высоту 1,65 *м* от выступа фундамента; от южной стены сохранился только фундамент. Почти по всей, длине, максимально на высоту 1,8 *м*, прослежена стена главного восточного фасада, включенная в портал XIV в. и расчищенная на всех участках, где она выходит за его пределы.[10]. Шурфом удалось зафиксировать фундамент и основание кладки юго-западного угла со стороны интерьера.

В результате установлено, что исследуемое сооружение по внутреннему плану было близко к квадрату со стороной более 9 *м*. Внешние габариты—12,7 × 12 *м*. Выдержанная на всем протяжении в одной плоскости стена главного фасада свидетельствует о центрической композиции сооружения (рис. 3).

Фасад, облицованный методом шахматного чередования спаренных шлифованных кирпичей и фигурных изразцов типа «бантиков» (рис. 4) был разбит лопатками на отдельные прямоугольные панно с неглубокими (до 35 *см*) декоративными нишами; следы такой лопатки (пилястра) обнаружены во время ремонта цоколя портала XIV в. в южной половине фа-

---

[10] Дополнительное изучение мавзолея производилось в 1961, 1963, 1964 гг.

сада (рис. 5). Такой метод оформления глади стен был очень распространен на синхронных памятниках Средней Азии. Примером может служить архитектурное членение внешних стен мавзолеев Абу-Саида, Серахс-баба, Аламбердара, Ярты-Гумбаз и др. (Южная Туркмения)[11], оформление боковых крыльев Рабат-и-Малик (Бухарская область)[12], фасадов мавзолеев XI—XII вв. в группе Султан-Саодат, а также главного

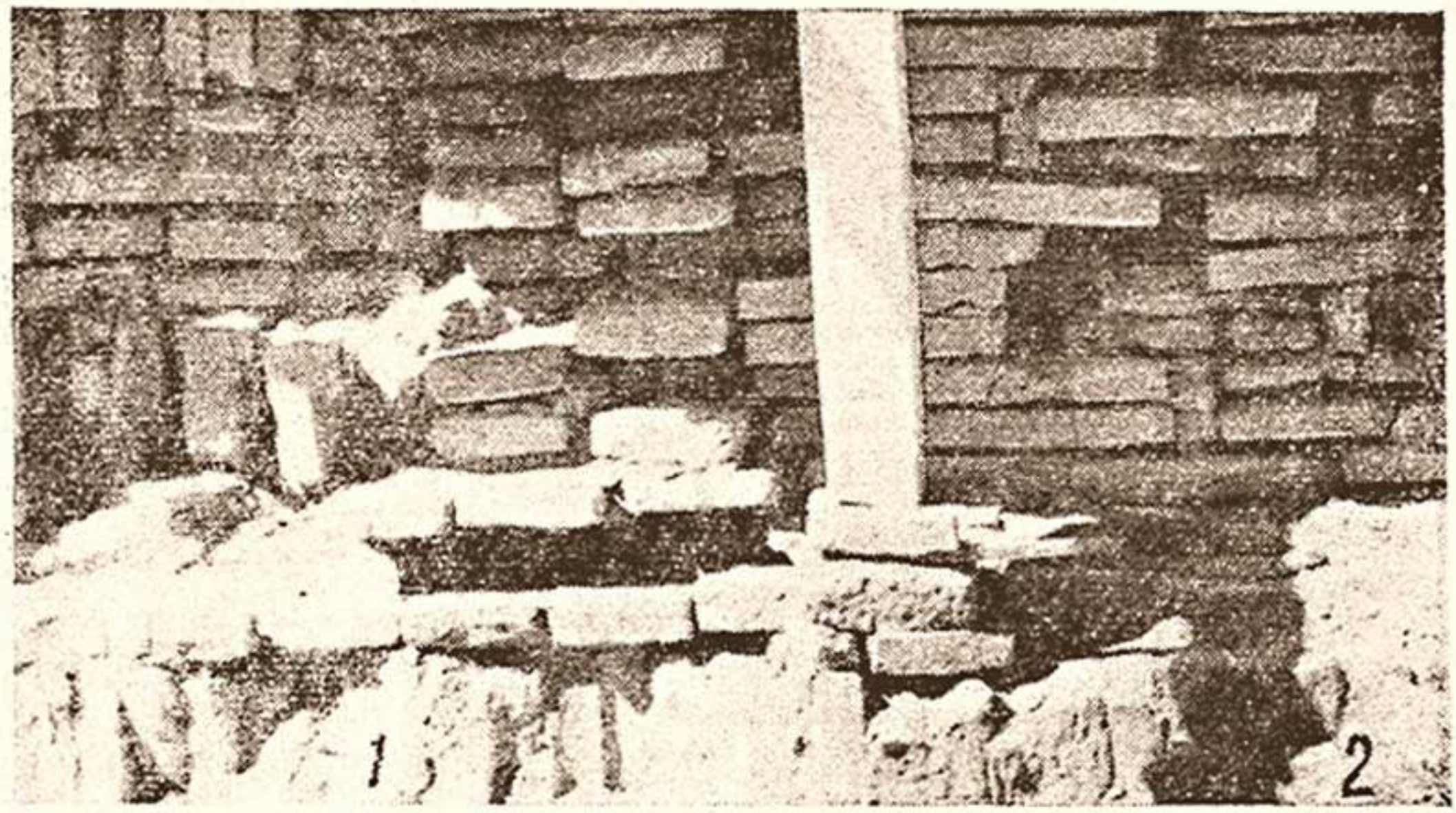


Рис. 5.

1—черновое тело выступающего пилястра; *2*—декорированная плоскость ниши.

фасада западного мавзолея комплекса Ходжа Машад в сел. Саят (Южный Таджикистан) и др.

Заслуживает внимания конструкция кладки главного фасада памятника. На толщину более метра с внешней стороны фасада черновое тело стены выложено не обычной горизонтальной порядковой, а методом чередования вертикальных рядов кирпича с горизонтальными. Причем определенной закономерности в количестве чередующихся рядов нет. Как правило, один ряд кирпичей, уложенных на ребро в вертикальном положении, сменяется одним-двумя или четырьмя рядами горизонтальных. На некоторых вскрытых участках наблюдается перебивка вертикальных рядов горизонтальными и нао-

---

[11] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 277, 279, 285, 304.

[12] В. А. Нильсен. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI — XII вв., Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 45.

борот (рис. 6). Раствор в кладке описанной части стены применен не лессовый, а плохо очищенный от лесса ганчевый; на нем же сложена и облицовочная «рубашка» фасада.

Аналогичным способом, как показали наши исследования, выложено черновое тело стены главного фасада и еще одной домонгольской усыпальницы из ансамбля Шахи-Зинда, вскрытой в 1960 г. севернее исследуемого мавзолея. Здесь также не было какой-либо определенной системы в чередовании и комбинировании рядов кирпича.

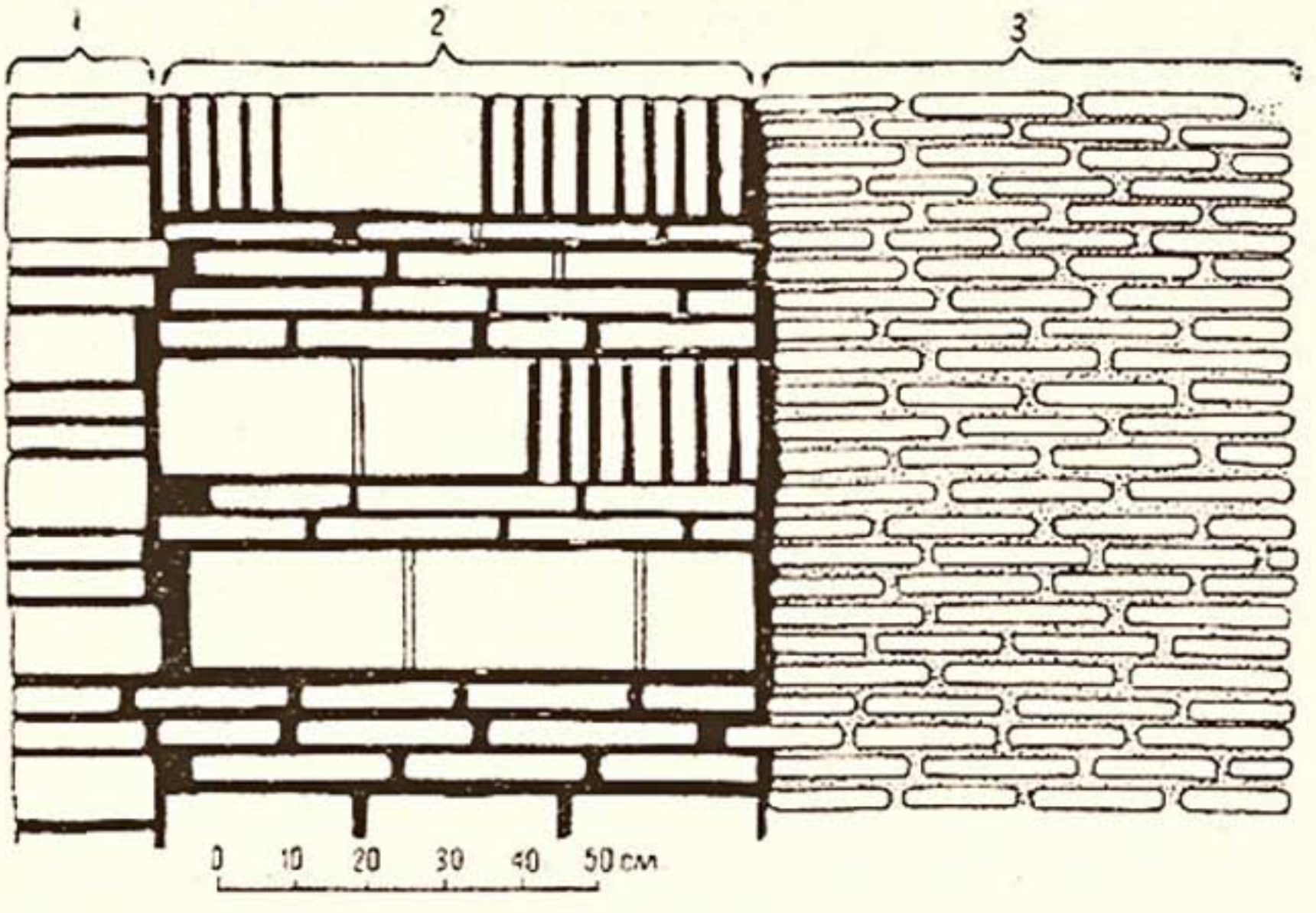


Рис. 6. Характер конструктивной кладки чернового тела стены главного фасада мавзолея XII в. (поперечный разрез).

1—облицовка; *2*—конструктивная кладка стены на ганче с лессом.; *3*—обычная кладка стены на лессе.

В обеих памятниках описанный вид кладки расположен по внешней половине стены, несущей декор, вторая же — выложена обычными горизонтальными рядами кирпича на лессовом растворе. Вертикальный обрез интересующей нас части кладки на линии стыка с облицовкой характеризуется как бы рваной неровной фактурой поверхности за счет отдельных выпусков кирпича, что в целом препятствовало скольжению примыкающего облицовочного слоя.

Описанная комбинированная система кладки, конструктивное значение которой, по мнению большинства исследователей, несомненно[13], прослеживается на многих памятниках средне-

[13] В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии, Сб. «Архитектурное наследство», 1953, № 3, М., стр. 14; А. М. Беленицкий. Работы вахшского отряда в 1946 г., МИА, 15, М. — Л., 1950, стр. 134.

азиатского зодчества домонгольского периода и является, видимо, одной из форм последующих трансформаций прямой конструктивной связи декора здания с черновым телом стены, характерной для более ранней поры (мавзолей Исмаила Саманида в Бухаре).

Как уже отмечалось в литературе[14], в широкой строительной практике XI—XII вв. в Средней Азии постепенно исчезают технически трудоемкие процессы выкладывания облицовочного слоя в перевязку с основным массивом стены[15].

Описанные выше технические приемы связаны еще со строительными традициями X в., но уже в значительной мере утратили свой рациональный смысл.

Вскрытая усыпальница имела фундаменты, сложенные из кирпича и каменного бута с широким выступом, глубиной заложения от 1 до 3,5 *м*, что было, вероятно, вызвано различной плотностью нижележащего грунта культурного слоя. Фундамент главного фасада, выложенный из кирпича на высоту 0,6—1 *м*, выступал на 70—75 *см* ниже, на глубину от 50 *см* до 2 *м* (с усилением у юго-восточного угла) шла каменно-бутовая «подушка». Фундамент северной стены (вскрыт шурфом со стороны интерьера) имел глубину заложения 75 *см*, выступ — 82 *см*.

Декоративное убранство мавзолея было строгим и относительно скромным. Об этом говорят сохранившиеся остатки облицовки и незначительное число фрагментов резной неполивной терракоты, найденной при раскопках. Уцелевшая в основании стены главного фасада облицовка из спаренных шлифованных кирпичей и «бантиков», а также следы пилястра, свидетельствующего о расчленении глади стены на отдельные панно с плоскими нишами, были, очевидно, почти единственным видом наружного украшения здания. На других стенах мавзолея следы декора не сохранились.

Найденные при раскопках фрагменты резной неполивной терракоты, характерной для XI—XII вв., немногочисленны и недостаточно выразительны, чтобы судить об их месте на памятнике. Преобладающими являются плиты с крупным геометрическим гирихом, иногда с включением цветочных элементов, видимо украшавших верхние части здания (рис. 7). Несколько фрагментов терракотового бордюра с глубокой

---

[14] Г. А. Пугаченкова. Мавзолей Араб-Ата, Искусство зодчих Узбекистана, вып. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 76.

[15] Иногда такая кладка встречается и в XIV в. М. С. Ланиро-Скобло. Портал караван-сарая на городище Ташкала, ТХАЭЭ, II, М., 1958, стр. 538, рис. 4.

резьбой, заключающей рисунок — вьюн в виде тюльпана с листьями (рис. 8), дополняют коллекцию облицовок.

Интерьер мавзолея был оштукатурен и покрыт росписью, Белая ганчевая штукатурка по глинно-саманной обмазке сохранилась в основании северной стены на высоту 70 *см* от вы-

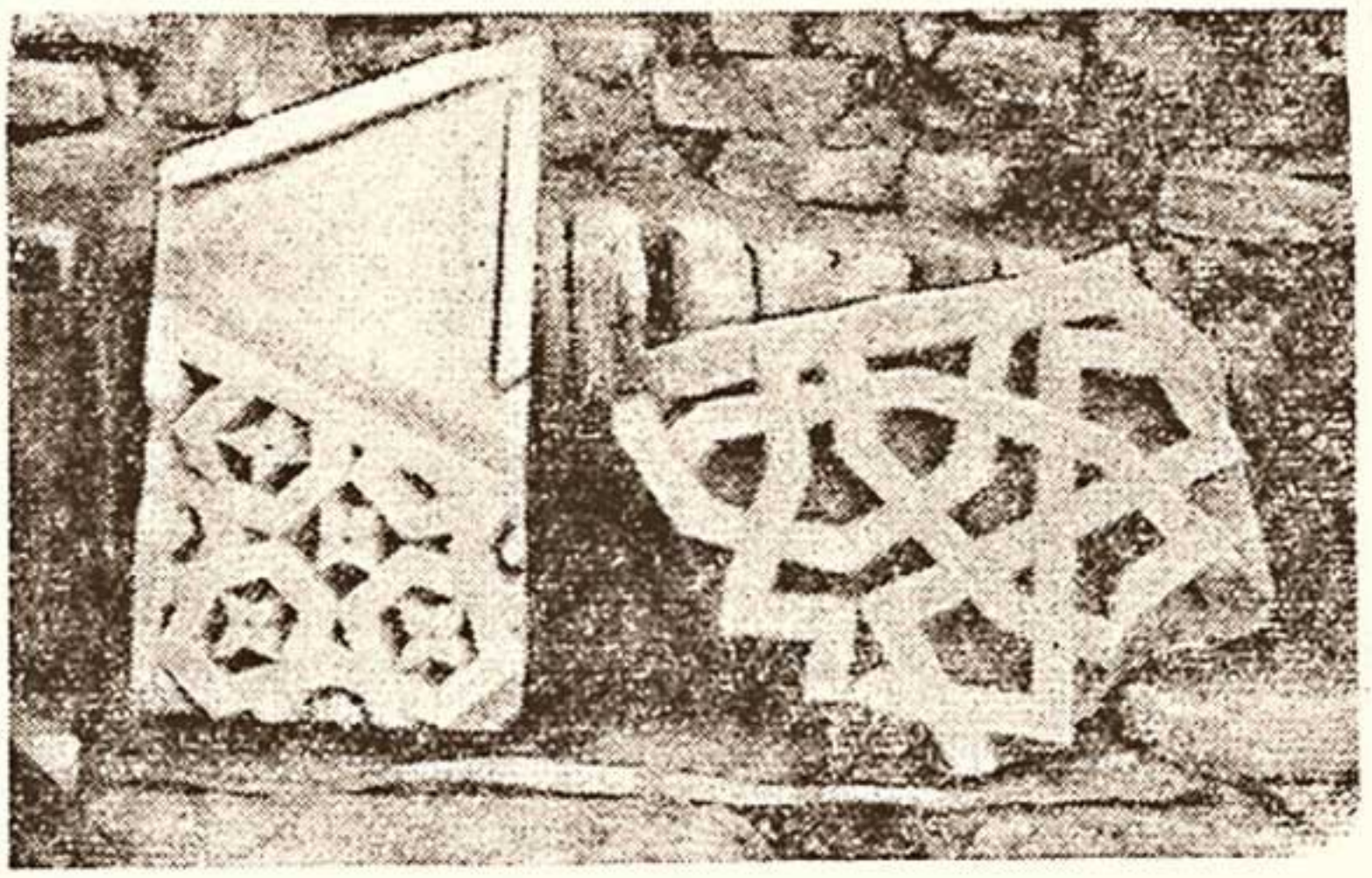


Рис. 7. Декор первой половины XII в. (неполивная терракота).

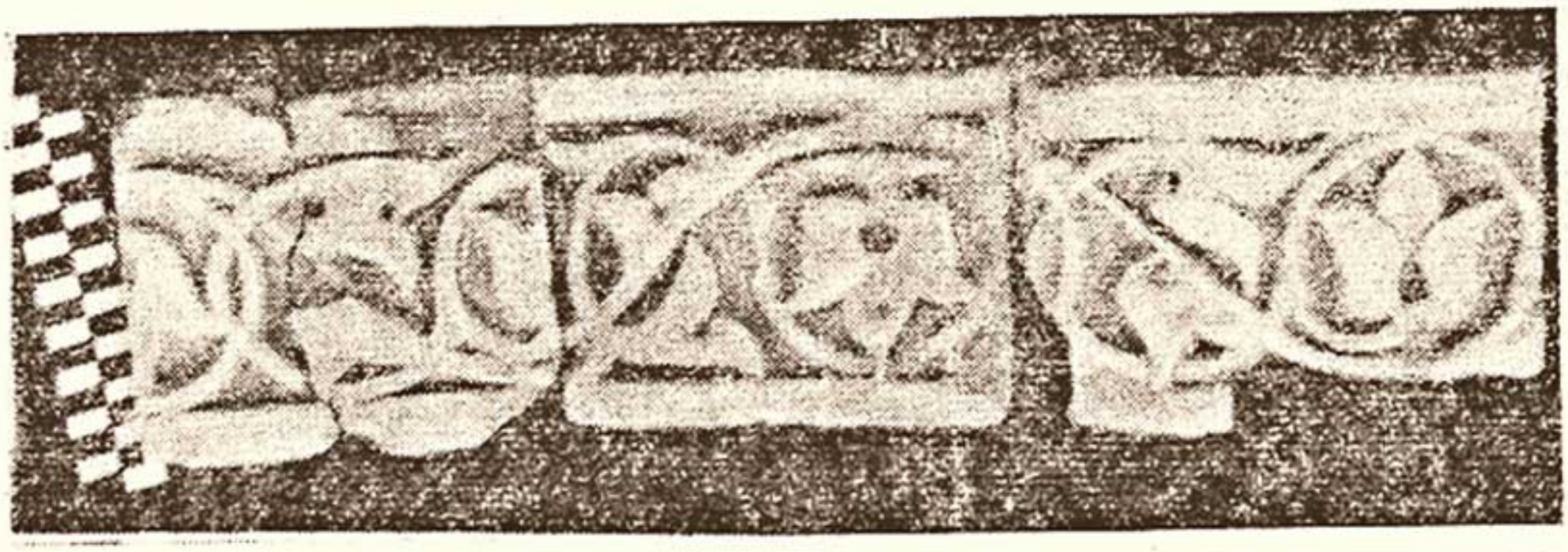


Рис. 8. Декор первой половины XII в. (резная неполивная терракота)

мостки пола. На полу,рядом со стеной, в завале мусора были найдены фрагменты фресок, выполненных глухой минеральной краской. По-видимому, они принадлежали верхним частям стен. Измельченность фрагментов не дает возможности восстановить рисунок, но судя по отдельным элементам, это был стилизованно-растительный орнамент, выполненный тонким черным контуром. В цветовой гамме росписей преобладающим был синий цвет, большую роль играл белый фон шту-

катурки. Палитра красок дополнялась также желтым и оранжево-красными тонами.

При раскопках найдено несколько фрагментов плоского стекла в виде диска с загнутым манжетом по краю и конусовидным утолщением в центре, что дает основание говорить об остеклении мавзолея. Подобные формы стекла в настоящее время широко известны в литературе и совершенно определенно связываются только с остеклением оконных проемов зданий монументальной архитектуры или богатых жилых домов[16].

Таким образом, результаты проведенных работ позволили в какой-то мере выявить архитектурный облик мавзолея и уточнить дату его строительства, которая определяется концом XI — первой половиной XII в. Нижняя грань устанавливается на основании стратиграфии культурных слоев данной территории Афрасиаба, где вплоть до конца XI в. наблюдаются следы обживания[17], и лишь позже появляется кладбище и некрополь. Верхнюю грань времени строительства дает сравнительный анализ облицовочного материала памятника. Известные, точно датированные, территориально близкие сооружения второй половины XII в. (северный и южный мавзолей Узгена, часть портала предполагаемого мавзолея Ибраги-ма-бен Хусейна[18]) характеризуются широким применением в облицовках резной неполивной терракоты, очень развитой как по технике выполнения, так и по сложности орнаментальных мотивов, являющих как бы новую ступень в развитии облицовочно-декоративного искусства, чего не обнаружено при раскопках данного мавзолея.

Вскрытое сооружение конца XI — первой половины XII в. дало возможность получить представление об одной из ранних усыпальниц некрополя, не представленных в ансамбле Шахи-Зинда существующими памятниками[19].

Это тем более важно, что в Самарканде вообще не сохранилось ни одного сооружения домонгольской поры, и о строительной практике в городе этого периода имелись лишь самые общие представления, основанные на отдельных фрагментарных находках.

---

[16] Е. А. Давидович. Стекло из Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 391; Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки нового Сарая в 1959—1962 гг., СА, 1964, № 1, стр. 268; Н. Н. Вактурская. О средневековых городах Хорезма, МХЭ, вып. 7, М., 1963, стр. 50, рис. 6, 11; С. А. Трудновская. Стекло с городища Шах-Сенем, ТХЭ, I, II, Изд-во АН СССР, 1958.

[17] Н. Б. Немцева. Раскопки на ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде, СА,.1964, № 1, стр. 337.

[18] Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 165.

[19] Исключение составляют сильно перестроенный мавзолей Куссам-ибн-Аббаса и минарет у третьей сени верхней группы сооружений.

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕГО ВОДОХРАНИЛИЩА ГИШТБАНД В ДЖОМЕ

Весной 1962 г. Махандарьинский археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР, возглавляемый член.-корр. АН УзССР проф. Я. Г. Гулямовым[1], обстоятельно изучил остатки плотины одного из древних горных водохранилищ, расположенных в 68 *км* от г. Каттакургана в местности Джом[2]. Дорога из Каттакургана в Джом проходит через местности Энамяхши, Кечкельдик, Кукташ, Башкудук, Ишот, Улус и Ибрагимата.

Местность Джом, как и другие предгорные районы Зарафшанского хребта, — самый маловодный район Самаркандской области, хотя из горных ущелий вытекают многочисленные большие и малые саи родникового происхождения. Поэтому земледельческое население этих местностей с древнейших времен стремилось сделать все возможное для использования этих скудных водных ресурсов в своем ирригационном хозяйстве. Для утилизации зимних вод и весенних силевых потоков Каттасая в горном ущелье Амандара было сооружено водо-

---

[1] В состав отряда входили: ст. научн. сотрудник А. Р. Мухамеджанов, художник И. К. Сазонов, оператор Далабаев, асс. оператора М. Октамов, шоферы М. Юнусов и В. Каричев. Кроме обмеров и составления чертежей, была произведена киносъемка раскопа остатков плотины.

[2] Остатки плотины водохранилища «Гиштбанд» были обнаружены весной 1962 г. по устному сообщению начальника Учкулакской геологической партии М. Д. Троянова. Пользуясь случаем, выражаем ему искреннюю признательность. Летом того же года, когда наш отряд вернулся в Ташкент, В. А. Шишкин сообщил нам, что остатки этого памятника были обнаружены покойным археологом И. А. Сухаревым еще в 1936 г. Полевой дневник его хранится в фондах Самаркандского историко-краеведческого музея. Нам удалось ознакомиться с дневником и отчетом И. А. Сухарева, за что мы очень благодарны В. А. Шишкину. Однако надо отметить, что полевые работы И. А. Сухарева в 1936 г. в местности Джом носили рекогносцировочный характер его данные об этом сооружении имеют некоторые расхождения с нашими обмерными цифровыми данными.

хранилище. Хотя плотина этого древнего водохранилища среди местного населения известна под названием «Гиштбанд» или «Хиштбанд» — «Кирпичная плотина», сложена она из нетесанного камня местной породы — аплита — на высококачественном известково-зольном растворе. Для наружных лицевых плоскостей подобраны камни с плоскими сторонами. Плотина Гиштбанд перегораживает самый узкий каньон ущелья Амандара, где ширина сая не превышает 8—10 *м*. Длина плотины по верху — 25,5 *м*, по низу — 10; толщина по верху — 5,5 *м*, в основании — 9,1; высота сохранившейся части плотины — 7—8 *м*, первоначальная высота — около 9 *м*[3].

В настоящее время вся средняя часть плотины до самого основания разрушена; сохранились ее боковые части, упирающиеся в скалистые берега Каттасая. Западная лицевая часть плотины Гиштбанд — ступенчатая. Верхние ступеньки сильно оплыли; сохранилась лишь нижняя высотой в 1,75 *м*, шириной в 1 *м*. Внутренняя, восточная часть ее, — плоская; кладка выложена почти вертикально. Она поднимается кверху под углом 87°. По рассказам старожила кишлака Джом 78-летнего Саадынбобо Алимкулова, когда-то в средней части плотины было сделано пять отверстий[4] для спуска воды из чаши водохранилища с разных уровней горизонта воды. Однако эти ступенчатые водоспускные отверстия впоследствии были разрушены весенними силевыми потоками Каттасая (рис. 1).

Судя по сохранившейся части, плотина Гиштбанд по своей конструкции очень близка плотине водохранилища Ханбанди (X в.), обнаруженной в 1950 г. Я. Г. Гулямовым в Фаришском районе Сырдарьинской области[5].

По величине плотина Гиштбанд была почти в два раза меньше плотины Ханбанди[6], а по общему техническому расчету прочнее ее. Так, толщина плотины Гиштбанд по отношению к высоте и длине (в основании) равняется 1 : 1, тогда как

---

[3] По данным И. А. Сухарева, длина плотины по верху — 12 *м*, по низу — 6, начальная высота — 6—7 *м*; см. И. А. Сухарев. Дневник археологической разведки в Самаркандской группе районов за 1936 г., л. 55; Он же. Отчет об археологической разведке в Самаркандской группе районов (1935—1936 гг.), л. 73, Рукописный фонд Самаркандского историко-краеведческого музея, инв. № III = 314.

[4] В свое время И. А. Сухарев сообщил, что их было 3. Дневник, л. 55, Отчет за 1935—1936 гг., л. 73 .

[5] Я. Г. Гулямов. К изучению древних водных сооружений в Узбекистане, «Известия АН УзССР», 1955, № 2, стр. 65—68.

[6] Длина плотины Ханбанди равнялась по верху 51,75, *м*, по низу — 24,30, высота — 15,23, толщина по верху — 2,30, по низу — 7,80 *м*. А. Бабаханов. О некоторых древних водохозяйственных сооружениях Узбекистана, «Известия АН УзССР», Серия общ. наук, 1959, № 4, стр. 48. См. также: Я. Г. Гулямов. Указ. статья, стр. 68.

толщина Ханбанди по отношению к высоте равняется примерно 1 : 2, к длине основания — 1 : 3.

Граница древнего водохранилища Гиштбанд, образовавшегося перед плотиной, хорошо прослеживается в расширенной части долины Амандара, где древние наносимые отложения сая прорезаны современным руслом Каттасая. Длина водохранилища простиралась на 650—700 *м;* ширина его у плотины — 25 *м* и у концевой границы до 100 *м* (рис. 2). Емкость водохранилища приблизительно 250—300 тыс. $м^3$. Оно орошало примерно 250—300 *га* земельной площади. Несомненно, жители Джомского оазиса в древности пользовались водохранилищем Гиштбанд. Выход из строя этого водного сооружения, на наш взгляд, произошел из-за постепен-

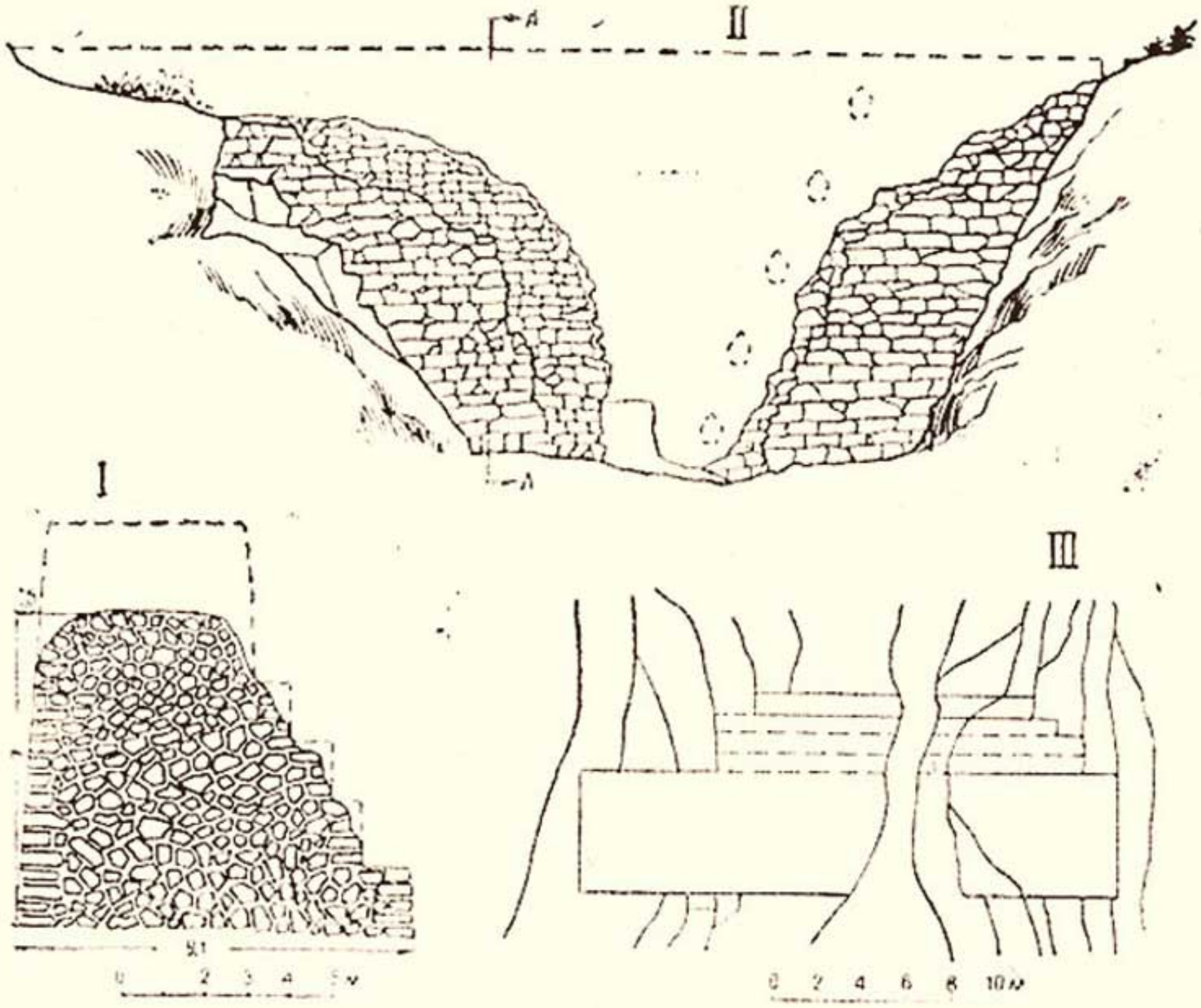


Рис. 1. Обмерные чертежи плотины Гиштбанд.

ного заиливания в течение всего эксплуатационного периода наносами, из года в год уменьшавшими его емкость. Заиливание чаши водохранилища началось с первых же дней эксплуатации, так как в конструкции этого сооружения не было учтено пространство для мертвых вод, которое обычно предусматривается для водных наносов, оседающих в водоеме. От объема последнего и мутности воды значительно зависит про-

должительность эксплуатации ирригационного сооружения. С течением времени чаша водохранилища Гиштбанд была наполнена наносами Каттасая до краев плотины, площадь орошаемых земель долины Амандара значительно сократилась. Впоследствии бурные силевые потоки горной реки прорвали плотину и разрушили ее среднюю часть. Постепенно смывая прежние наносные отложения, вода проложила себе новое, более узкое русло в чаше водохранилища. Нынешний северный берег сая в чаше водохранилища состоит из древних периодических отложений Каттасая, наносившихся в

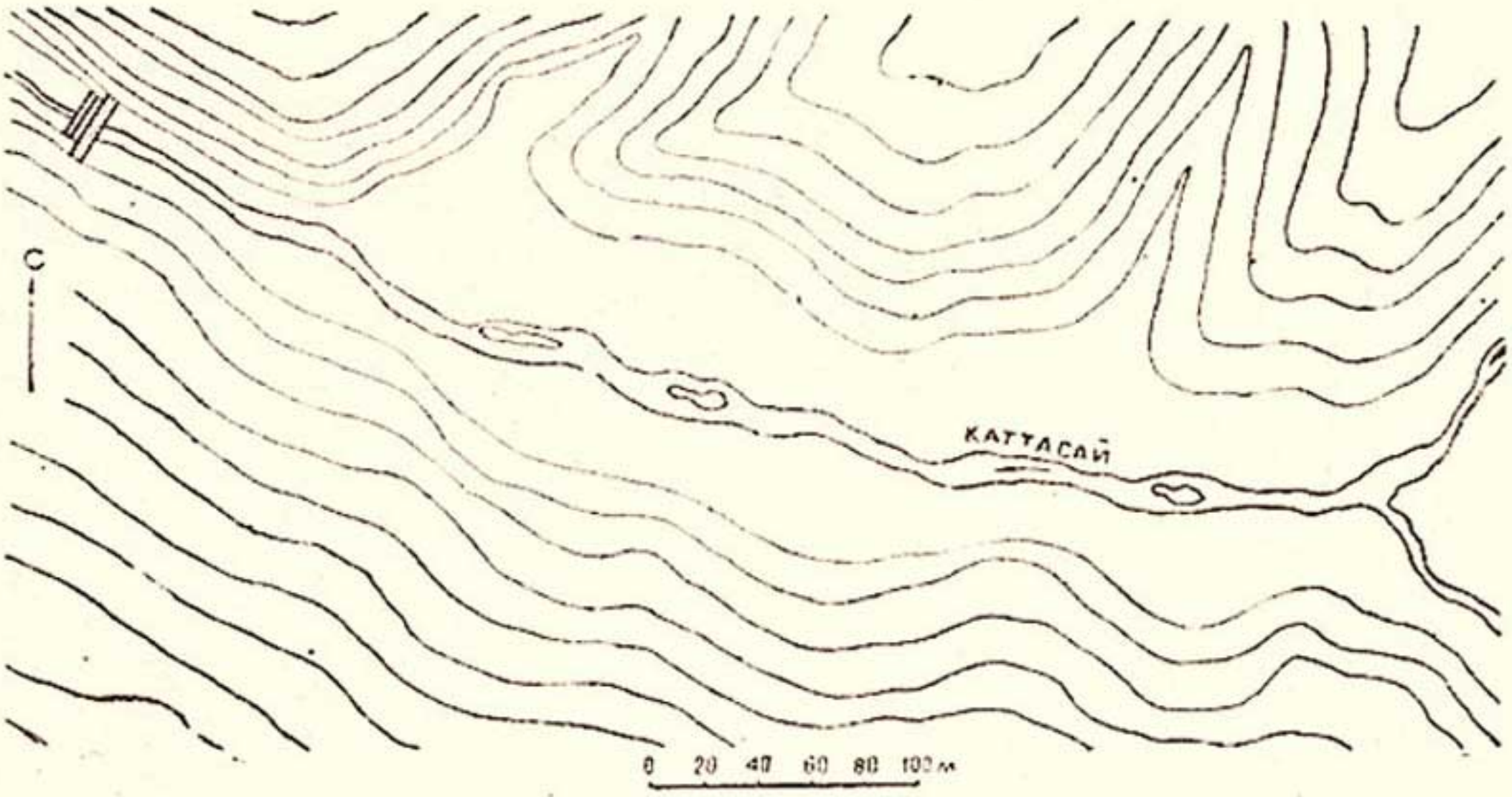


Рис. 2. Схематический план водохранилища, образовавшегося перед плотиной.

течение всего периода эксплуатации водохранилища Гиштбанд.

Изучение конструкции плотины показало, что древние земледельцы Джомского оазиса перестали пользоваться этим сооружением потому, что чаша водохранилища заполнилась наносными отложениями до краев плотины, а не по причине разрушения ее иноземными завоевателями, как это случилось с другими памятниками.

Благодаря возведению в горном ущелье Амандара этого ирригационного сооружения в 5 *км* к западу от плотины в начале XII в. возникло хорошо укрепленное городище, развалины которого называются в настоящее время Каттатепа (Большой бугор). Каттатепа расположено у подножия предгорных холмов, идущих параллельно саю. Оно имеет четырехугольную форму, вытянутую с юга на север, площадью

примерно 3,5 — 4 *га*. В середине городища расположена цитадель, площадь которой — 40 × 60 *м*.

Археологический материал, собранный на городище Каттатепа, состоит из фрагментов краснолощеной тонкой и глазурованной керамики с коричневой росписью, относящихся к XII в.

Для исследования плотины Гиштбанд немаловажное значение имеет изучение строительного вяжущего раствора, использованного в кладке плотины, химический состав которого, несомненно, представляет большой научный интерес.

Таблица 1

Вероятный состав и физико-технические показатели строительного раствора плотины Гиштбанд

№ пробы	Место применения раствора	Состав	Вероятный весовой состав, %	Объемный вес, *г/см³*	Водопоглощение по весу, %	Прочность при сжатии		Коэффициент размягчения	Снижение прочности насыщением воды, %
						в сухом состоянии	в насыщенном водой состоян.		
1006	Раствор из нижнего слоя плотины	Известь и растительная зола	89+11	1,18	31,7	48	50	>1	—
1007	Раствор из верхнего слоя плотины на высоте 7 *м*	Известь и растительная зола	73,4+26,6	1,12	31,2	59	42	0,71	21,9
1008	Раствор из среднего слоя плотины на высоте 4 *м*	Известь и растительная зола	82+18	1,19	38,20	65	24	0,37	62

Результат химико-технологического анализа проб растворов, взятых с различных частей плотины, показал, что вяжущий материал ее представляет собой наиболее качественный известково-зольный цемент древних гидротехнических сооружений Узбекистана[7] (табл. 1, 2).

[7] Химико-технологические анализы проб растворов были сделаны канд. техн. наук. ст. научным сотрудником Н. С. Гражданкиной.

Цифровые данные, приводимые в таблицах, показывают, что в составе вяжущего материала плотины Гиштбанд в процентном отношении преобладающее место занимает известь. При этом на фоне основной массы выделяются крупные частицы извести, достигающие в сечении 10 × 10; 8 × 12 *мм*. Раствор плотный, хорошо перемешанный. Цифровые данные показателей табл. 1 показывают, что содержание извести в составе раствора пропорционально уменьшается от нижних к верхним слоям. Так, например, если в нижней части коли-

Таблица 2

Химический состав строительного раствора плотины Гиштбанд

№ пробы	Место применения раствора	Химический состав сухого веществе, %							
		SiO_2	Fe_2O_3	Al_2O_3	CaO	MgO	SO_3	потери при прокаливании	сумма компонентов
1006	Раствор из нижнего слоя плотины	7,6	1,52		47,97	1,39	0,41	39,30	98,19
1007	Раствор из среднего слоя плотины на высоте 4 *м*	12,66	1,25	2,77	43,66	2,07	0,56	37,28	100,26
1008	Раствор из верхнего слоя плотины на высоте 7 *м*	19,08	1,43	4,32	39,40	2,15	0,56	32,80	99,74

чество извести в растворе составляет 89% (проба 1006), то в верхнем слое на высоте 7 *м* оно уменьшается до 73,4% (проба 1007). Крупнозернистость раствора, умело дозированного растительной золой, содержащей в большом количестве кремнезем, обеспечила высокое качество, гарантировавшее хорошую устойчивость вяжущего материала на воздухе и в воде.

Таким образом, конструкция плотины Гиштбанд, археологический материал городища Каттатепа и структура строительно-вяжущего раствора датируют этот памятник началом XII в. Изучение древних водных сооружений, относящихся к различным эпохам, дают возможность проследить пути развития ирригационной техники в Узбекистане.

Н. С. ГРАЖДАНКИНА

ГЛАЗУРОВАННЫЕ ИЗРАЗЦЫ В ДЕКОРЕ ПАМЯТНИКОВ XIV — XVII вв. КАК ДАТИРУЮЩИЙ МАТЕРИАЛ

Датирование памятников архитектуры или установление времени их перестроек можно производить с помощью глазурованных изразцов, если таковые имеются в декоре сооружения.

В технике изразцами принято называть керамические изделия с обработанной лицевой поверхностью и румпой — хвостовой частью, с помощью которой изразец укрепляется на сооружении. Изразцы занимают большое место в архитектурной керамике Узбекистана и всего ближнего Востока и отличаются многообразием форм, размеров и разделки лицевой поверхности в зависимости от их назначения. В данной работе рассматриваются изразцы с лицевой поверхностью, покрытой одноцветной глазурью, которые в сочетании с неглазурованными изразцами служили в XIV — XVII вв. для облицовки больших поверхностей сооружений: стен, порталов, барабанов, куполов.

Наиболее ранние из сохранившихся на месте изразцов с голубой глазурью покрывали шатровые купола мавзолеев Фахр-ад-дина-Рази XII в. и хорезмшаха Текеша 1300 г. (Куняургенч). На территории Узбекистана глазурованные изразцы известны лишь с последней четверти XIV в. (Самарканд). Возможно, существовали и более ранние купола, облицованные изразцами, но до нашего времени они не дошли.

Изразцы для облицовки вертикальных поверхностей. Изразцы в Узбекистане, служившие с XIV по XVII в. для облицовки сооружений имеют два типа: неполивные с отшлифованной лицевой поверхностью и глазурованные. Последние образуют орнамент, первые — его фон. Размеры лицевой стороны, одинаковые для обоих типов, имели до XVI в три стандартных единицы. Ширина a их одинакова, длина главного изразца l составляла для среднего не-

сколько меньше $^2/_3$ l и для малого $l = a$, т. е. изразец имел квадратную лицевую поверхность. В конце XIV и на рубеже XIV — XV вв. различаются по величине две группы изразцов: крупноразмерные и мелкие (таблица), в XV в. встречаются только мелкие.

Для покрытия изразцов применялись преимущественно голубые и синие глазури, в меньшем количестве — белые и очень ограниченно — зеленые.

Способ изготовления неполивных изразцов до XVI в. очень несложен. Обычный строительный кирпич квадратной формы надпиливался с двух сторон приблизительно посередине и раскалывался по надпилу на две части. Ударным и одновременно рубящим инструментом, по всей вероятности тешой, грубо окалывалась румпа. Лицевая и боковые поверхности шлифовались на камне. Средние и квадратные изразцы получали распиливанием и раскалыванием главных. Таким же способом готовились и неполивные изразцы мавзолея XIV в. в Азербайджане (Карабагляр).

Глазурованные изразцы изготавливались специально. Формовочную массу из местного лессовидного суглинка[1] после подготовки (промывки, измельчения, перемешивания, затворения, вылеживания и проминки) мастера разделывали на части, соответствующие объему изразца, на глаз соразмеряя их величину. Из приготовленных кусков делали валюшки, которые выдерживали некоторое время в защищенном от солнца месте для удаления лишней воды, но без потери пластичности теста. Далее, из валюшек лепили при помощи гладких дощечек-правил главные изразцы, стараясь выдерживать заданные размеры. Готовые изразцы высушивали и обжигали, затем лицевую поверхность тщательно шлифовали на камне, покрывали глазурным шликером и обжигали вновь при температуре плавления глазури.

Тыльная сторона румпы в конце XIV и на рубеже XIV — XV вв. в постройках времени Тимура ровно заглаживалась правилом (рис. 1, *8* и *9*), иногда на ней встречаются небольшие закраины (рис. 1, *11*). Поперечное сечение имеет форму трапеции, торцы скошены. Изразцы меньшего размера в некоторых случаях имеют на тыльной стороне румпы две продольные черты, сделанные заостренной палочкой (рис. 1, *10* — мечеть Биби-ханым и мавзолей Бурундука в Самарканде, мавзолей Хазрети-Имам в Шахрисабзе.).

---

[1] Составы керамических масс установлены по результатам химических анализов.

Таблица

Размеры изразцов и физико-технические показатели их материала

№ типа изразца рис. 1	Век	Размеры изразцов, *см*						Объемный вес, *гр/см³*	Водопоглощение по весу, %	Прочность при сжатии, *кг/см²*		Снижение прочности от насыщения, %
		длина, *l*		ширина, *a*		длина румпы				в сухом состоянии	в насыщенном водой состоянии	
		от	до	от	до	от	до					
Изразцы для облицовки вертикальных плоскостей												
8	Рубеж XIV—начало XV в	21,0	21,5	5,8	6,2	5,5	6,5	1,56	28,9	152	104	31,5
9	То же	18,5	19,5	4,8	5,2	6,1	6,5	1,42—1,63	20,46—28,9	140—307	97—232	24,4—30,7
10	—„—	16,6	17,6	4,6	5,5	4,8	6,6	1,61	23,12	185	166	10,2
11	—„—	19,6	20,0	5,8	6,0	5,6	5,8	—	—	—	—	—
12	20—30-е годы XV в.	16,0	17,8	4,2	5,0	4,5	6,0	1,47—1,58	26,5—29,0	78—145	102	30,0
13	XVI в.	8,5	8,8	4,0	4,5	2,6	2,9	1,57	21,3	150	92	39,0
14 и 15	XVII в.	9,2	19,2	4,0	4,6	3,0	5,6	1,63	15,0	224	188	16,0
Изразцы для облицовки куполов												
1	Конец XIV в.	27,3	—	7,5	—	8,5	—	1,7	21,16	183	73	60,0
2	Рубеж XIV и XV в.	25,0	—	9,7	9,8	7,5	—	—	—	—	—	—
3	То же	20,8	22,0	16,0	17,5	6,5	7,8	—	—	—	—	—
4 и 5	—„—	17,6	21,5	7,1	8,5	5,6	7,8	—	—	—	—	—
—	20—30-е годы XV в.	—	—	9,1	—	7,5	—	—	—	250	—	—
6	XVI в.	16,5	19,0	7,2	8,5	5,0	9,5	1,61—1,88	11,4—20,6	29—155	18—100	35,5—38,0*)
7	XVII в.	19,5	20,3	9,0	10,0	5,0	7,2	1,7	20,0	492	314	35,8

*) Материал основания—фаянс.

В первой половине XV в. в многочисленных сооружениях, возведенных в период правления Улугбека, на румпе изразцов на тыльной стороне имеются следы заглаживания плоской линейкой, иногда пальцами, с небольшим углублением (рис. 1, *12*).

Точно также сформованы изразцы от облицовки минаретов Муссаля в Герате приблизительно того же времени[2].

Изразцы XIV — XV вв. часто носят следы послеобжиговой обработки в виде околки или подшлифовки боковых сторон,

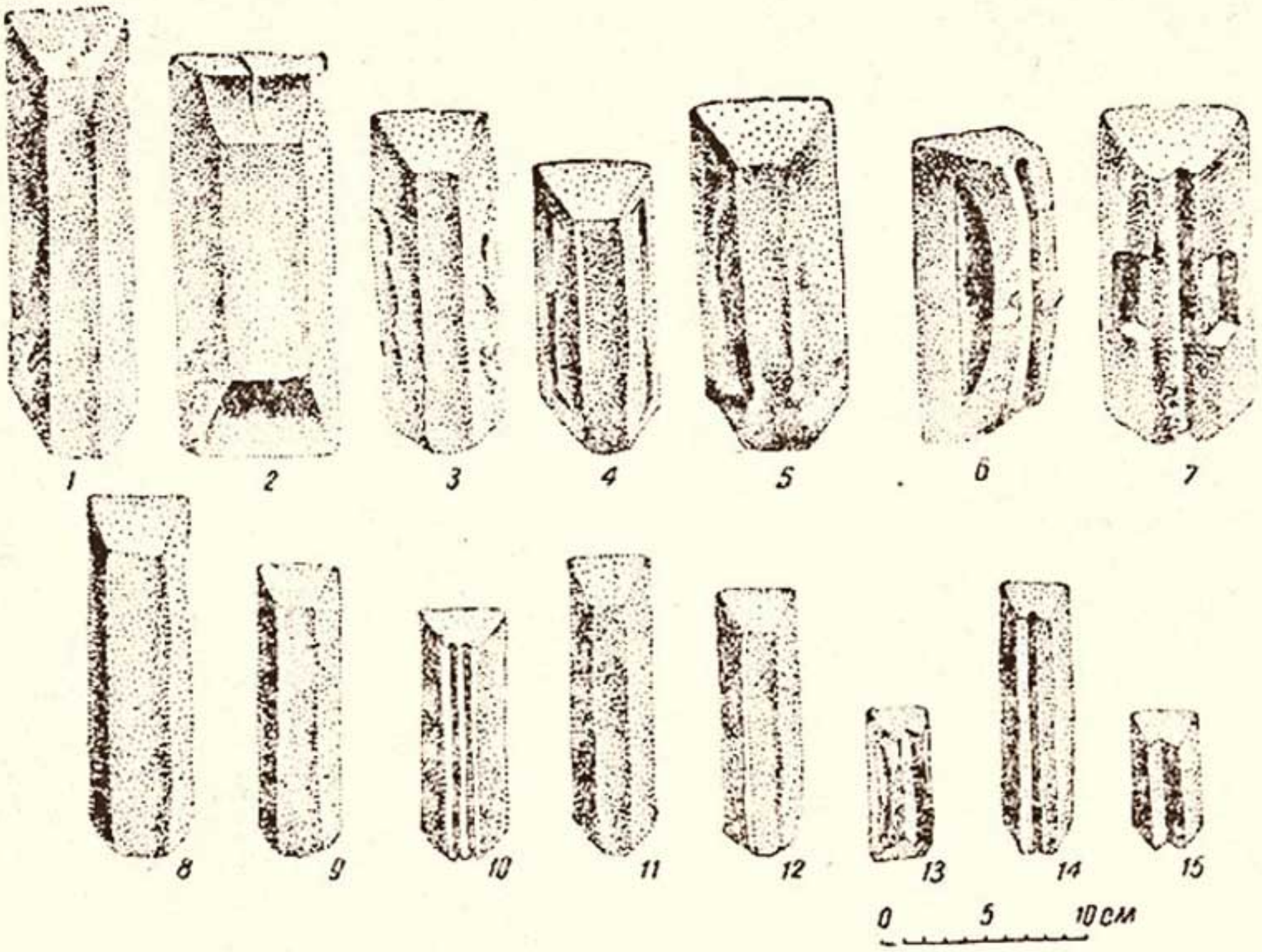


Рис. 1. Разделка румпы глазурованных изразцов в XIV—XVII вв.

необходимой для устранения погрешностей в форме и размерах лицевых поверхностей, неизбежных при лепном способе формования изделий. Средние и малые изразцы никогда не формовались самостоятельно, а откалывались, реже отпиливались, от главных, вследствие чего их размеры варьируют.

На румпе изразцов первой половины XV в. встречаются клейма, оттиснутые штампом (рис. 2). Чаще всего в состав штампа входят квадратики, отделенные один от другого выпуклыми валиками высотой 1,5—2,5 *мм*. Иногда квадратики образуют сетку, покрывающую всю тыльную сторону румпы

[2] Приношу свою благодарность архитектору М. Е. Массону, предоставившему мне возможность ознакомиться с этими изразцами.

(рис. 2, *5* и *6* — мечеть Калян в Бухаре и ханака Улугбека в Самарканде). В Шахрисабзской мечети Кокгумбаз встречаются оттиски двух, различно расположенных квадратиков (рис. 2, *1* и *2*). В первоначальной облицовке мечети Абд-уль-латифа в Уратюбе четыре квадратика оттиснуты на боковой поверхности румпы (рис. 2, *4*). Те же 4 квадратика в обрамлении трилистников встречены на изразцах самаркандского

Рис. 2. Клейма на изразцах первой половины XV в.

медресе Улугбека (рис. 2, *8*). Второй тип клейма — ломаная зигзагообразная линия (рис. 2, *7* — мавзолей Казы-заде Руми) и ее производная — плавно изгибающаяся линия (рис. 2, *3* — ханака при мавзолее Хаджа-абди-Даруна).

Просмотр изразцов одного и того же сооружения убеждает в том, что клеймилась сравнительно небольшая часть изразцов при использовании различных штампов. Вероятно, эти клейма служили для учета выработки отдельных мастеров-формовщиков. Каждый из них раскладывал сформованные изразцы для просушки, отмечая клейменным изразцом начало каждого нового ряда или определенное количество изделий в зависимости от принятой в то время единицы измерения. Считать клейма приспособлением для лучшего сцепления израз-

ца с раствором не приходится, так как их небольшие размеры не могут существенно изменить шероховатость поверхности. Назначение клейм для учета выработки мастеров тем более вероятно, что в Средней Азии в античный период было распространено клеймение сырцового кирпича, назначение которого Г. А. Пугаченкова определяет как способ учета работы отдельных рабов[3]. Ни в ранних, ни в более поздних постройках клейма на изразцах не встречаются. Наличие их свидетельствует о принадлежности сооружения к первой половине XV в.

Способ крепления изразцов XIV — XV вв. также отличается характерными признаками: мозаичный рисунок из изразцов набирался непосредственно на сооружении. Изразцы вдавливались в толстый слой гипсового раствора, наложенного на кладку стены. Швы между изразцами шириной 1,0—1,2—1,5 *см* расшивались гипсом.

В XVI в. изразцы делали преимущественно из фаянса и только в небольшой части из лессовидного суглинка. Вне зависимости от материала их не лепили, а вырезывали по шаблону из пласта тщательно подготовленной массы. В случае использования лессовидного суглинка, формовочную массу выдерживали в виде целого или разрезанного на заготовки пласта до потери подвижности, а потом уплотняли выколачиванием каменными или керамическими колотушками. Изразцы нужной величины и формы вырезали ножом по шаблонам. Румпа этого времени имеет глубокую вырезку вдоль тыльной стороны и по серповидному вырезу на каждой боковой стороне (рис. 1, *13* — медресе Кукельдаш в Ташкенте). Эти вырезы служили для повышения сцепления изразцов с раствором, что стало необходимым с изменением способа их крепления. Начиная с XVI в. изразцы стали собирать в блоки на строительной площадке, так что на стене крепились сразу значительные участки облицовки. Швы между изразцами были сведены к 1,0—1,5 *мм*, вырезы, вмещавшие в себя довольно много раствора, компенсировали десятикратное уменьшение шва.

В XVII в. изразцы не имеют боковых вырезов, но глубокий прорез вдоль тыльной стороны румпы сохраняется (рис. 1, *14* и *15* — мавзолей Хаджи-абди-Бируна, медресе Шир-Дор и Тилля-Кари в Самарканде, мечеть Абд-уль-Лятифа в Уратюбе в части перестройки XVII в.). Остается и способ формования изразцов вырезыванием из хорошо обработанной глины, которая в это время вновь становится единственным матери-

---

[3] Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана, СА, 1963, № 4, стр. 76.

алом для изразцов, вытесняя фаянс. Неполивные изразцы XVII в. формуются так же, как глазурованные. Вырезывание изразцов по шаблону делает ненужной подгонку размеров, поэтому послеобжиговая обработка на изразцах XVI и XVII вв. почти не встречается.

Изразцы для облицовки куполов. Для облицовки куполов использовались более массивные изразцы, чем для стен, — покрытые в большинстве случаев голубой глазурью. Иногда голубые изразцы образуют орнамент на фоне неполивных, иногда в него включаются синие.

Наиболее ранние изразцы из Куняургенча имеют трапецоидальное сечение без вырезок и штампов. Боковые поверхности аккуратно подтесаны. Изразцы XIV в. в Узбекистане близки к ним (рис. 1, *1*, таблица). Лепка при помощи правил произведена очень тщательно, послеобжиговой обработки нет. В изразцах рубежа XIV и XV вв. наблюдается несколько способов разделки румпы. Массивный изразец с купола мавзолея Хазрети-Имам вылеплен с помощью правил, плавные выкружки на его торцах вырезаны (рис. 1, *2*). Аналогичные изразцы встречены среди материалов XII в. из раскопок Оренкалы в Азербайджане. Изразцы с купола центрального здания мечети Биби-ханым (рис. 1, *3*) несут следы большой поспешности при изготовлении. Они очень грубо, без применения правил вылеплены из неокрепшей, невыдержанной массы, на них много следов от пальцев, а на румпе одного из них целиком отпечаталась ладонь. Боковые поверхности всех просмотренных изразцов неопрятно околоты при подгонке размеров. На румпе изразцов с купола мавзолея Биби-ханым и найденных при раскопках в западном коридоре Шах-и-Зинда близ мавзолея Туман-ака имеются вмятины от шаблонов (рис. 1, *4* и *5*) при очень тщательной лепке, с небольшой подтеской. Вмятины приближают поперечное сечение изразцов к букве «Т». Подобными изразцами, но из фаянса облицован купол мавзолея Момине-хатун XII в. в Нахичевани. Изразцы с купола мавзолея Туман-ака, вылепленные обычным способом из глиняного теста, имеют плоскую, сглаженную тыльную сторону румпы, но на боковых сторонах у них вырезки несколько меньшего, чем в XVI в., размера. Точно такой же вид и у фаянсовых изразцов 30—60 гг. XIV в., найденных при раскопках Царевского городища[4]. В Узбекистане такая форма разделки румпы больше не встречается.

Изразцы с куполов сооружений первой четверти XV в. най-

---

[4] Материалы Ахтубинского отряда Поволжской экспедиции МГУ, (1962 г.).

дены только в Бухарской мечети Калян в зоне Улугбековского ремонта (таблица). На боковых сторонах у них — вырезки, а на тыльной стороне румпы — оттиск сетки того же типа, что и на современных им изразцах для стен (рис. 2, *5* и *6*). Боковые вырезки служили для улучшения крепления тяжелых изразцов на куполе.

В XVI в. прочно устанавливается форма румпы с двумя боковыми и одним тыльным глубокими вырезами (рис. 1, *6* — мавзолей Касым-Шейха в Кермине, мавзолеи и ханаки Чор-Бакра, медресе Абдулла-хана в Бухаре и Барак-хана в Ташкенте). Материалом для изразцов куполов XVI в. служит исключительно фаянс различного качества (таблица).

В XVII в. применяется только одна продольная вырезка на тыльной стороне румпы, дополнявшаяся в отдельных случаях углублениями, вырезанными или оттиснутыми на боковых сторонах (рис. 1, *7* — мавзолей Хаджи-Абди-Бируна).

Качество керамического материала как купольных, так и стеновых изразцов зависит от степени уплотнения массы при формовке, так как температура обжига на всем протяжении рассматриваемого периода приблизительно одинакова и лежит в пределах нормы — 900—950°, редко отклоняется до 850°. Вся керамика, за небольшими исключениями, отличается повышенной прочностью, особенно лессовая XVI и XVII вв., приготовленная из хорошо уплотненной массы (таблица).

Глазури голубого цвета, окрашенные медью, относятся к типу заглушенных, щелочно-свинцово-оловянных. Синие прозрачные глазури щелочные, окрашены кобальтом. Те и другие хорошо сохранились.

Температура плавления глазурей находится в пределах между 750—800°. Обжиг изразцов был двукратным: утильный при 900—950° и политой при более низкой температуре[5].

Таким образом, исследование изразцов памятников Узбекистана XIV — XVII вв. выявило известные закономерности в изменении способов выделки их румпы и способов крепления на сооружении. На основе этого можно установить узкие границы периодизации их типов — конец XIV — начало XV в., первая половина XV в., XVI и XVII вв. Наиболее четко выявлены по этим периодам типы стеновых изразцов, на которых и следует базироваться при датировании.

По химико-технологическим показателям изразцы различных периодов резко не отличаются друг от друга, поэтому главным датирующим признаком остается форма румпы.

---

[5] Технологические характеристики изразцов определены в лаборатории.

Б. В. ЛУНИН

САМАРКАНДСКИЙ ЛЮБИТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ И КАЛЛИГРАФ АБУ САʻИД МАХЗУМ

Одна из примечательных страниц в истории археологического изучения Средней Азии (б. Туркестанского края) дореволюционного времени — деятельность любителей старины, собирателей древностей, краеведов-самоучек из среды коренного местного населения. Особого внимания заслуживает их дружественное сотрудничество с русскими учеными, работавшими в Средней Азии, в том числе с русскими востоковедами, археологами. Е. Ф. Каль, Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович и другие с признательностью отмечали содействие, оказываемое им такими любителями и знатоками старины, нередко обладавшими самыми различными сведениями и познаниями по местному краю. В свою очередь знакомство с русскими учеными оказывало благотворное влияние на деятельность местных коллекционеров и ревнителей старины, содействовало расширению их кругозора, поощряло к еще более усердному собиранию предметов древности, прививало им навыки и методику первичной научно-краеведческой работы, втягивало в орбиту влияния передовой русской культуры. Закономерно поэтому, что деятельность местных любителей старины оказывается также неотъемлемой страницей малоизученной истории зарождения и формирования интеллигенции из среды коренного населения Туркестана.

Нам уже довелось опубликовать очерки о жизни и деятельности двух местных любителей-археологов и собирателей древностей: Акрам-Палване Аскарове[1] и Мирза Абдулла Бухари[2].

---

[1] Б. В. Лунин. Узбекский археолог-любитель и собиратель древностей Акрам-Палван Аскаров, «Известия АН УзССР», Серия общественных наук, Ташкент, 1960, № 6, стр. 66—70; Он же. О нумизматической коллекции узбекского собирателя древностей Акрама Аскарова (По архивным данным), История материальной культуры Узбекистана, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 233—246.

[2] Б. В. Лунин. Самаркандский любитель старины и собиратель древностей Мирза Бухари, «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1963, № 6, стр. 32—40.

Жизнь и деятельность еще нескольких местных любителей старины заслуживают несомненного внимания историографов. Это самаркандские жители Мирза Мулла Абд ар-Рахман[3] и Абу Са'ид Махзум.

Материалы о жизни Абд ар-Рахмана и Абу Са'ид Махзума только начаты собиранием, порой они весьма скудны и отрывочны. В этом плане данная статья представляет первую и не претендующую на исчерпывающую полноту попытку осветить жизнь и заслуги перед наукой Абу Са'ид Махзума.

Абу Са'ид был сыном Мулла Кази ибн Мулла Абд ар-Рашида, занимавшего должность муддариса при мадраса Шейбанихана и являвшегося учеником Абу Са'ида-Ходжи, в честь которого Мулла-Кази и дал имя своему сыну[4]. Абу Са'ид получил духовное образование. По словам Н. И. Веселовского, в лице «Мирзы Абу-Саида-Магсума» мы имели «одного из самых начитанных в мусульманской литературе» местных (самаркандских) жителей[5].

Судя по всему, эта начитанность сочеталась у Абу Са'ида с пытливым и любовным отношением к познанию исторического прошлого своего родного города, к его историко-культурным памятникам.

Дошедшие до нас данные об Абу Са'иде восходят ко времени его знакомства с работавшим в Самарканде (90-е годы) известным русским востоковедом Н. И. Веселовским, который вел здесь археологические раскопки, сочетая их с фиксацией историко-архитектурных памятников, приобретением предметов древности и восточных рукописей.

С именем Абу Са'ид Махзума в известной степени связан выход в свет изданного Н. И. Веселовским текста «Самарийа» Абу Тахир ибн Кази Абу Са'ид Самарканди — рукописного труда, известного своими ценными для историков и археологов данными по историко-топографическому описанию г. Самарканда и его округи, местных памятников старины (преимущественно историко-архитектурных памятников культового характера).

Перевод «Самарийа» на русский язык был впервые осуществлен В. Л. Вяткиным и опубликован в 1899 г. Время написания данного сочинения относилось к 30-м годам XIX в.

---

[3] Жизни и деятельности Абд ар-Рахмана мы посвящаем специальную статью, подготовленную к печати.

[4] Предисловие Н. И. Веселовского к кн. «Самария», СПб., 1904, стр. III.

[5] Предисловие Н. И. Веселовского к кн. «Самария», СПб., 1904, стр. 3.

Впоследствии В. В. Бартольд, уточняя время рукописи, считал правильным датировать ее 60-ми годами XIX в.[6]

В 1904 г. Н. И. Веселовский издал таджикский текст «Самарийа»[7] по рукописи, полученной Веселовским в 1896 г. от Абу Са'ида Махзума со следующей дарственной надписью[8]: «Эта книга, сладостью превосходящая сахар, в подарок Вам из Самарканда пришла; в ней собраны все следы и признаки времен, и в действительности, как посмотришь, весь Самарканд к Вам прибыл»[9].

То был экземпляр «Самарийа», переписанный в Самарканде самим Абу Са'идом Махзумом (время переписки раджаб 1313 декабрь 1895 — январь 1896) на европейской (русской) бумаге тушью с выделением заглавий красными чернилами (почерк — насталик)[10].

Будучи искусным каллиграфом и человеком, хорошо знакомым с арабской письменностью, Абу Са'ид успешно практиковал снятие копий с весьма трудных для копирования и прочтения надписей, сохранившихся на историко-архитектурных памятниках Самарканда, в частности и прежде всего — Гур-и Эмира. Изготовляя такие копии, Абу Са'ид не был чужд и практических целей; некоторые копии он продавал посещавшим Самарканд туристам и путешественникам. По свидетельству А. А. Семенова, «всем прежним путешественникам и местным деятелям, интересовавшимся самаркандскими древностями, хорошо были известны эти копии. Они представляли большие полосы плотной писчей бумаги, склеенные из нескольких листов в натуральную величину каждого над-

---

[6] В. В. Бартольд. Новые данные о самаркандских памятниках, ЗВОРАО, т. XXV, Пг, 1921, стр. 83—84.

[7] Самария. Сочинение Абу-Тахир-Ходжи. Таджикский текст, подготовленный к печати проф. Н. И. Веселовским, СПб., 1904 XII+31 стр.

[8] Самария, стр. III.

[9] Видимо, намек на рукопись «Кандия Малая» и по аналогии с ней «Кандийа-и и хурд» сокращенная таджикская редакция «Сахарной книги по истории Самарканда», также содержавшей в себе описание мазаров Самарканда и ряд ценных данных по истории города.

[10] Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения (АН СССР), М.—Л., 1955, стр. 97 (№ 84). Абу Са'ид снимал копию с другой копии, выполненной в феврале-марте 1875 г.; переписчик — Мулла Кази ибн Мулла Абд ар-Рашид (см. № 82), т. е. отец Абу Са'ид Махзума. Сам Веселовский считал, что полученный им от Абу Са'ида «снимок Самарии, едва ли не самый близкий к оригиналу, так как отец Магсума списал для себя рукопись Абу-Тахира в мухарреме 1292 (1875) г.».

гробия (Гур-и Эмира.— *Б. Л.*), нередко на восточный манер вылощенные агатовым зубом; по приготовленной так полосе бумаги Абу Са'ид Ма'сум писал толстым, с широким срезом, тростником, почерком насх, или насх-и сулс ту или иную надпись»[11]. Правда, некоторые «копировки Абу Са'ид Ма'сума не совсем отличались безусловной точностью»[12], что, вообще говоря, естественно. Абу Са'ид не был ученым в строгом смысле этого слова, и к тому же снятие абсолютно точных копий с пространных и крайне замысловатых по исключительной сложности вязи намогильных надписей Гур-и Эмира было, как сказано, делом весьма нелегким. Впоследствии даже у крупных ученых специалистов толкование отдельных слов надписей вызывало сомнения и разночтения, и только А. А. Семенову удалось впервые дать научный перевод надписей с помощью прекрасных фотографий И. П. Завалина и других, с которых в необходимых случаях делались увеличенные репродукции.

В 1898—1899 гг. Н. И. Веселовский осуществлял копирование надписей в Гур-и Эмире[13]. При этом В. А. Крачковская обратила внимание, что среди хранящихся ныне в архиве копий этих надписей некоторые не принадлежат руке Веселовского и имеют пометку: «8 авг. 1897 г. от Махсума». В. А. Крачковская высказала предположение, что копии «списаны каллиграфически одним из местных жителей»[14]. В свете приведенных выше данных не приходится сомневаться, что этим жителем являлся Абу Са'ид Махзум, выступавший, как видим, в качестве деятельного помошника Веселовского.

Так или иначе, но довольно широкое распространение добросовестно и умело изготовлявшихся Абу Са'идом копий с надписей на самаркандских памятниках среди заинтересованных лиц следует признать весьма положительным для своего времени явлением. Это способствовало привлечению внимания к ним специалистов, появлению первых, пусть еще весьма несовершенных, попыток прочтения надписей, создавало правильное общее представление о них.

Частично, по-видимому, с копий, изготовленных рукой Абу

---

[11] А. А. Семенов. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и Эмире, «Эпиграфика Востока», II, М.—Л., 1948, стр. 50.

[12] А. А. Семенов. Цит. соч., стр. 51.

[13] Архив ЛОИА, ф. 18, д. 12.

[14] В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии (Пионеры эпиграфики. Туркестанский кружок любителей археологии), «Эпиграфика Востока», VII, М.—Л., 1953, стр. 52.

Са'ида, издавали надписи на надгробиях мавзолея Гур-и Эмир С. А. Лапин[15] и Э. Блоше[16].

Абу Са'ид Махзум участвовал также в снятии копий с надписей на мавзолеях Шах-и-Зинда и на других памятниках Самарканда[17].

Знакомство Абу Са'ида Махзума с В. В. Бартольдом следует отнести к 1902 г., когда Бартольд среди других городов Средней Азии посетил и Самарканд. В своем отчете о поездке 1902 г. Бартольд указывает, что он осмотрел несколько восточных рукописей, находившихся у одного из обитателей мадраса Тилля-Кари — Абу Са'ида. Кстати сказать, этим фактом лишний раз подтверждается интерес Абу Са'ида к восточным рукописям. Бартольд приобрел у него для Азиатского музея сборник разных ярлыков и других документов, относящихся ко времени от султана Шахруха до последних Шейбанидов; особо значительными были документы на пожалование земель, вакфные и другие грамоты, в том числе жалованная грамота джуйбарским шейхам, освобождающая их земли и имущество от обложения[18].

То, что В. В. Бартольд лично знал Абу Са'ида, подтверждается и письмами Вяткина Бартольду («наш Абу Саид», «известный Вам Абу Саид», — пишет Вяткин)[19].

Мы знаем далее, что самаркандские раскопки, начатые Бартольдом в 1904 г., с 1905 г. продолжались уже В. Л. Вяткиным — сначала на Афрасиабе, а с 1908 г. в других местах — «с целью отыскания остатков обсерватории Улугбека». Раскопки эти были поручены Вяткину по рекомендации Бартольда и осуществлялись на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

---

[15] С. А. Лапин. Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда, Справочная книжка Самаркандской области на 1896 год, Самарканд, 1896, стр. 3—4. Публикация Лапина была заслуженно подвергнута суровой критике Н. Ф. Петровским («Туркестанские ведомости», 1896, № 13), В. Л. Вяткиным (там же, 1896, № 20).

[16] E. Blochet. Ies inscription de Samarkand, «Revue Archeologique», Paris,1897, I, s. 67—109,

[17] Шах-и Зинда и его намогильный памятник. Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 39 (так же стр. 2).

[18] В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан, ЗВОРАО, т. XV, СПб., 1904, стр. 219.

[19] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 55, л. 22, 27. В. В. Бартольд был в Самарканде и в 1902 г. Не устранена возможность, что Абу Са'ид мог стать известным Бартольду уже тогда.

Несмотря на длительную болезнь и материальные затруднения, Абу Са'ид был деятельным участником научных изысканий В. Л. Вяткина. Временами его помощь последнему приобретала исключительно ценный характер. Вяткин консультировался у него по поводу спорных или неясных мест в текстах вакфных документов, восточных рукописей. Помогал Вяткину Абу Саид и в деле отыскания и приобретения последних.

Широкий круг знакомств Абу Са'ида среди местного населения помогал ему отыскивать знатоков народных преданий и сказаний, связанных с отдельными местностями и памятниками старины, находчиков древностей и т. п. Сам Абу Са'ид также отличался большой осведомленностью о местных древностях, в вопросах исторической топографии Самарканда и др.: «Абу Са'ид, — писал Вяткин Бартольду, — стал моим неизменным «ученым советником» и оказывает немалую помощь с редким... усердием и бескорыстием».

Имя Абу Са'ида связано также с одним из самых выдающихся археологических открытий дореволюционного времени в Средней Азии — установлением места нахождения остатков знаменитой обсерватории Улугбека; сочетая показания старинных вакфных документов с народными поверьями и легендами и учитывая пункты случайных находок предметов древности соответствующего времени и характера, Вяткин, как известно, повел в 1908 и 1909 гг. раскопки на холме «По-и-расад» близ арыка Оби-Рахмат (в местности на возможное соответствие которой обсерватории указывали предположительно В. П. Наливкин и др.)[20]. Раскопки увенчались открытием «одного из замечательнейших памятников культуры народов Средней Азии, открытием мирового значения, вызвавшим живые отклики в русской и зарубежной литературе»[21]. Выбору места раскопок помогли и указания местных старожилов, в опросе которых живейшее участие принимал и Абу Са'ид. По словам В. Л. Вяткина, Абу Са'ид был его второй тенью. «Его заинтересованность достойна похвалы».

Все эти и другие заслуги Абу Са'ида перед археологией и востоковедением нашли достойное признание со стороны одного из наиболее авторитетных ученых учреждений того времени.

---

[20] Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, год III, Ташкент, 1897—1898 гг., стр. 231 сл.

[21] В. А. Шишкин. Обсерватория Улугбека и ее исследование, «Труды Института истории и археологии АН УзССР», т. 5, Ташкент, 1953, стр. 5.

11 февраля 1909 г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях единогласно постановил выдать Абу Са'иду вознаграждение в сумме 100 рублей[22] как активному помощнику В. Л. Вяткина по археологическим работам в Самарканде.

Представление об этом было сделано В. В. Бартольдом, который писал: «Имею честь ходатайствовать перед Комитетом о выдаче из сумм Комитета вознаграждения, в размере 100 р., самаркандцу Абу Саиду, деятельному сотруднику В. Л. Вяткина. Сведения, сообщенные В. Л. Вяткиным, показывают, что помощь Абу Саида была для него очень ценна как при установлении места обсерватории Улуг-бека, так и при производстве раскопок»[23].

После награждения в 1887 г. ташкентского археолога-любителя и собирателя древностей Акрама Аскарова малой серебряной медалью Русского археологического общества «за содействие успехам археологии» — это второй известный нам случай, когда высокое научное учреждение (на этот раз в лице Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии) особо отметило заслуги перед отечественной наукой, археологией в частности, представителя коренного населения Туркестана. Аскарова представил к награде крупный русский востоковед — историк и археолог — Н. И. Веселовский, Абу Са'ид Махзума — питомец возглавлявшейся Весселовским кафедры восточных языков Петербургского университета — выдающийся русский востоковед — В. В. Бартольд в соответствии с отзывом известного самаркандского археолога В. Л. Вяткина. Уместно напомнить, что Русский комитет, в работах которого участвовали виднейшие востоковеды нашей страны, являлся постоянным центром Международного Союза для изучения Средней и Восточной Азии, учрежденного на общем собрании XII конгресса ориенталистов в Риме 14 октября 1899 г. Таким образом, признание заслуг Абу Са'ида Махзума перед археологией Средней Азии исходило от компетентнейшего ученого органа своего времени.

Остается добавить, что Абу Са'ид ненадолго пережил открытие остатков улугбекской обсерватории.

---

[22] «Известия Русского комитета...,» № 10, СПб., март, 1910, стр. 9.

[23] Там же, стр. 9. Подлинник собственноручного ходатайства В. В. Бартольда хранится в делах Русского комитета... (Архив АН СССР, ф. 148, оп. I, д. 83, л. 44; протокол заседания комитета 11 февраля 1909 г., д. 68, л. 67—67 об.).

Характерно, что уже будучи тяжело больным, с трудом передвигающимся человеком, Абу Са'ид все еще посещал раскопки, которые вел В. Л. Вяткин на Афрасиабе. «Весной на раскопки цитадели (Афрасиаба. — *Б. Л.*) он (Абу Са'ид.— *Б. Л.*) раза два-три приезжал... но был уже крайне плох», — сообщал Вяткин Бартольду.

Вяткин же в письме от 10 декабря 1910 г. уведомил Бартольда и о смерти Абу Са'ида: «Я, кажется, Вам не писал (еще) о том, что умер Абу Саид»[24].

Каково же было наше недоумение, когда в статье ныне покойного Александра Александровича Семенова мы встретили указание, что в бытность его в Самарканде в 1941 г. «Абу Са'ид Ма'сум был еще жив», являясь «одним из хранителей-приживальщиков (шейхов) Гур-и Эмира» и по-прежнему предлагал любителям изготовленные им копии с надписей мавзолея[25].

Мог ли ошибиться В. Л. Вяткин, сообщая в своих письмах В. В. Бартольду сначала о болезни, а затем и о смерти хорошо известного и ему и Бартольду Абу Са'ида, последние дни и недели жизни которого протекали на глазах у Вяткина? Это исключалось совершенно. А указание Семенова, также известного точностью своих сообщений?

Автору данной статьи пришлось продолжить свои изыскания. Решению возникшей «загадки» способствовал проф. И. И. Умняков.

По справкам, любезно наведенным для нас в 1964 г. И. И. Умняковым среди старожилов Самарканда, речь идет о родном брате Абу Са'ида Махзума — Абу-л-Хайр Махзуме, жившем в одной из худжр мадраса Тилля-Кари и умершем (со слов рассказчиков) в 1947 г.[26] Его и видел, с ним и беседовал А. А. Семенов в 1941 г. Сколько-нибудь подробных данных к биографии Абул-Хайр Махзума нет. Возможно лишь высказать предположение, что он мог в свое время осуществлять копирование надписей совместно с Абу Са'идом или помогать ему в этом деле, а впоследствии и сам изготовлял такие копии.

Жизнь и деятельность энергичного и полезного сотрудника русских ученых-востоковедов и археологов второй половины XIX начала XX вв. — любителя древностей и кал-

---

[24] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 55, л. 39.

[25] А. А. Семенов. Надписи на надгробиях Тимура..., стр. 50.

[26] Машинописный экземпляр рецензии И. И. Умнякова (Самарканд, 23 июня 1964 г.) на рукопись нашей работы «Н. И. Веселовский, как исследователь Средней Азии».

лиграфа Абу Са'ида Махзума заслуживает дальнейшего изучения и более подробного освещения. Память о нем не должна быть предана забвению в анналах истории начального изучения древностей Туркестана[27].

---

[27] Пользуемся случаем указать еще на одного помощника русских ученых из среды коренного населения Самарканда. Это Мухаммед-Бак-Ходжа б. Хади Ходжа, сообщение о смерти которого напечатано в газете «Бухара-и Шериф» и затем в газете «Вакт» (Оренбург, 1912, № 993). По поводу этого сообщения проф. А. Н. Самойлович писал «Присоединяемся к выражениям сожаления обоих газет по поводу смерти скромного обитателя худжры в самаркандском медресе-и Ширдар, богослова-таджика, который живо интересовался русской литературой, *состоял в переписке с рядом русских востоковедов и охотно оказывал им содействие во время посещения ими столицы Тимура* (курсив наш. — *Б. Л.*); Бака-Ходжа был, между прочим, поклонником нашего философа Соловьева, сочинения которого имелись в его худжре-келье; при осмотре последней нашли рукописи, из которых видно, что он был занят составлением брошюры по женскому вопросу» (А. Н. Самойлович. Мусульманская периодическая печать, Печать русских мусульман, «Мир ислама», СПб., 1912, № 4, стр. 620—621; см. также «Известия Русского Комитета...,» 1909, № 9; Краткий отчет о поездке... А. Н. Самойловича в 1908 г.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского Археологического Общества.
ИВЛ — Издательство восточной литературы.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР.
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.
РГО — Русское географическое общество.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея.
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.
ТХАЭЭ (ТХЭ) — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Шишкин. Сорок лет советской археологии в Узбекистане (1924—1964) 5
Р. Х. Сулейманов. Характер развития одной из локальных ветвей эволюции каменной индустрии 19
М. Р. Касымов. Новые исследования по палеолиту Ферганской долины в 1964 г. 28
Н. Х. Ташкенбаев. Наскальные изображения Коронгурсая и Сармыша 36
Г. В. Шацкий. Редкие сюжеты на петроглифах Охны . . . 40
Я. Г. Гулямов. Из истории водоснабжения древнего Пайкенда. 43
Л. И. Альбаум. Городище Дальверзинтепа 47
О. В. Обельченко. Сазаганские курганы 66
В. А. Булатова. Жилой комплекс VII в. в Куве (результаты работ 1964 г.) 82
В. Д. Жуков. Археологическая разведка на Киндаклитепа . . 91
Т. Агзамходжаев. Подземные каменные наусы около г. Ангрен 104
С. К. Кабанов, К. А. Шахурин. Археологическая разведка в верховьях р. Кашкадарья 112
И. Ахраров. Кухонная керамика Ферганы IX—X вв. . . . 125
М. Н. Федоров. Очерк истории Караханидов второй четверти XI в. (по нумизматическим данным) 134
Н. Б. Немцева. Раскопки на территории мавзолея «Безымянный № 2» в комплексе Шахи-Зинда 151
А. Р. Мухамеджанов. Изучение древнего водохранилища Гиштбанд в Джоме 162
Н. С. Гражданкина. Глазурованные изразцы в декоре памятников XIV—XVII вв. как датирующий материал . 169
Б. В. Лунин. Самаркандский любитель древностей и каллиграф Абу Са'ид Махзум 176
Список сокращений 185

Коллектив

История материальной культуры

Вып. 7

Редактор *Л. Остроумова*
Технический редактор *Р. Х. Рузиева*
Корректор *Н. Ш. Ахмедова*

Р00727. Сдано в набор 16/III-66 г. Подписано к печати 10/V-66 г. Формат 60×90¹/₁₆ — 5,87 бум. л.—11.75 печ. л. Уч.-изд. л. 10,8 Изд. № 1694
Тираж 850. Цена 88 коп.

Типография Издательства „Фан" УзССР, Ташкент, ул. Л. Б. Шастри, 21. Заказ 108
Адрес Издательства: Ташкент, ул. Гоголя, 70.

История материальной культуры Узбекистана.
(Сборник статей. Отв. ред. д-р ист. наук
В. А. Шишкин). Вып. 7. Т., «ФАН», 1966.
(Акад. наук УзССР. Ин-т истории и археологии). Тираж 850.
Вып. 7. 1966. 188 стр. с илл.

902.6
И90

Цена 88 к.